

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС **ВОЛГОГРАД**

ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

Том 7
№2(20)
2026
30.06.2026

Том 7 №2(20) 2026

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ

30 июня 2026 года

RELEASE DATE:

June 30, 2026

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер:

серия ЭЛ № ФС 77-78424

от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала

ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number:

ЭЛ series no. ФС 77-78424

of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal

ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,

ул. им. Гагарина, д. 8

Тел.: (8442) 72-68-40;

e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,

Gagarin Street Campus, building 8

Tel.: (8442) 72-68-40;

e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2026

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 2026

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатасемБеллах – Университет Мансуры, Мансура, Египет

Кечина Евгения Аркадьевна – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Кублин Игорь Михайлович – Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Поцелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa (Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassembellah – Mansoura University, Mansoura, Egypt

Evgenia A. Kechina – Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

Али-заде Айдын Ариф оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Алмосов Александр Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Анисимов Алексей Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аширбекова Мадина Таукеновна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Баранов Андрей Владимирович – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Барсукова Татьяна Ивановна – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Болтанова Елена Сергеевна – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Брехова Юлия Викторовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ван Цзиньлин – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Гурбанов Физули Магомед оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Дроздова Юлия Алексеевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Иванова Татьяна Борисовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ишмухамедов Шарип Абдрахманович – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан

Карипов Балташ Нурмухамбетович – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Климук Владимир Владимирович – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь

Лю Янь – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Максимова Ирина Васильевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Маслова Надежда Валентиновна – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Марусинина Елена Юрьевна – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозов Илья Леонидович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Рагозина Татьяна Эдуардовна – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия

Столярова Алла Николаевна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Талипова Нигора Тулкуновна – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устюкова Валентина Владимировна – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

Aydin A. Alizade – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Alexander P. Almosov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Aleksei P. Anisimov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Madina T. Ashirbekova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Andrey V. Baranov – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tatyana I. Barsukova – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena S. Boltanova – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yulia V. Brekhova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Wang Jinling – Changchun University, Changchun, China

Fuzuli M. Gurbanov – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Yulia A. Drozdova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Tatyana B. Ivanova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Sharip A. Ishmukhamedov – Turan University, Almaty, Kazakhstan

Baltash N. Karipov – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Vladimir V. Klimuk – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus

Liu Yan – Changchun University, Changchun, China

Irina V. Maksimova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Nadezhda V. Maslova – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia

Elena Yu. Marusinina – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Iiia L. Morozov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Tatyana E. Ragozina – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia

Alla N. Stolyarova – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nigora T. Talipova – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Valentina V. Ustyukova – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

Зуева Т. М., Чекарь В. Н.
Влияние вызовов будущего на государственную политику России..... 7

Zueva T. M., Chekar V. N.
The influence of future challenges on Russian government policy..... 7

Балгурин Н. В.
Глобальный антимиграционный популизм: паранойя или панацея?..... 24

Balgurin N. V.
Global anti-migration populism: paranoia or panacea?..... 24

Оритша Ф.
Европейская миграционная политика в Нигере В XXI веке..... 32

Oritcha F.
European migration policy in Niger in the 21st century..... 32

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Барсукова Т. И., Шматова А. Н.
Техностресс как детерминанта социальных страхов работающих пенсионеров..... 44

Barsukova T. I., Shmatova A. N.
Technostress as a determinant of social fears of working pensioners..... 44

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

INTERCULTURAL AND BUSINESS COMMUNICATION

Янь Лю
Стратегия развития интернационализации высшего образования в провинции Цзилинь: эволюция и практические подходы..... 55

Yan Liu
Higher education internationalization development strategy in Jilin Province: evolution and practical approaches..... 55

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

Курченков В. В., Улановская Д. А.
Пространственное развитие и преодоление периферийности сельских территорий Волгоградской области и других регионов ЮФО..... 67

Kurchenkov V. V., Ulanovskaya D. A.
Spatial development and overcoming the periphery of rural areas of the Volgograd region and other regions of the southern Federal District..... 67

Леденёва М. В., Акользина Е. В.
Кластерный анализ регионов России
по демографическим и
экономическим показателям..... 79

Ledeneva M. V., Akolzina E. V.
Cluster analysis of Russian regions
by demographic and economic
indicators..... 79

Трошина О. М., Захарова И. В.
Проактивная модель занятости
в условиях трансформации
рынка труда..... 91

Troshina O. M., Zakharova I. V.
Proactive employment model
in the context of labor market
transformation..... 91

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

FINANCIAL ANALYTICS

Усачев Д. А., Малышева Е. Н.
Совершенствование механизма
стимулирования ESG-кредитования
коммерческими банками РФ..... 100

Usachev D. A., Malysheva E. N.
Improvement of the mechanism for
stimulating ESG lending by commercial
banks in the Russian Federation..... 100

МЕНЕДЖМЕНТ

MANAGEMENT

Орлова Е. Р., Федотова Э. М.
Единая государственная информаци-
онная система как основа организации
здравоохранения в Российской
Федерации..... 116

Orlova E. R., Fedotova E. M.
The unified state information system
as the basis for healthcare organization
in the Russian
Federation..... 116

Соколов А. А., Кублин И. М.
Реализация стратегии
пространственного развития Российской
Федерации в контексте решения задачи
обеспечения экономического роста..... 127

Sokolov A. A., Kublin I. M. Implementa-
tion of the strategy for the spatial develop-
ment of the Russian Federation in the con-
text of solving the problem of ensuring
economic growth..... 127

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 316.752(470)

ВЛИЯНИЕ ВЫЗОВОВ БУДУЩЕГО НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ

Татьяна Михайловна Зуева, Виктория Николаевна Чекарь

Азово-Черноморский инженерный институт – филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Донской государственной аграрный университет»,
г. Зерноград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Современное положение дел России в мировой политике, наличие многочисленных видов и трудностей приводят к изменению ценностей и установок граждан страны. Задачей государственной политики является определение стратегии преодоления вызовов, развития собственного представления будущего России. Объектом рассмотрения данной статьи являются вызовы будущего (среди которых охарактеризованы: демографическая ситуация, суверенитет, пересмотр традиционных культурных установок, технологическая независимость) и их анализ. Показано влияние образов будущего на целевые ориентиры российской политики.

Методы. В рамках проводимого исследования и достижения цели были использованы следующие методы: комплексное исследование проблемы, сочетающее изучение научных основ и их практическое проявление, метод анализа и синтеза, инструменты социологического метода (опрос, наблюдение, анализ данных). Методологической основой данной статьи является системный подход.

Анализ. Анализ построен на критическом осмыслении основных вызовов будущего, в результате которого показана связь массового сознания с параметрами образа будущего России и их влияние на политику государства. В статье также проанализированы публикации таких авторов, как Шестопаля Е. Б., Усмановой З. Р. и Смутькиной Н. В., Бардакова А. И., Аганбегяна А. Г., социологические исследования авторов статьи Зуевой Т. М. и Чекарь В. Н. по вопросу патриотических ценностей студентов Азово-Черноморского инженерного института.

Результаты. Показана связь массового сознания с параметрами образа будущего России, влияние вызовов будущего на государственную политику. Определена цель деятель-

ности органов государственной власти как обеспечение стабильного общества на основе учета всей совокупности личности через реализацию диалога власти и граждан страны, поскольку именно ценности оказывают прямое влияние и воздействие на поведение человека и являются фактором стабильности общества.

Ключевые слова: образ будущего страны, демография, суверенитет, ценности, патриотизм, трансформация, государственная политика, вызовы будущего, развитие современного мира, государственное управление, семейные ценности, внешние угрозы.

UDC 316.752(470)

THE INFLUENCE OF FUTURE CHALLENGES ON RUSSIAN GOVERNMENT POLICY

Tatyana M. Zueva, Victoria N. Chekar

The Azov-Black Sea Engineering Institute is a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donskoy State Agrarian University»,
Zernograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. Russia's current position in global politics, with its numerous challenges and challenges, is leading to a shift in the values and attitudes of its citizens. The goal of state policy is to define a strategy for overcoming these challenges and to develop a vision for Russia's future. This article examines the challenges of the future (including demographics, sovereignty, reconsideration of traditional cultural attitudes, and technological independence) and analyzes them. The influence of these visions of the future on the target objectives of Russian policy is demonstrated.

Methods. To achieve this goal, the following methods were used: a comprehensive study of the problem, combining the study of scientific foundations and their practical application, analysis and synthesis, and sociological tools (survey, observation, and data analysis). The methodological basis of this article is a systems approach.

Analysis. The analysis is based on a critical understanding of the main challenges of the future, demonstrating the connection between mass consciousness and the parameters of Russia's future image and their influence on state policy. The article also analyzes publications by authors such as E. B. Shestopal, Z. R. Usmanova, N. V. Smul'kina, A. I. Bardakov, and A. G. Aganbegyan, as well as sociological research by T. M. Zueva and V. N. Chekar on the patriotic values of students at the Azov-Black Sea Engineering Institute.

Results. The connection between mass consciousness and the parameters of Russia's vision of the future is demonstrated, as well as the influence of future challenges on public policy. The goal of government bodies is defined as ensuring a stable society based on the consideration of the individual through dialogue between the government and the country's citizens, as values directly influence and impact human behavior and are a factor in societal stability.

Keywords: image of the country's future, demography, sovereignty, values, patriotism, transformation, public policy, challenges of the future, development of the modern world, public administration, family values, external threats.

Введение. Происходящие в последнее время трансформации в российской и мировой политике влияют на массовое сознание граждан, что в свою очередь приводит к изменению ценностей, убеждений и сценариев, определяющих, как человек воспринимает мир, принимает решения и действует. В современном быстроменяющемся мире постоянно приходится сталкиваться с новыми испытаниями и адаптироваться к новым условиям. За последние годы Россия столкнулась с многочисленными вызовами и трудностями, что предполагает определение стратегий преодоления нынешних и последующих испытаний.

Государство, реализуя внутреннюю и внешнюю политику, обязательно должно иметь представление о будущем, иначе оно рискует стать объектом проектирования со стороны других геополитических субъектов. Ведущая роль при этом принадлежит государственным органам власти, а также социальным институтам, что и определяет актуальность и цель проводимого исследования.

Материалы и методы исследования. Объектом рассмотрения являются вызовы будущего, включающие демографический кризис, технологическое отставание и необходимость диверсификации экономики, снижение зависимости от экспорта ресурсов. Для достижения цели исследования применялись следующие методы: комплексное исследование проблемы, сочетающее изучение научных основ и их практическое проявление, метод анализа и синтеза, инструменты социологического метода (опрос, наблюдение, анализ данных).

Методологической основой проведенного исследования является системный подход, позволивший нам рассмотреть вызовы будущего в целом для российского общества и структурировать приемы деятельности государственных органов по определению вызовов будущего и их влияние на динамику функционирования государства для перспективного проектирования развития страны.

В настоящее время по отношению к сценариям становления будущего можно выделить три подхода: неопределенность будущего, проектирование будущего, предопределенность будущего.

Первый подход исходит из принципиальной неопределенности развития современного мира. Второй – предполагает целевое видение перемен, а также ресурсные возможности. Наличие некой исторической заданности мирового развития, где человек может лишь ускорить или замедлить его ход, приводит к тому, что видение будущего оказывается в этом случае проекцией видения прошлого. Это, в свою очередь, характеризует третий подход – предопределенность будущего.

Целью данной статьи является обозначение основных вызовов будущего, их анализ и, соответственно, выделение основных ценностных установок в дальнейшем развитии России.

Среди вызовов будущего мы постарались охарактеризовать демографию, суверенитет, процесс пересмотра традиционных социокультурных установок, технологическую независимость. Показать влияние образов будущего на целевые ориентиры российской политики.

Анализ. Характеризуя демографию как вызов будущего, среди основных особенно хочется выделить показатель – коэффициент рождаемости, отражающий частоту рождений в определенной группе населения (обычно за год) и основная сущность которого заключается в измерении интенсивности деторождения.

Сегодня в российских регионах коэффициент рождаемости находится в диапазоне от 0,8 до 1,2, при этом более точный суммарный коэффициент рождаемости, показывающий среднее число детей на одну женщину, в России на конец 2025 года снизился до 1,374, что является минимумом с 2006 года [6].

По данным Росстата выше 2 коэффициент рождаемости по состоянию на декабрь 2025 года был в Чечне (2,596), Ямало-Ненецком автономном округе (2,01) и Туве (2,214). Ниже всего показатели в Ленинградской (0,914), Смоленской (1,012) и Владимирской областях (1,059). Ранее, в 2024 году суммарный коэффициент рождаемости выше 2 также был в Чечне (2,673) и Туве (2,292). Ниже всего показатели были в Ленинградской области (0,888), Севастополе (0,996) и Мордовии (0,998) [5; 6]. Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод, что высокий коэффициент рождаемости наблюдается в тех регионах, где сохранились и продолжают развиваться сильные матриархальные ценности.

Учитывая, что для простого воспроизводства необходимо, чтобы суммарный коэффициент рождаемости был около 2,1 можно отметить, что данная ситуация уже сегодня ведет к естественной убыли населения, поскольку число умерших почти вдвое превышает число родившихся, а в перспективе это приведет к старению населения, дефициту рабочей силы и повышению возраста матерей, что в целом создаст высокую демографическую нагрузку.

Сегодня Россия занимает девятое место по численности населения в мире, а по прогнозам ООН, при сохранении динамики естественного воспроизводства, к середине 21 века она окажется на восемнадцатом месте. Отсюда вытекают основные перспективные ориентиры воспроизводства населения: величина суммарного коэффициента рождаемости – трое детей на одну женщину и повышение продолжительности жизни российского населения.

Так в 2024 году средняя продолжительность жизни в Российской Федерации составила 72,8 лет, что на 0,6 года меньше, чем в 2023 году. В национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь» обозначается рост продолжительности жизни к 2030 году до 78 лет, а к 2036 году – 81 год. Надо отметить, что доля пожилых людей в нашей стране возрастает, и в рамках прогноза, к 2035 году достигнет 26,6 % [13]. Отметим, что в мире первое место по продолжительности жизни занимает Гонконг – 85,5 лет, второе – Япония (84,7 лет), третье место – Южная Корея (83,3 года) [21].

В феврале 2026 года Правительство Российской Федерации утвердило «Стратегию демографической политики Дальнего Востока до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (распоряжение от 2 февраля 2026 г. № 170-р). В рамках данной стратегии планируется обеспечить стабилизацию численности населения Дальнего Востока на уровне не менее 7,86 млн

человек к 2036 году за счет повышения рождаемости, снижения смертности и стимулирования миграции, поскольку несмотря на то, что суммарный коэффициент рождаемости в Дальневосточном Федеральном Округе (1,491) выше среднероссийского (1,4) [9], регион сталкивается с серьезными вызовами.

Сегодня на Дальнем Востоке основные проблемы заключаются не столько в обеспечении роста, сколько в сохранении проживающего населения (7,8 млн. чел. – около 5,38–5,6 % от численности РФ), увеличении его плотности – сегодня это 1,1 чел./1 км², в то время как ДФО занимает 40,6 % (около 6,95 млн км²) территории России. По сравнению со среднероссийским уровнем плотности населения, составляющем 8,5–9 чел./км², уровень в Чукотском АО крайне низкий – 0,07–0,1 чел./км², в Якутии (Саха и Магадан) – 0,3 чел./км² [13], что характеризует экстремальную неравномерность расселения или заселение по очаговому типу. Что касается миграционной политики на Дальнем Востоке, то основной состав мигрантов представляют преимущественно граждане Средней Азии (около 65 %), а не Китая, как мы себе ранее представляли, общее количество которых составляет только 12,5 % [7].

Несмотря на реализацию программы «Дальневосточный гектар», запущенную в 2016 году и предусматривающую безвозмездное получение земли (до 1 га) на Дальнем Востоке или в Арктике, за весь период ее функционирования не наблюдается значительного числа переселенцев. А из прибывших в 2014 году 400 семей из Донбасса (порядка 1500 чел) [7], расселявшихся по всей территории Дальнего Востока в местах с имеющимся свободным жильем, осталось около 75–80 % [10], поскольку, во-первых, приехало много шахтеров, металлургов и рабочих узких специальностей из промышленных городов Донбасса и в масштабах небольших дальневосточных сел или аграрных районов их навыки были не востребованы, а во-вторых – свободное жилье находилось там, откуда местное население уже уехало именно из-за отсутствия работы.

Наряду с социологической характеристикой демографии, отметим и правовые инициативы на уровне государства.

Как известно самыми первыми национальными проектами по повышению рождаемости и поддержке семьи на федеральном уровне стали программы: «Молодая семья», предоставляющая субсидии в размере 30–35 % от стоимости жилья и «Материнский капитал» (в рамках которой выдается сертификат при рождении детей), которые совместно могут использоваться для покупки жилья или погашения ипотеки. И весьма понятно, что демографическое будущее страны полностью зависит от семьи и ценностей, которые она транслирует, и не случайно 2024 год был объявлен Годом Семьи.

И сегодня Правительство Российской Федерации продолжает работать в этом направлении, в частности с 1 января 2025 года началась реализация национального проекта «Семья», включающем пять федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Он стал расширенным правопреемником проекта «Демография», запущенным в 2019 году, и направленным на финансовую поддержку семей при рождении детей, со-

здание яслей, повышение качества жизни и обеспечение активного долголетия, содействие занятости женщин.

В тоже время ряд инициатив представителей государственного управления разных уровней власти вызывают определенные сомнения:

- идея ввести налог на бездетность, который уже имел место в налоговой системе нашей страны в период с 1941 года до 1992 года, имевший официальное название «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан», охватывавший бездетных мужчин (от 20 до 50 лет) и женщин (от 20 до 45 лет) и выплачиваемый в размере 6 % от заработной платы;

- предложение вице-спикера Госдумы Бориса Чернышова запустить всероссийскую лотерею среди новорожденных, предусматривающую ежемесячные розыгрыши 10 квартир, 100 автомобилей и 1000 комплектов бытовой техники для стимулирования рождаемости;

- введение Закона о запрете чайдлфри, вступившего в силу 4 декабря 2024 года, запрещающего в России пропаганду отказа от деторождения в интернете, СМИ, кино и рекламе, при этом Закон не запрещает быть чайдлфри;

- внедрение академических и социальных льгот для студенческих семей в виде посещения занятий по индивидуальному графику и возможность переходить на дистанционные формы аттестации (онлайн-экзамены, зачеты), приоритет на жилье в общежитии, материальная помощь и стипендиальные доплаты.

Все это хорошо, но при отсутствии единой системы, функционирующей на федеральном уровне, недостаточном размере выплат и большой величине риска качества образования и карьерного старта остаются вопросы к этим инициативам. Мы согласны с мнением специалистов, выделяющим ряд причин низкой рождаемости сегодня. Это, во-первых, так называемый «социальный инфантилизм», когда двадцатилетние воспринимают себя ещё детьми и поэтому не готовы брать на себя родительские обязательства; во-вторых, недостаток финансовых средств; в-третьих, отсутствие собственного жилья у молодых семей и финансовые сложности, связанные с его приобретением и как следствие – рост разводов; в-четвертых, неуверенность в завтрашнем дне заставляют пары откладывать или вовсе отказываться от рождения детей. Так, ВЦИОМ по результатам опроса молодежи отмечает, что 60 % респондентов от 22 до 30 лет считают построение карьеры главной целью жизни, а остальное «...как сложится». За личную жизнь и семью голосует 25 %. Средний возраст вступления в брак перевалил за 30 лет, а рождение первенца откладывается еще дальше [14].

На наш взгляд, в данном случае необходимо обратить внимание на опыт Израиля, где наблюдается прирост коренного населения за счет роста рождаемости, обеспечиваемого сочетанием культуры, высокой религиозности и мощной господдержки в области медицины (например, бесплатное ЭКО до рождения двух детей) и содержания многодетной семьи. И несмотря на то, что ситуация в большей степени относится к группе ультраортодоксальных евреев, в семьях которых рождаемость достигает 6,2–6,6 детей на семью, многодетность популярна и среди светского населения (около 2,2–2,4 детей) [20], что гораздо выше, чем в Европе или России.

В сложившейся ситуации возникает вопрос: «Кто больше заинтересован в приросте населения – семья или государство?»

При всей неоднозначности ответа, мы считаем, что государство, поскольку, во-первых, у него есть стратегические опасения возможного появления «демографической ямы», которая может привести к крушению экономики; во-вторых, для любого государства люди это – экономический ресурс в виде налогоплательщиков, содержащих пенсионную систему и обеспечивающих рост ВВП, надежная обороноспособность и стабильная геополитическая устойчивость. При этом стоит отметить, что государство заинтересовано не просто в «наращении человеческого капитала», а в обеспечении его качественных результатов через создание условий получения здоровых, образованных и законопослушных граждан.

Поэтому, при анализе демографической ситуации в России нужно исходить из комплексного подхода. Демографическое будущее не должно опираться только на материальную поддержку, в приоритете государственной политики должны быть установки, направленные на защиту семейных ценностей, и уже внесены соответствующие поправки в Конституцию России.

Воспитательная деятельность при взаимодействии семьи с социальными институтами также важна в данном направлении, что позволит восстановить систему традиционных ценностей. Именно они определяют «аксиологическое будущее» нашей страны, обеспечивая ей устойчивое развитие общества. В 2022 году Указом Президента Российской Федерации была закреплена основа мировоззренческого строительства в России – традиционные духовно-нравственные ценности [16].

Проблема суверенитета, как вызова будущего страны, стала главной при формировании устройства постсоветской России. Представления о суверенитете включают в себя, на наш взгляд, два периода: первый – кризис союзной государственности, приведший к распаду СССР (1990–1992 гг.) и второй – со середины 90-х годов по настоящее время – стабилизационный этап, или можно сказать период укрепления государственного суверенитета.

Суверенитет, как известно, включает в себя два вида: внутренний и внешний. Первый характеризуется управляемостью страны из единого центра, способностью этого центра быть организатором жизнедеятельности и развития общества. Определение суверенности государства на международной арене входит в понятие «внешний суверенитет». Другими словами, суверенитет – это степень самостоятельности страны, ее неподконтрольности каким-либо внешним силам или другим государствам.

Самостоятельность нашей страны должна проявляться в экономической, территориальной, технологической и других видах независимости, что в конечном счете приведет к росту патриотизма, консолидации общества. И этому процессу однозначно мешает уровень социального и имущественного неравенства в нашей стране.

Реальной угрозой для России сегодня является не только СВО, но и усилия Запада «отменить» Россию, изолировав ее. В. Фёдоров приводит такие данные: 69 % опрошенных говорят, что чувствуют ответственность за свою страну и готовы экономить и ограничить

свои потребности ради её защиты, 24 % опрошенных (т.е. каждый четвертый) к такому самоограничению не готов [18].

В своем послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года Президент Российской Федерации В. В. Путин отмечал, что суверенитет нужно доказывать, подтверждая каждый день, потому как речь идет только о нашей ответственности за настоящее и будущее России [11].

Вопрос о технологической независимости России наиболее остро обозначился в 2022 году, когда большинство зарубежных компаний покинули пределы нашей страны. В первую очередь это касалось микроэлектронной промышленности, возникший дефицит оборудования и компонентов предопределил создание отечественной технологической базы критически важным процессом. Правительством России была поставлена задача по достижению технологического суверенитета, который становится реальностью при преодолении зависимости от импорта и реализации нацпроект «Цифровая экономика».

В 2024 году на Саммите будущего Генассамблея ООН приняла так называемый «Пакт во имя будущего», к которому прилагался «Глобальный цифровой договор», признанные российской делегацией как «неприемлемые». Важно заметить, что только семь участников Ассамблеи выступили против: Россия, Беларусь, КНДР, Иран, Накарагуа, Судан, Сирия, а вот Китай, от которого можно было ожидать сопротивление цифровому глобализму, возражать не стал, поскольку очевидно, что этот пакет ему выгоден. Документ предоставляет возможность влиять на международные стандарты, а Китай опережает все страны по масштабам цифровой индустрии и идет жесткая конкуренция между США и Китаем.

Что касается России, то она более активно внедряет цифровизацию в госуправление, госуслуги, образование, хотя на наш взгляд, ее необходимо внедрять прежде всего в промышленность и оборонно-промышленный комплекс, но видимо в данных направлениях это объективно делать сложнее.

Кстати, по поводу образования – есть основания полагать, что сегодня школы и вузы должны развивать у учащихся способность пользоваться собственным, естественным интеллектом, а не искусственным, который у обучающихся такого возраста может ослаблять навык глубокой проработки материала и подавлять творческое мышление, способность искать нестандартные решения. Ведь в идеале образовательные системы должны научить человека управлять технологиями, а не делегировать им право думать.

Сегодня путь Российской Федерации – выбор точечных приоритетов, поскольку у нас нет массового экспортного производства, нет необходимой базы в области «компьютерного железа», специализированного оборудования и платформ искусственного интеллекта, нет крупных финансовых ресурсов, крупных международных компаний, которые имели бы возможности работать в данной сфере. Более того, в России правовой статус ИИ не обозначен, нет закона об ИИ, и пока только предполагается его принять в 2027 году. Тем не менее его внедрение – это задача государственной важности, поскольку он напрямую влияет на прирост ВВП, эффективность оборонно-промышленного сектора и цифровой суверенитет стра-

ны. Сегодня искусственный интеллект – это не столько модный тренд, сколько большие возможности и большая ответственность.

Тотальная цифровизация способствует установлению глобального контроля над миром. Сейчас идет процесс переструктурирования миропорядка, который в будущем возможно назовут «точкой бифуркации» или точкой перелома, переходного момента, когда ситуация меняется кардинально и когда прежние законы развития перестают действовать, а «система решает», перейти ли ей к хаосу или к новому порядку.

Глобализация – это не только цифровизация и роботизация. Это обнуление среднего класса, сокращение коренного населения большинства стран, общественная атомизация, то есть процесс распада социальных связей; дробление семьи – дети отдельно, либо вообще их отсутствие; отсутствие семьи в целом. Все эти вызовы накладываются на наши внутренние проблемы.

В 90-е годы XX века Россия в немалой степени утратила научно-технологический и производственный потенциал, сложилась сложная демографическая ситуация, поэтому задача нашей страны – как можно скорее перейти к иной модели – модели созидательного общественного бытия и солидарного развития. То есть, речь идет о том, чтобы перевести экономику ресурсов в экономику смыслов и знаний, что требует системного объединения усилий государства, науки и общества.

Ещё одной ощутимой проблемой на сегодняшний день является ценностный кризис, выражающийся в тенденциях «расчеловечивания человека», когда человек перестает восприниматься как уникальная личность с чувствами и правами, превращаясь в функцию, цифру в статистике или инструмент. Катализаторами сложившейся ситуации являются как социальные, так и культурные факторы. Например, индивидуализация и оптимизация общества, когда человек превращается в «проект», требующий постоянного улучшения, что порождает культ продуктивности; размывание коллективных ценностей, замещающихся гедонизмом; нарциссизм и транслирование образа жизни, что отдаляет человека от искренних, глубоких отношений, формирование множества поверхностных, «слабых» связей, не дающих человеку в случае реального кризиса опоры и поддержки. Имеет место культурная фрагментация, где разнообразие культур и субкультур приводит к размыванию общих ценностей и норм, а также к усилению конфликтов между различными группами населения.

Информационное пространство наполнено фейковыми новостями, дезинформацией, что угрожает национальной безопасности, подрывает доверие к традиционным источникам и меняет воспоминания людей, создавая почву для манипуляции общественным мнением. Огромный объем информации и его постоянное обновление порождает чувство дезориентации и приводит к неуверенности и утрате способности к критическому мышлению. Все вышеобозначенные проблемы являются следствием ослабления культурного суверенитета. В связи с этим является интересной позиция авторов Ю. С. Путрик и А. П. Соловьева, которые рассматривают защиту самобытности России через призму культурного наследия и выделяют роль образовательной и просветительской деятельности в формировании этого процесса [12].

В контексте достижения культурного суверенитета возрастает роль специалистов гуманитарного профиля, поскольку именно они занимаются систематическим изучением и интерпретацией историко-культурного наследия, включая традиции, ценности и языковые особенности, присущие конкретной нации. Их деятельность направлена на выявление и осмысление уникальных характеристик, отличающих одну культуру от другой, на трансмиссию этих знаний последующим поколениям через обучение и сохранение традиций. Отсутствие глубокого понимания и осознанного восприятия этих основ национальной культуры делает невозможным формирование сильной и зрелой национальной идентичности.

Гуманитарная подготовка обеспечивает индивида инструментарием необходимым для распознавания дезинформации, противостояния пропаганде и сохранения индивидуальной автономии. Можно утверждать, что гуманитарное образование – это своего рода механизм, создающий интеллектуальный иммунитет, поскольку чем шире кругозор, тем меньше индивид подвержен манипуляции. Нельзя недооценивать роль гуманитариев в защите от социокультурной экспансии. Обладая глубокими знаниями в области культурологии, социальной теории они способны анализировать сложные культурные процессы, выявлять признаки доминирования чуждых культурных моделей и разрабатывать стратегии противостояния им. Они критически оценивают внедряемые ценности и идеологии, представляемые в средствах массовой информации и цифровой среде, тем самым сохраняя национальную идентичность.

Новая культурная политика России строится на сохранении и восстановлении цивилизованно ценностных принципов российской культуры, традиционных поведенческих образов, что в целом позволяет обеспечить культурный суверенитет России. При этом, на наш взгляд, необходимо преодолеть установки гипертрофированной коммерциализации в сфере культуры, снизить роль развлекательного контента и «патогенного» продукта, и обеспечить переход от культуры – индустрии развлечений, к культуре – инструменту просвещения, воспитания и сохранения классических ценностей. Другими словами, российская культура должна отличаться глубоким психологизмом, потребностью в обретении «больших смыслов», что в конечном счете приведет к краху установок поверхностных трендов западной «культуры отмены».

Рассмотренные вызовы будущего влияют не только на государственную политику России, но и на образ будущего нашей страны. На сегодняшний день существует достаточное количество публикаций, рассматривающих вопросы в рамках обозначенной проблемы, которые касаются социологического, психологического, экономического, философского, лингвистического исследования. Анализируя содержание этих публикаций, хотелось бы отметить работы А. Г. Аганбегяна [1], А. И. Бардакова [2; 3], Н. Н. Кошкарновой [8], З. Р. Усмановой, Н. В. Смутькиной [17], Е. Б. Шестопал, Н. Н. Рогач [19].

Кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова в конце 2023 – начале 2024 года в 37 регионах Российской Федерации были проведены исследования, касающиеся представлений россиян о будущем своей страны [19]. В результате были описаны представления будущего России в сфере влияния на них глобальных и национальных аспектов, в частности: развития экономики; проведения СВО;

политические аспекты, куда вошли ожидания, связанные с властью, лидерами, политическими институтами, а также социальные аспекты, представленные ожиданиями респондентов в сферах образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения и т.д. Оказалось, что в будущем России участники опроса хотели бы видеть увеличение внимания государства к вопросам экологии, региональной политики.

При проведении данного исследования под руководством Елены Борисовны Шестопал, образ будущего рассматривается как многоуровневая структура. Были рассмотрены индивидуальные и коллективные перспективы; пессимизм и оптимизм – как эмоциональный образ будущего; желаемое – идеальное и возможное – реалистичное, т.е. разграничение между идеальным видением россиянами образа будущего, основанного на ценностях, и реалистичным сценарием, основанным на текущей ситуации. Кстати, эти два вида образов будущего по-разному воздействуют на поведение и сознание людей в настоящем. Также отмечается, что перед лицом военных угроз и экономических санкций общество в России консолидировалось [19].

Н. Н. Кошкарлова рассматривает вызовы будущего и развитие страны через призму конструирования национально-государственной идентичности с учетом внутри- и внешнеполитических факторов. Российское будущее формируется и трансформируется на двух уровнях: уровень стратегического планирования и нормативного закрепления, и уровень общественных перспектив [8].

И естественно, что российское будущее, формируясь и трансформируясь в общественном сознании, волнует не только обывателей, но и представителей различных научных направлений: социологии, политологии, истории, социального прогнозирования, лингвистики, психологии, экономики. Образ будущего также максимально тесно связан с потребностями и запросами конкретного гражданина, что предполагает решение задач не только государственных структур, но и всего российского общества.

Теоретико-методологические вопросы прогнозирования социально-экономического развития России до 2030–2035 годов рассматриваются в трудах известного экономиста А. Г. Аганбегяна, где он анализирует сложившуюся в России систему долгосрочной стагнации и предлагает альтернативные сценарии перехода к устойчивому экономическому росту [1].

Также представляют интерес рассматриваемые в трудах А. И. Бардакова вопросы обеспечения политической стабильности и безопасности России, где он подчеркивает, что политическое развитие России невозможно без учета национальных традиций, ценностей и исторического опыта, а также взаимодействия власти и общества на местах [2; 3].

Образ России будущего включает в себя и аксиологический или ценностно-мотивационный компонент, формируя смысловую основу развития страны и обеспечивая связь между историческим прошлым и желаемым будущим, то есть опору на духовно-нравственные ценности, среди которых: семья, патриотизм, суверенитет, солидарность, коллективизм. В нашей стране сегодня появилось много публикаций, касающихся патриотизма и патриотических ценностей в Российской Федерации. Причинами их появления, на наш взгляд, стало выступление В. В. Путина в декабре 2019 года на пресс-конференции и его

Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [16].

Нами было проведено анкетирование студентов всех направлений подготовки в Азово-Черноморском инженерном институте в период 2025–2026 годов по вопросам оценки патриотических ценностей студентов. Патриотические ценности рассматривались с двух сторон: аксиологического и идеологического.

В анкетировании участвовало 200 человек, которым предлагалось ответить на вопросы: «Какой смысл Вы вкладываете в понятие «патриотизм»; «Без каких компонентов патриотизм для Вас просто невозможен»; «Какие факторы влияют на патриотизм»; «Какие проекты патриотической направленности реализуются среди студентов»; «Изменилось ли патриотическое воспитание в Вашем образовательном учреждении в условиях проведения Россией Специальной военной операции»; «На что нужно обратить внимание в процессе воспитания студентов»; «Считаете ли Вы себя патриотом»; «Какие социальные и политические институты повлияли на формирование Ваших гражданско-патриотических качеств»; «В каких гражданско-патриотических мероприятиях Вы принимаете участие и как часто».

Результаты опроса показали, что из всего числа респондентов 46,6 % считают, что смысл понятия «патриотизм» включает в себя уважение к своей стране и народу; 40,8 % – любовь к своей Родине, а 15,8 % – готовность защищать свою страну. Среди факторов, влияющих на патриотизм, отдается предпочтение исторической эпохе. Участие в проектах патриотической направленности – это прежде всего, общероссийские акции «Поезд помощи», «Письмо солдату», 45 % – волонтерская работа. Процент постоянно участвующих в гражданско-патриотических мероприятиях невелик, всего 2–3 раза в год. 42,5 % респондентов отмечают влияние Специальной военной операции на патриотическое воспитание студентов.

На основе обработанных данных опроса студентов Азово-Черноморского инженерного института можно констатировать, что в системе патриотического воспитания они выступают не только как пассивные исполнители «спускаемых сверху» инициатив, но и как активные участники акций на вузовском и региональном уровнях, что позволяет им транслировать собственные взгляды и мнения в своем окружении, тем самым влияя на систему патриотических ценностей у студенческой молодежи.

Результаты. Таким образом, можно сказать, что ценности оказывают прямое влияние и воздействие на поведение человека и являются фактором стабильности общества. И органы государственной власти призваны обеспечивать общественную стабильность, учитывая всю совокупность ценностей личности, через реализацию диалога власти и граждан страны.

При этом, влияние вызовов будущего предопределяет целевые ориентиры государственной политики к которым мы относим: будущее мироустройства, будущее человека, аксиологическое будущее, экономическое будущее и качество жизни россиян, будущее в сфере культуры и образования, будущее в сфере национальных отношений, вопросы демографии, технологическая независимость, развитие регионов, городов и поселков, совершенствование институтов гражданского общества, сбережение нашего культурного и исторического наследия [15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аганбегян, А. Г. Возможный сценарий будущего: двухэтапное социально-экономическое развитие России до 2030–2035 гг. / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 244, № 6. – С. 228-260. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-244-6-228-260. – EDN MZIOCU.
2. Бардаков, А. И. Местное самоуправление в политической системе современной России / А. И. Бардаков // Парадигмы управления, экономики и права. – 2023. – № 1 (7). – С. 7-18. – EDN WITJDB.
3. Бардаков, А. И. О перспективах поиска путей политического развития России / А. И. Бардаков // Методология познания истории: объективные механизмы развития versus политический проективизм: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Донецк, 19 апреля 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 26-33. – EDN AADGQI.
4. Демография: Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г.: [офиц. сайт] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 23.03.2026).
5. Донской, Д. Кто сломал семью в России и как остановить вымирание / Д. Донской // Г-та «Мир Новостей». – 2026. – № 5 (1675).
6. Дорофеева, Е. Суммарный коэффициент рождаемости продолжил снижаться в 2025 г. / Е. Дорофеева // «Ведомости». – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/23/1171174-summarnii-koeffitsient-rozhdaemosti-prodolzhil-snizhatsya> (дата обращения 23.01.2026).
7. Иванов, И. И. Трансформация миграционных потоков на Дальнем Востоке России / И. И. Иванов // Миграционные исследования. – 2024. – № 3. – С. 40–52.
8. Кошкарлова, Н. Н. Когнитивно-дискурсивная характеристика образа будущего России: уровни и компоненты / Н. Н. Кошкарлова // Политическая лингвистика. – 2024. – № 4 (106). – С. 68-73. – EDN CLPAZF.
9. Об утверждении Стратегии демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2026 № 170-р // Собрание законодательства РФ. – 2026.
10. Петров, П. П. Государственные программы расселения и их эффективность в ДФО / П. П. Петров // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 85–94.
11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года // Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения 23.03.2026).
12. Путрик, Ю. С. К вопросу о социокультурных факторах укрепления культурного суверенитета российской Федерации / Ю. С. Путрик, А. П. Соловьев // Культурное наследие России. – 2024. – № 2 (45). – С. 14-19. – EDN HUSAZL.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. – С. 38-41. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 23.01.2026).

14. Семья после 30: как экономические и социальные факторы перестраивают отношения // Ведомости: электронное периодическое издание. – 2026. – 8 апреля. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/04/08/semya-posle-30-kak-ekonomicheskie-i-sotsialnie-faktori-perestraivayut-otnosheniya (дата обращения: 13.04.2026). – Текст: электронный.

15. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 13.04.2026).

16. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – Текст: электронный // официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 25.03.2026).

17. Усманова, З. Р. Образ будущего страны в представлениях российских граждан: по результатам исследования 2024 года / З. Р. Усманова, Н. В. Смутькина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 1(97). – С. 11-30. – DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-11-30. – EDN AIMTEF.

18. Цепляев, В. Фактор СВО. Глава ВЦИОМ Фёдоров объяснил резкую смену настроений россиян / В. Цепляев // «Аргументы и Факты», № 44, 29.10.2025 г. – URL: <https://aif.ru/politics/russia/edinoe-cennoe-sociolog-rasskazal-cto-splachivaet-rossiyskoe-obshchestvo> (дата обращения 29.10.2025).

19. Шестопап, Е. Б. Представления российских граждан о своей стране сквозь призму нового самосознания / Е. Б. Шестопап, Н. Н. Рогач // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 1 (97). – С. 31-56. – DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-31-56. – EDN JVTVJG.

20. Society in Israel. Statistical Abstract / Central Bureau of Statistics. – Jerusalem: CBS, 2024. – No. 16. – 482 p. – URL: cbs.gov.il (дата обращения: 18.04.2026).

21. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2024). World Population Prospects 2024: Summary of Results (UN DESA/POP/2024/TR/NO. 9). United Nations. – URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 25.03.2026).

REFERENCES

1. Aganbegyan, A. G. Vozmozhny`j scenarij budushhego: dvuxe`tapnoe social`no-e`konomicheskoe razvitie Rossii do 2030-2035 gg / A. G. Aganbegyan // Nauchny`e trudy` Vol`nogo e`konomicheskogo obshhestva Rossii. – 2023. – Т. 244, № 6. – S. 228-260. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-244-6-228-260. – EDN MZIOCU.

2. Bardakov, A. I. Mestnoe samoupravlenie v politicheskoy sisteme sovremennoj Rossii / A. I. Bardakov // Paradigmy` upravleniya, e`konomiki i prava. – 2023. – № 1 (7). – S. 7-18. – EDN WITJDB.

3. Bardakov, A. I. O perspektivax poiska putej politicheskogo razvitiya Rossii / A. I. Bardakov // Metodologiya poznaniya istorii: ob`ektivny`e mexanizmy` razvitiya versus politicheskij proektivizm: Materialy` X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Doneczk, 19 aprelya 2024 goda. – Doneczk: Doneczkij nacional`ny`j texnicheskij universitet, 2024. – S. 26-33. – EDN AADGQI.
4. Demografiya: Ocenka chislenosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2025g. i v srednem za 2024 g.: [oficz. sayt] / Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (data obrashheniya: 23.03.2026).
5. Donskoj, D. Kto slomal sem`yu v Rossii i kak ustanovit` vy`miranie // G-ta «Mir Novostej», № 5 (1675), 2026 g.
6. Dorofeeva, E. Summarny`j koefficient rozhdaemosti prodolzhit snizhat`sya v 2025 godu // «Vedomosti». – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/23/1171174-summarnii-koeffitsient-rozhdaemosti-prodolzhit-snizhatsya> (data obrashheniya 23.01.2026).
7. Ivanov, I. I. Transformaciya migracionny`x potokov na Dal`nem Vostoke Rossii / I. I. Ivanov // Migracionny`e issledovaniya. – 2024. – № 3. – S. 40-52.
8. Koshkarova, N. N. Kognitivno-diskursivnaya xarakteristika obraza budushhego Rossii: urovni i komponenty` / N. N. Koshkarova // Politicheskaya lingvistika. – 2024. – № 4 (106). – S. 68-73. – EDN CLPAZF.
9. Ob utverzhdenii Strategii demograficheskoy politiki Dal`nego Vostoka na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda: Rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 02.02.2026 № 170-r // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2026.
10. Petrov, P. P. Gosudarstvenny`e programmy` rasseleniya i ix e`ffektivnost` v DFO / P. P. Petrov // E`konomika regiona. – 2021. – T. 17, № 2. – S. 85-94.
11. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal`nomu Sobraniyu 29 fevralya 2024 goda // Vy`stuplenie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina s Poslaniem Federal`nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (data obrashheniya 23.03.2026).
12. Putrik, Yu. S. K voprosu o sociokul`turny`x faktorax ukrepleniya kul`turnogo suvereniteta rossijskoj Federacii / Yu. S. Putrik, A. P. Solov`ev // Kul`turnoe nasledie Rossii. – 2024. – № 2 (45). – S. 14-19. – EDN HUSAZL.
13. Regiony` Rossii. Social`no-e`konomicheskie pokazateli. – 2024. – S. 38-41. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (data obrashheniya 23.01.2026).
14. Sem`ya posle 30: kak e`konomicheskie i social`ny`e faktory` prestraivayut otnosheniya // Vedomosti: e`lektronnoe periodicheskoe izdanie. – 2026. – 8 aprelya. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/04/08/semya-posle-30-kak-ekonomicheskie-i-sotsialnie-faktori-perestraivayut-otnosheniya (data obrashheniya: 13.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

15. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 g. № 309 «O nacional`ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (data obrashheniya 13.04.2026).

16. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» – Tekst: e`lektronny`j // oficial`ny`j sajt. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (data obrashheniya 25.03.2026).

17. Usmanova, Z. R. Obraz budushhego strany` v predstavleniyax rossijskix grazhdan: po rezul`tatam issledovaniya 2024 goda / Z. R. Usmanova, N. V. Smul`kina // Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk. – 2025. – T. 20, № 1 (97). – S. 11-30. – DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-11-30. – EDN AIMTEF.

18. Ceplyaev, V. Faktor SVO. Glava VCIOM Fyodorov ob`yasnil rezkuyu smenu nastroenij rossiyan // «Argumenty` i Fakty`», № 44, 29.10.2025 g. – URL: <https://aif.ru/politics/russia/edinoe-cennoe-sociolog-rasskazal-cto-splachivaet-rossiyskoe-obshchestvo> (data obrashheniya 29.10.2025).

19. Shestopal, E. B. Predstavleniya rossijskix grazhdan o svoej strane skvoz` prizmu novogo samosoznaniya / E. B. Shestopal, N. N. Rogach // Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk. – 2025. – T. 20, № 1 (97). – S. 31-56. – DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-31-56. – EDN JVTVJG.

20. Society in Israel. Statistical Abstract / Central Bureau of Statistics. – Jerusalem: CBS, 2024. – No. 16. – 482 p. – URL: cbs.gov.il (data obrashheniya: 18.04.2026).

21. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2024). World Population Prospects 2024: Summary of Results (UN DESA/POP/2024/TR/NO. 9). United Nations. – URL: <https://population.un.org/wpp/> (data obrashheniya 25.03.2026).

Информация об авторах

Татьяна Михайловна Зуева, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Азово-Черноморский инженерный институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде, ул. им. Ленина, 21, 347740, г. Зерноград, Зерноградский район, Ростовская область, Российская Федерация, Tanya.zuyeva.2023@List.ru, SPIN-код: 1231-3289, AuthorID: 686556

Виктория Николаевна Чекарь, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления, Азово-Черноморский инженерный институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде, ул. им. Ленина, 21, 347740, г. Зерноград, Зерноградский район, Ростовская область, Российская Федерация, Lubim1317@ramble.ru, SPIN-код: 3384-2034, AuthorID: 471360

Information about Authors

Tatyana M. Zueva, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Foreign Languages, Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of the Don State Agrarian University in Zernograd, Lenin St., 21, 347740, Zernograd, Zernograd district, Rostov region, Russian Federation, Tanya.zuyeva.2023@List.ru, SPIN-код: 1231-3289, AuthorID: 686556

Victoria N. Chekar, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of the Don State Agrarian University in Zernograd, Lenin St., 21, 347740, Zernograd, Zernograd district, Rostov region, Russian Federation, Lubim1317@ramble.ru, SPIN-код: 3384-2034, AuthorID: 471360

Для цитирования: Зуева Т. М., Чекаръ В. Н. Влияние вызовов будущего на государственную политику России // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 7-23. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

УДК 325.1; 32.019.51

ГЛОБАЛЬНЫЙ АНТИМИГРАЦИОННЫЙ ПОПУЛИЗМ: ПАРАНОЙЯ ИЛИ ПАНАЦЕЯ?

Никита Владимирович Балгурин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматривается вопрос антимиграционного популизма как коммуникативного фактора, оказывающего влияние на внутренние политические процессы в США, странах Европы, России.

Методы исследования. Методологической основой исследования выступает коммуникативный подход в политологии, позволяющий представить антимиграционный популизм одновременно как конструируемый объект, по отношению к которому выстраиваются отношения разных заинтересованных групп, так и тактический инструмент формирования коммуникативного пространства. Сравнительный анализ использования антимиграционных популистских практик позволяет сделать значимые обобщения в отношении глобального и национального аспектов рассматриваемого феномена.

Дискуссия. Анализируется использование миграционной повестки популистами. На примере США, Европы и России доказывается тезис о том, что антимиграционная риторика используется в качестве инструмента мобилизации электората. Данные опросов свидетельствуют о том, что динамика общественных настроений в отношении миграции не связана напрямую с реальными миграционными потоками. Популизм превращает миграцию в символ противопоставления «своих» и «чужих», конвертируя социальную тревогу в политический капитал. При этом использование популизма в таком социально чувствительном вопросе может способствовать политической поляризации общества, обостряя противоречия и приводя к конфликтам как на национальном, так и на международном уровнях.

Заключение. Делается вывод о том, что антимиграционный популизм хоть и носит глобальный характер, но не является ни паранойей, ни панацеей, а обладает скорее конкретно политическим значением в качестве тактического коммуникативного инструмента борьбы за электорат в условиях конкурентной политической борьбы.

Ключевые слова: миграция, популизм, глобализм, современная Россия, политический процесс.

UDC 325.1; 32.019.51

GLOBAL ANTI-MIGRATION POPULISM: PARANOIA OR PANACEA?

Nikita V. Balgurin

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the issue of anti-immigration populism as a communicative factor influencing internal political processes in the United States, Europe, and Russia.

Research methods. The methodological basis of the research is the communicative approach in political science, which makes it possible to present anti-migration populism both as a constructed object in relation to which relations between different interest groups are built, and as a tactical tool for forming a communicative space. A comparative analysis of the use of anti-migration populist practices allows us to make significant generalizations regarding the global and national aspects of the phenomenon under consideration.

Discussion. The use of the migration agenda by populists is analyzed. Using the example of the USA, Europe and Russia, the thesis is proved that anti-immigration rhetoric is used as a tool to mobilize the electorate. Survey data indicate that the dynamics of public sentiment towards migration is not directly related to actual migration flows. Populism turns migration into a symbol of the opposition of «friends» and «strangers», converting social anxiety into political capital. At the same time, the use of populism in such a socially sensitive issue can contribute to the political polarization of society, exacerbating contradictions and leading to conflicts both at the national and international levels.

Conclusion. It is concluded that anti-immigration populism, although global in nature, is neither paranoia nor a panacea, but rather has a specific political significance as a tactical communicative tool for the struggle for the electorate in a competitive political struggle.

Keywords: migration, populism, globalism, modern Russia, political process.

Введение. Актуальность исследования обусловлена ростом глобальной напряженности в мире. Миграционные процессы становятся все более значимым фактором политической борьбы, особенно в электоральные периоды. Превращение миграции в политический символ позволяет упрощать сложные социально-политические проблемы, предлагая «быстрые» и «простые» решения, которые вызывают позитивный отклик у существенной части общества. Такая риторика создает пространство для конфликта, который грозит не только эрозией демократических институтов, но и создает риски для социальной стабильности и межнационального согласия.

Методы исследования. В настоящей работе фокус исследовательского внимания сосредоточен на двух феноменах, имеющих социально-политический подтекст: миграция и по-

пулизм. Анализ указанных явлений требует формирования комплексного теоретического подхода, способствующего объяснению не только самих феноменов, принципов их устройства и работы, но и характера их взаимодействия.

Современное понимание миграции базируется на системном понимании, включающем микроуровень индивидуальных решений (рациональный выбор, сети), мезоуровень структурных ограничений и возможностей (экономические диспропорции, институты) и макроуровень глобальных процессов и дискурсивных конструкций. Теоретической основой исследования стала неоклассическая теория миграции, впервые предложенная М. Тодаро и Дж. Харрисом, являющаяся наиболее ярким примером функционалистской парадигмы. Хотя данная теория фокусируется, прежде всего, на экономических детерминантах, в контексте данной работы она важна для понимания объективной базы миграционных процессов, которую популисты затем субъективируют и превращают в политический символ. Существенное значение для нас имеют не только предпосылки появления антимиграционного популизма, но и сам механизм того, как это работает в публичном пространстве: в каких терминах, образах, границах выражается.

В связи с этим, методологической основой исследования выступил коммуникативный подход, который позволил представить популизм не только как сигнал, передаваемый представителем одной заинтересованной группы другой, но и самовоспроизводимое коммуникативное пространство, где миграционный (антимиграционный) дискурс сам себя поддерживает, создавая все новые смыслы и образы, разделяемые той или иной социальной группой. Миграция в коммуникативной системе становится знаком, символом, в отношении которого формируется проблема и определенный алгоритм (упрощенный) ее решения. Тем самым, проблема может меняться, тогда как характер коммуникации, использующий популизм в качестве технологии, остается фиксированным (однако изменения возможны при влиянии внешней среды).

Таким образом, цель статьи – не сводить антимиграционный популизм к одной из двух крайностей, обозначенных в заглавии, а выявить его функциональную природу как коммуникативной тактики в конкурентной политической среде, по возможности, оценивая его объективные предпосылки и субъективные политические эффекты.

Дискуссия. Антимиграционные настроения являются одним из наиболее активных направлений популистской деятельности. Б. И. Макаренко отмечал, что в политологическом ракурсе популизм определяется через противопоставление элиты и народа [7, с. 8]. Рост популизма, как правило, происходит в кризисные моменты как результат накопившегося в обществе недовольства и желания к скорейшему разрешению назревших проблем. Этим и обусловлена одна из характеристик популизма как инструмента привлечения электората посредством акцента на простых решениях в отношении сложных вопросов. При этом популизм является неотъемлемой частью демократии. Профессор политологии Технического университета Дрездена В. Й. Патцельт даже сказал, что «популизм – это всего лишь уродливый брат прекрасной девушки по имени “демократия”» [11, с. 16].

А. А. Аргамакова, рассматривая феномен популизма в разных ракурсах, фиксирует, что «политические гражданские движения часто используют популистские тактики, а общественные проблемы могут артикулироваться без проработки научных программ, направленных на их решение» [2, с. 259]. Нас здесь интересует использование слова «тактики», что подразумевает получение краткосрочного эффекта при использовании популизма. Тем самым, применение популистских технологий не направлено на непосредственное решение проблемы, а призвано оказать влияние на распределение определенных ресурсов при обещании эту проблему решить. Ресурсы, в свою очередь, не ограничиваются электоральными, хотя именно в период подготовки и проведения выборов популизм в большей степени проявляется в публичном пространстве.

В диссертации на соискание степени кандидата наук Д. К. Зарубин отмечает, что популизм может выступать как «политический стиль» [4, с. 14]. Таким образом, популизм становится не только коммуникативной технологией, призванной так или иначе повлиять на целевую группу, но и ориентиром, в соответствии с которым индивид выстраивает свое видение политического мира, а также формы взаимодействия с «другими».

Приход к власти в США Д. Трампа был обусловлен, во многом, расставленными в ходе избирательной кампании акцентами на вопросах миграции и проблем с экономикой [6]. И вопрос миграции является одним из наиболее спорных и тревожащих американское общество. Можно было бы предположить, что ситуация в США является уникальной ввиду нетипичности самой фигуры Д. Трампа и характера его отношений с истеблишментом, однако, мы полагаем, что антимиграционные настроения все в большей степени влияют на избирательные кампании, обретая глобальный характер.

Подобная инструментализация миграционного вопроса не является уникальной чертой американского политического процесса. Заданный тренд демонстрирует, что антимиграционная риторика успешно адаптируется и в иных, различающихся политической культурой, социально-экономическими, духовными условиями, обществах.

В Европе миграционный кризис является фоном политики последних 10 лет. О росте правого популизма и причинах его формирования писала Ю. А. Мартинец. Автор отмечала, что противопоставление идентичностей привело к формированию специфического коммуникативного пространства в Европе, где особое значение имели не только вопросы соотношения «своих» и «чужих», но и формирование идентификационного вопроса: «кто мы – европейцы или немцы/французы/итальянцы?». Объясняя причины поддержки правых популистов, Ю. А. Мартинец выделила систему факторов этому способствующих:

1. Глобализация и беспрецедентное расширение единой Европы.
2. «Еврабия» – исламизация европейского общества.
3. Влияние политики постправды.
4. «Эмоциональный дефицит» европейцев.
5. Влияние общественного мнения.
6. Противоречивая глобальная экономика.
7. Растущая демографическая проблема.

8. Болезненная проблема национальной идентичности [8, с. 130-133]. Именно указанные факторы формируют фундамент европейского популизма, связанного с антиглобалистским, антимигрантским трендами.

Статья в газете «Известия» с названием «Восточный поток: эскалация вокруг Ирана грозит Европе волной беженцев» прямо фиксирует напряженность в данном вопросе, отмечая работу стран по обсуждению потенциальных изменений миграционных потоков, которые могут создать новый масштабный миграционный кризис, превышающий последствия сирийского кризиса 2015–2016 гг. «Европейские лидеры опасаются, что миграционный кризис может усилить внутренние политические разногласия в ЕС. Опыт середины 2010-х годов показал, что резкий приток беженцев способен привести к росту поддержки правых партий, ужесточению пограничного контроля и противостоянию между государствами союза» [3]. Можно предположить, что даже отсутствие нового миграционного кризиса не остановит нарастание популистской риторики, поскольку сам факт потенциальной угрозы уже эксплуатируется политическими акторами.

В российской политической традиции западные тренды работают по-особому. Если популизм в западных либеральных демократиях является политической технологией, направленной на то, чтобы понравиться избирателю, а прибегают к нему, как правило, оппозиционные партии, то в РФ, по мнению А. В. Минаевой, популизм является «способом сохранения существующего положения вещей» [9, с. 130]. Тем самым в российской политике популизм представляется не как конструирующий элемент, формирующий общественное мнение, а скорее, как антенна, ловящая сигнал, отражающий реальные (или вымышленные) запросы населения.

Отношение к мигрантам в России отличается сильной динамикой с выраженными подъемами и спадами позитива/негатива.

Таблица 1 – Данные ВЦИОМ на закрытый вопрос «Как на Ваш взгляд, за последние годы изменились межнациональные отношения в России?» (% от всех опрошенных) [5]

	2005	2006	2008	2011	2013	2023
Они стали более напряженными	41	36	24	39	57	39
Какими были, такими и остались	35	39	40	40	33	38
Стали менее напряженными	17	17	27	11	7	15
Затрудняюсь ответить	7	8	9	10	3	8

Обращает на себя внимание тот факт, что пик напряженности (57 %), зафиксированный в 2013 году, не коррелируется напрямую с пиками миграционных потоков в Россию, так как в 2013–2014 гг. миграция была умеренной. Это косвенно подтверждает, что антимигранционная риторика способна генерировать тревогу относительно независимо от реальной миграционной ситуации, выступая в качестве самостоятельного фактора мобилизации общественного недовольства. Вместе с тем стоит отметить, что на 2013 г. приходится волна террористических актов, которые естественным образом приводят к росту тревоги в обществе и поиску виновных в лице «чужих».

Вопрос непосредственного отношения к переезду в Россию людей из других стран в последние годы является поляризационным. Если в 2013 году соотношение тех, кто относится к данному явлению скорее положительно и скорее отрицательно составляло 14 % к 74 %, то в 2023 году – 47 % к 40 % соответственно [5].

Г. А. Монусова в статье 2021 года отмечает, что «Россия по отношению к этнически «своим» на фоне европейских стран выглядит достаточно толерантной и сопоставима по доле респондентов, позитивно относящихся к присутствию таких мигрантов, с Ирландией и Швейцарией, уступая только Германии, Швеции и Норвегии. К приезду этнически «других» россияне менее благосклонны, чем жители «старой» Европы, но по сравнению с постсоциалистическими странами проявляют чуть больше гостеприимства» [10, с. 447], что вписывает Россию в общий европейский контекст.

В статье Независимой газеты «Антимиграционная риторика противоречит ностальгии по советской империи» встречаем симптоматическое выражение: «Антимиграционная риторика, подзабытая в последние годы, вернулась в политический дискурс» [1]. Данное заявление фиксирует не столько отсутствие антимиграционной риторики в предшествующий период, сколько ее переход из периферийных сегментов публичного пространства в один из ключевых политических дискурсов.

Заключение. В результате исследования мы можем ответить на вопрос, поставленный в заглавии статьи. С одной стороны, антимиграционный популистский тренд не является паранойей, поскольку миграционные вызовы имеют реальную объективную основу, что подтверждается данными статистики. С другой стороны, антимиграционный популизм не является панацеей, так как коммуникация в таком русле делает упор на обозначении проблемы и тактических (зачастую упрощенных) шагах по ее решению, что не устраняет ее структурных причин (а зачастую и усугубляет). Тем самым, уместно квалифицировать антимиграционный тренд как эффективную коммуникационную технологию. Он позволяет политическим акторам конвертировать социальную тревожность в электоральный капитал, используя миграцию как удобный символ для мобилизации «своих» против «чужих».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антимиграционная риторика противоречит ностальгии по советской империи // Независимая газета. 10.07.2024. – URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-07-10/2_9046_red.html (дата обращения: 22.03.2026).
2. Аргамакова, А. А. Популизм / А. А. Аргамакова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 74. – С. 257-265. – EDN: ANPIKU.
3. Восточный поток: эскалация вокруг Ирана грозит Европе волной беженцев // Известия. 12.03.2026. – URL: <https://iz.ru/2057170/albert-kalashian/vostochnyj-potok-ehskalaciya-vokrug-irana-grozit-evrope-volnoj-bezhencev> (дата обращения: 23.03.2026).
4. Зарубин, Д. К. Популистский дискурс в цифровом пространстве. Диссертация. Санкт-Петербург. – 2025. – 275 с.

5. Иммигранты в России: за и против // ВЦИОМ. 14.08.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 23.03.2026).

6. Косяков, В. Е. Особенности избирательной кампании Д. Трампа / В. Е. Косяков // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – № 17 (1). – С. 105-111. – EDN: XYENKL.

7. Макаренко, Б. И. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива / Б. И. Макаренко // Вестник общественного мнения. – 2017. – № 1-2 (123). – С. 8-21. – EDN: YKKMIH.

8. Мартинец, Ю. А. Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) / Ю. А. Мартинец // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2019. – № 1. – С. 123-138. – EDN: XHMUQC.

9. Минаева, А. В. Российский популизм: политическая реальность или перспектива? / А. В. Минаева, // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2017. – № 4. – С. 123-133. – EDN: XSANUD.

10. Монусова, Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян / Г. А. Монусова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6 (166). – С. 436-458. – DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2139. – EDN PZAIHY.

11. Патцельт, В. Й. Популизм – и что с ним делать // Популизм как общий вызов / Отв. ред. К. Кроуфорд, Б. И. Макаренко, Н. В. Петров. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – С. 16-26.

REFERENCES

1. Antimigracionnaya ritorika protivorechit nostalgii po sovetskoj imperii // Nezavisimaya gazeta. 10.07.2024. – URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-07-10/2_9046_red.html (дата обращения: 22.03.2026).

2. Argamakova, A. A. Populizm // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. – 2023. – № 74. – S. 257-265. – EDN: ANPIKU.

3. Vostochnyj potok: èskalaciya vokrug Irana grozit Evrope volnoj bezhencev // Izvestiya. 12.03.2026. – URL: <https://iz.ru/2057170/albert-kalashian/vostochnyj-potok-ehskalaciya-vokrug-irana-grozit-evrope-volnoj-bezhencev> (дата обращения: 23.03.2026).

4. Zarubin, D. K. Populistskij diskurs v cifrovom prostranstve. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskix nauk. Sankt-Peterburg. – 2025. – 275 s.

5. Immigranty` v Rossii: za i protiv // VCIOM. 14.08.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 23.03.2026).

6. Kosyakov, V. E. Osobennosti izbiratel`noj kampanii D. Trampa // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. – 2017. – № 17 (1). – S. 105-111. – EDN: XYENKL.

7. Makarenko, B. I. Populizm i politicheskie instituty` : sravnitel`naya perspektiva // Vestnik obshhestvennogo mneniya. – 2017. – № 1-2 (123). – S. 8-21. – EDN: YKKMIH.

8. Martinecz, Yu. A. Rost pravogo populizma v sovremennoj Evrope (po ocenkam evropejskix e`kspertov) // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya. – 2019. – № 1. – S. 123-138. – EDN: XHMUQC.

9. Minaeva, A. V. Rossijskij populizm: politicheskaya real`nost` ili perspektiva? // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. – 2017. – № 4. – S. 123-133. – EDN: XSANUD.

10. Monusova, G. A. Otnoshenie k migrantam: mneniya i somneniya rossiyan // Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny`. – 2021. – № 6. – S. 436-458. – DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2139. – EDN: PZAIHY.

11. Patcel`t, V. J. Populizm – i chto s nim delat` // Populizm kak obshhiy vy`zov / Otv. red. K. Krouford, B. I. Makarenko, N. V. Petrov. – M.: Politicheskaya e`nciklopediya, 2018. – S. 16-26.

Информация об авторе

Никита Владимирович Балгурин, аспирант, кафедра государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066, г. Волгоград, Российская Федерация, nbalgurinnn@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2054-9257>, SPIN-код: 7030-2910, AuthorID: 1280185

Information about the Author

Nikita V. Balgurin, Postgraduate Student of the Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, nbalgurinnn@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2054-9257>, SPIN-код: 7030-2910, AuthorID: 1280185

Для цитирования: Балгурин Н. В. Глобальный антимиграционный популизм: паранойя или панацея? // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 24-31. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

УДК 325.1(662.6)"20"

ЕВРОПЕЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В НИГЕРЕ В XXI ВЕКЕ

Флора Оритша

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению влияния изменений миграционной политики Евросоюза в середине 2010-х гг. в Нигере. С 1990-х гг. страна стала важной транзитной зоной для миграции из Западной и Центральной Африки в Ливию и в Европу. Миграция является важным ресурсом в Нигере, однако она не подвергалась политическому регулированию со стороны правительства этой страны.

Методы. В исследовании анализируется трансформация миграционной политики Нигера, наибольшее внимание уделено миграционному закону, принятому под влиянием ЕС.

Анализ. В 2015 г. Нигер стал ключевым государством-партнером в реализации европейской политики миграционного контроля, поскольку рассматривался как альтернативная страна для мигрантов, оказавшихся в Ливии и Северной Африке. Европейская миграционная политика в Нигере имела основной целью предотвращение миграции. В статье подчеркивается, что, помимо своей функции по борьбе с нелегальной миграцией в Европу, европейская миграционная политика в Нигере рассматривала миграцию как угрозу безопасности в связи с терроризмом.

Результаты. Правительство Нигера, желая получать финансовые выгоды от ЕС, приняло миграционный закон в интересах западного партнера. Это нарушило привычную экономическую конъюнктуру региона и привело к росту недовольства населения внутренней политикой своей страны. Переворот в Нигере 2023 г. явился следствием этой ситуации.

Ключевые слова: Нигер, Европейский Союз, миграция, границы, экстернализация, Западная Африка, мигрант.

UDC 325.1(662.6)"20"

EUROPEAN MIGRATION POLICY IN NIGER IN THE 21ST CENTURY

Flora Oritcha

Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the impact of changes in the migration policy of the European Union in the mid-2010s in Niger. Since the 1990s, the country has become an important transit area for migration from West and Central Africa to Libya and Europe.

Migration is an important resource in Niger, but it has not been politically regulated by the Government of that country.

Methods. The study analyses the transformation of Niger's migration policy, with a focus on the migration law adopted under the influence of the EU.

Analysis. In 2015, Niger became a key partner state in the implementation of the European migration control policy, as it was considered an alternative country for migrants in Libya and North Africa. The European migration policy in Niger was primarily aimed at preventing migration. The article emphasizes that, in addition to its role in combating illegal migration to Europe, the European migration policy in Niger also considered migration as a security threat related to terrorism.

Results. The government of Niger, seeking financial benefits from the EU, passed a migration law in the interests of its Western partner. This disrupted the region's economic landscape and led to growing discontent among the population regarding their country's domestic policies. The 2023 coup in Niger was a direct consequence of this situation.

Keywords: Niger, The European Union, Migration, Borders, European migration policy, externalization, West Africa, Migrant.

Введение. Миграционная политика – это деятельность международных организаций, государственных органов, политических партий, органов муниципальной власти, общественных движений и организаций, и их лидеров, и др. по регулированию миграционных процессов и отношений посредством использования механизмов политической власти в интересах реализации наиболее значимых общественных потребностей. К их числу относятся социально-экономическое развитие территорий, обеспечение национальной безопасности и правопорядка и др. [2, с. 29].

На рубеже XX–XXI вв. глобализация привела к существенному росту межгосударственных миграционных потоков. В этих условиях миграционная политика во многих странах, включая европейские, стала одним из основных направлений деятельности государства. Перемещение людей использовалось как инструмент для решения демографических и экономических проблем. Но вместе с тем, в принимающих странах возникали и новые сложности, связанные с изменениями в социальной сфере: острые вопросы ассимиляции приезжих, их социальной адаптации и включения в местную (в нашем случае европейскую) экономику.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что географическое положение Нигера обусловило становление его одним самых значимых миграционных пунктов на Африканском континенте. Через него пролегали пути беженцев из Западной и Центральной Африки в Северную Африку и далее в страны Европейского Союза. Европейская миграционная политика, претерпевшая значительные изменения после миграционного кризиса первой половины 2010-х гг., во многом повлияла и на внутривнутриполитическую ситуацию в странах-партнерах, к которым относится и Нигер. Осмысление этих событий и опыта даст возможность точнее определить причинно-следственные связи этого взаимодействия – как изменение одного политического вектора способно трансформировать социальную парадигму в це-

лом. В свою очередь, это позволит лучше прогнозировать последствия государственных решений в сфере миграционной политики.

Российские политологи обращали внимание на проблему миграционной политики Евросоюза [3], миграционного кризиса в Западной Африке [1; 5], появились труды и о политическом перевороте в Нигере 2023 г. [6]. Данная работа призвана проанализировать развитие ситуации в Нигере, которое было связано с европейской миграционной политикой в регионе и выявить влияние проблем миграции на смену власти в стране. Этого не было сделано ни в русскоязычных, ни во франкоязычных исследованиях.

Методы. Исследование строится на функциональном подходе. В работе использованы общенаучные и специальные методы исследования (сравнительный и системный методы, анализ первичных и вторичных документальных источников). Статья основана на официальных документах стран региона, в том числе законе Нигера № 2015-36. Автор опирался на теоретические выводы глобалистики и международных отношений, концепции развития и отсталости.

Анализ. Миграцию из стран Африканского континента в Европу можно обусловить эконометрической моделью Э. Ли, относящуюся к классическим миграционным теориям. Так, перемещение населения напрямую связано с целым рядом факторов, характеризовавших социально-экономическое положение африканских государств. Из экономических – это безработица, низкий уровень дохода, экономическая нестабильность; из социально-политических – бедность, дискриминация, отсутствие социальных гарантий, ограничения свободы вероисповедания, войны. Можно добавить климатические и экологические факторы, также существенно снижающие уровень жизни в странах-донорах людских потоков [3, с. 11].

Ввиду расположения на миграционных путях между Западной, Центральной и Северной Африкой Нигер долгое время был транзитной страной для просителей международной защиты. Само государство не являлось пунктом назначения. Кроме того, находясь в центре сахело-сахарского пространства, с конца 2000-х гг. Нигер стал одним из важнейших западноафриканских транзитных пунктов для Алжира, Ливии, а также Европы. Роль страны как транзитного хаба связана с нигерийской миграционной системой, сложившейся в 1970–1980-х гг. и ориентированной на Северную Африку и прибрежные западноафриканские страны.

Пролегающий через Нигер Центрально-Средиземноморский маршрут относился к трем основным путям перемещения населения в Африке наряду с Западноафриканским и Западно-Средиземноморским. Данный путь использовался беженцами, которые следуют через Мали, Нигер, далее в Ливию и через Средиземное море в Италию и другие европейские страны. Этот маршрут особенно востребован для беженцев из Нигерии, Нигера и соседних с ними государств. Помимо этого пути использовался также и коридор, связывающий Дакар (Сенегал), Бамако (Мали), Бобо-Диуласо и Уагадугу (Буркина-Фасо), Ниамей и Агадес (Нигер). В границах стран Сахеля, прежде всего Нигера, Мали и Мавритании, а также Нигерии в рамках этого коридора аккумулировалась основная часть мигрантов [1, с. 620].

Модели передвижения, которые преобладали в течение длительного времени, сыграли ключевую роль в создании и укреплении нигерийской миграционной системы, ориентиро-

ванной на временную миграцию, которая частично адаптируется к сезонным колебаниям и проблемам сельских районов Сахеля. Эти внутренние миграционные потоки перемешались с транзитными потоками в Северную Африку, главным образом в Ливию, а затем постепенно в Средиземноморье и Европейский союз. Эти пересечения территории Нигерии способствовали развитию транзитной экономики, особенно в городе Агадес, который заменил туристическую экономику, ослабленную восстаниями туарегов в 1990-х и 2000-х гг. Кроме того, в отличие от Сенегала или Мавритании, Нигер в 2000-х гг. практически не пострадал от политики экстернализации пограничного контроля, проводившейся в этот период в Западной Африке [7, с. 171].

В начале 2010-х гг. иные миграционные пути закрывались под влиянием ужесточения европейской миграционной политики (к примеру, в Мавритании, Сенегале, Мали). Тогда нигерийская дорога осталась, фактически, единственной, ведущей из Западной и Центральной в Северную Африку [7, с. 171]. С 2012 г. существенно возросло число беженцев из соседних Мали и Нигерии, спасавшихся от войн между различными негосударственными вооруженными группами (в том числе и джихадистскими), получили в Нигере, согласно процедуре *prima fase*, коллективное признание своего статуса [10, с. 6].

События «арабской весны» и уничтожение «диктаторских» режимов в странах Северной Африки, военные конфликты в Ираке, Афганистане, Сирии привели к росту притока беженцев и нелегальных мигрантов в страны Евросоюза. Пик этого процесса пришелся на осень 2015 г., что стало серьезным вызовом для объединения, так как общеевропейской миграционной политики, так и не было выработано. В результате возросли разногласия между странами ЕС в отношении приема беженцев и вынужденных мигрантов при распределении квот между ними. Данные о нарастании потока мигрантов вполне внушительны: если в 2005–2010 гг. убежища просили примерно 200 тыс. человек в год, в 2011–2012 гг. – около 300 тыс. человек, то в 2015 г. их число составило более 1,2 млн. человек. По сведениям Агентства по контролю за внешними границами ЕС Фронтекс и Отчета по миграции Агентства по делам беженцев ООН беженцев было еще больше (более 1,8 млн и 1,47 млн человек, соответственно). Основными просителями убежища были не африканцы, а выходцы из Сирии, Афганистана и Ирака [3, с. 47].

Миграционный кризис показал неприспособленность Шенгенских соглашений к функционированию в сложных ситуациях, связанных с массовым перемещением людей. Некоторые европейские государства были вынуждены временно перекрывать и охранять собственные границы от потоков нелегалов, ограничивая свободное перемещение граждан внутри ЕС, что ставит под угрозу дальнейшее существование Шенгенского соглашения, считавшегося одним из самых значимых достижений ЕС. Осложнилась и внутривластная ситуация в странах Европы. Это стало причиной пересмотра европейской миграционной политики в апреле 2015 г. на внеочередном саммите ЕС была принята «Европейская повестка дня по миграции». В ней ставилась задача перехода от политики чрезвычайных мер к созданию общей платформы для решения всех проблем миграции. С 2016 г. начались споры по квотированию. Основными целями в это время стало принятие экстренных мер по спасению

мигрантов и согласованных мер в сфере безопасности. В ноябре 2015 г. на саммите по миграции в Валетте (Мальта) был утвержден совместный план со странами Африки о взаимодействии в области миграции. Стоит отметить, что принятые в 2015 г. меры ЕС носили краткосрочный характер и были направлены на приостановление миграционного потока в Европу и борьбу с нелегальной миграцией [3, с. 57].

Особую проблему всегда представляла незаконная миграция. Она осуществляется в различных формах. Но лишь небольшая часть незаконной миграции имеет неорганизованный характер. В основном же в современном мире незаконная миграция контролируется организованной преступностью. Это целый международный преступный бизнес с высокой прибылью и малым риском. Он стоит на третьем месте после торговли оружием и наркотиками. Вместе с тем незаконная миграция является серьезной угрозой национальной безопасности государств. Она способствует проникновению в страны членов экстремистских группировок, усиливая террористическую угрозу, формированию преступных группировок на этнической и межэтнической основе, оттоку денежных средств в экономики государств – миграционных доноров и снижению налоговых поступлений в бюджеты стран пребывания, а также провоцирует рост коррупции и нарушает нормальное функционирование государственных органов власти [4, с. 15].

Возвращаясь к ситуации на Африканском континенте. Растущая нестабильность в Ливии после падения президента Каддафи стала первым моментом дестабилизации миграционной системы в Нигере. Однако, несмотря на массовое возвращение мигрантов в начале конфликта, Нигер продолжал играть роль пункта отправления и транзита в Северную Африку. Второй критический момент дестабилизации наступил не только из-за ситуации в Сахеле и Сахаре, но и из-за миграционного кризиса в Средиземноморье 2014–2015 гг. Из-за отсутствия надежного партнера в Ливии ЕС обратился к Нигеру, который воспринимался как стабильное транзитное государство для выхода к Средиземноморью. Саммит Европа – Африка в Валетте в 2015 г. заложил политическую и финансовую основу для экстернализации европейских границ, уделив особое внимание Нигеру.

Европейский союз создал Чрезвычайный целевой фонд для обеспечения стабильности и устранения коренных причин миграции, в который в 2018 г. было выделено 4,09 млрд евро. Фонд охватывает все страны Сахеля-Сахары, от Северной Африки до Африканского Рога, а также Сахель и озеро Чад. В Западной Африке Нигер был основным получателем этого фонда, получив в общей сложности 229,9 млн евро на проекты, направленные на безопасность, развитие и помощь беженцам и перемещенным лицам. Хотя этот чрезвычайный целевой фонд представлял собой важную основу для доноров, его масштабы помогли изменить европейскую логику вмешательства в Нигер [7, с. 171-172].

В сложившемся положении Нигер стал одной из приоритетных стран в европейской повестке дня по вопросам миграции в условиях кризиса 2015 г., так как Европейский Союз признает стратегически важным географическое положение Нигера для контроля над Центрально-средиземноморским миграционным маршрутом, ведущим из Центральной Африки в Ливию. В этой связи Нигер стал первым из западноафриканских государств, получившим

средства Чрезвычайного целевого фонда для Африки, который был создан по итогам Евроафриканского саммита по вопросам миграции в Валлетте в ноябре 2015 г. [9, с. 97].

После кризиса с беженцами в 2015 г. между ЕС и Нигером был установлен активный диалог для поиска решений коренных причин нерегулярной мобильности. Сотрудничество между ЕС и Нигером нашло четкое отражение в стратегических направлениях, определенных на саммите в Валлетте. Прилагаемые усилия отражались в сочетании различных стратегических направлений:

- устранение коренных причин миграции (деградация производственного потенциала, климатические кризисы, сохранение бедности, отсутствие безопасности и т.д.);
- активизация сотрудничества по вопросам миграции и легальной мобильности;
- усиление защиты мигрантов и лиц, ищущих убежища;
- предотвращение нелегальной миграции, незаконного ввоза мигрантов и торговли людьми;
- более тесное сотрудничество в целях улучшения взаимодействия по вопросам возвращения, репатриации и реинтеграции [14].

В рамках нигерийско-европейского сотрудничества в том же 2015 г., по инициативе ЕС (стремившегося наладить борьбу с нелегальной миграцией через крупный миграционный узел Агадес) и Президента Нигера Махамату Иссуфу был принят Закон № 2015-36 о борьбе с незаконной торговлей мигрантами. Этот закон предусматривал наказание за перевозку и размещение нелегальных мигрантов, но не наказывал самих мигрантов, которые считались жертвами. Документ криминализировал любую деятельность, связанную с нерегулируемым транспортом или содействием миграции. Он предусматривал наказание от 1 до 30 лет лишения свободы и штрафы от 3 до 30 млн франков КФА (примерно от 4500 до 45 000 евро) для контрабандистов [11].

Затем в Нигере была создана правовая база, разрешающая репрессивные меры, непосредственно направленные против транзитных мигрантов, особенно тех, кто пробирались из Нигера и направлялись в Ливию и Алжир. Хотя мигранты и считались жертвами, после ареста их перевозчика или принимающей стороны они были предоставлены сами себе: им не оказывалась никакая поддержка, и крайне редко их допрашивали в суде в качестве свидетелей. Поэтому, они либо самостоятельно убывали в другие страны или соглашались на добровольное возвращение, предложенное Международной организацией по миграции. С момента вступления в силу в середине 2016 г. этот закон воспринимался населением региона Агадес, который является последним транзитным пунктом из Сахары в Ливию и Алжир, как травма и несправедливость.

Закон применялся по воображаемой линии, пересекающей Агадес, за пределами которой любой мигрант считался нелегальным, а любой перевозчик или принимающий мигрантов считался соучастником торговли людьми. Это законодательство повлияло на миграционные маршруты и вызвало социальную напряженность в Агадесе. Перевозчикам приходилось менять маршруты, чтобы избежать контрольно-пропускных пунктов правоохранительных органов, что увеличивало опасность пересечения пустыни. В тоже время,

репрессии против принимающих компаний делали положение мигрантов более уязвимым, вынуждая их скрываться.

Применение этого закона и осуществление карательной политики в более глобальном масштабе поддерживались действиями ЕС в области безопасности и контроля. Цель репрессивных мер состояла в том, чтобы обеспечить успешное завершение начатых разбирательств, в частности, в соответствии с законом о незаконном ввозе мигрантов 2015–2016 гг. и постановлением о торговле людьми 2010 года. В итоге, главной целью европейских государств было применение закона для перекрытия или, по крайней мере, пресечения нигерийского маршрута. С этой точки зрения основное внимание уделялось подготовке Сил обороны и безопасности, предоставлению оборудования и поддержке на местах [8, с. 95].

Наиболее последовательно положения жесткого миграционного законодательства претворял в жизнь Мохамед Базум, занимавший 2016–2020 гг. пост министра внутренних дел. При нем в 2016 г. число мигрантов составило 180 тыс. человек, но затем их число резко сократилось – всего около 15 тыс. человек в 2019 г. [13]. Имея поддержку от ЕС, в 2020 г. он выиграл президентские выборы в Нигере. Однако его миграционная политика вкупе с несостоятельностью в обеспечении национальной безопасности от радикальных исламистских группировок и резкой критикой вооруженных сил страны, сделали его одной из самых непопулярных у общества политических фигур в Нигере [6, с. 157-158]. Некоторые издания, к примеру, *Journal of Political Inquiry*, определяют военный переворот 2023 г. прямым результатом общественного недовольства сотрудничеством М. Базума с ЕС в сфере миграции и политикой экстернализации границ Евросоюза [5, с. 127].

В долгосрочной перспективе миграционная политика, основанная лишь на жестком контроле, не смогла полностью устранить основные мотивы, лежащие в основе этих смешанных миграционных потоков, а лишь углубила конфликты, экономические трудности и наиболее опасные формы незаконного провоза людей. Закон № 2015-36, признанный противоречащим интересам и свободам граждан Нигера, был отменен 26 ноября 2023 г. указом, подписанным генералом Абдурахманом Тиани, президентом Республики Нигер. Все обвинительные приговоры, вынесенные в соответствии с этим законом, были погашены задним числом с 26 мая 2015 года. Это решение, по мнению правительства, было мотивировано непринятием закона, принятого под «влиянием иностранных держав» и признанного противоречащим нормам сообщества. В Агадесе, это решение было воспринято как возрождение местной экономики, связанной с миграцией, считавшейся необходимой после краха туризма [12].

Официальное финансовое соглашение, подписанное между Евросоюзом и Нигером, было направлено на борьбу с торговлей людьми в Сахельском регионе. Однако реальное намерение ЕС заключалось в том, чтобы удержать тысячи мигрантов от продолжения своего путешествия путем усиления пограничного контроля и облегчения их реадмиссии в страны их происхождения. Эта борьба с эмиграцией, поддерживаемая инвестициями в несколько миллиардов франков КФА (около 21 миллиона евро), имела последствия для экономики и безопасности пострадавших районов, особенно для тех, кто участвовал в цепочке миграции.

Транспортные сети были вынуждены выбирать более опасные маршруты, а торговцы все чаще сотрудничали с преступными и террористическими организациями, чтобы эксплуатировать регион Агадес, расположенный на пересечении Мали, Ливии и Нигерии. В результате маршруты миграции стали более рискованными, из-за чего мигранты постоянно находились в состоянии небезопасности. Эта ситуация стала прямым следствием недостаточной предусмотрительности относительно последствий политики, проводимой ЕС. Хотя африканские политические лидеры теоретически обладали суверенитетом в принятии этих решений, ЕС осознавал, что его приоритеты существенно отличались от приоритетов соответствующих государств.

Чрезвычайный целевой фонд ЕС для Африки был, прежде всего, программой помощи, направленной на борьбу с нелегальной миграцией. Рамочное партнерство с третьими странами, созданное в июне 2016 г., предлагало помощь и торговые соглашения ключевым странам происхождения и транзита, которые взяли на себя обязательства по достижению целевых показателей ЕС по сокращению миграции. Нигер был классифицирован как «приоритетная страна-партнер» в рамках этого партнерства и фонд на 90 % финансировался за счет официальной помощи ЕС [14, с. 3-4].

Внедрение подобной политики и инструментов привело также к разным видам адаптации мигрантов, будь то нигерийцы или граждане стран Западной и Центральной Африки: менялись маршруты миграции, места размещения, процедуры пересечения некоторых пограничных постов. Однако проекты, реализуемые в рамках этого партнерства, не учитывали национальные приоритеты и основные потребности местного населения. Они были разработаны ЕС для стран-партнеров без их официального согласия, которым, по сути, отводилась роль наблюдателей. Последствия такого подхода заключаются в том, что политика предоставления убежища в такой стране, как Нигер, не может способствовать борьбе с бедностью – ключевого фактора «выталкивания». Социально-профессиональная реинтеграция мигрантов, особенно вернувшихся из миграции, делает Нигер принимающей страной, поскольку мигрантов из страны не высылают в то время, как другие африканские страны проводят прямо противоположную политику. Все это дестабилизировало и без того слабую экономику страны. Практика ЕС создала зависимость Нигера от борьбы с нелегальной миграцией. Эта зависимость, в свою очередь, вызвана отсутствием у Нигера предвидения и устойчивости стратегии миграционной политики [14, с. 3-4].

Официальная помощь развитию миграции подчинила африканские страны, такие как Нигер, требованиям Европейского союза. Средства, выделяемые на развитие, использовались для репрессий, депортации и ограничения притока мигрантов в Европу. Экстернализация границ, поощряемая ЕС и осуществляемая различными африканскими странами, является явным нарушением прав человека. Ярким примером этого стали вмешательства полиции Нигера на границах с Ливией и Алжиром, а также действия ливийской береговой охраны. Под предлогом защиты человеческих жизней Нигер согласился стать инспектором миграционной политики ЕС, что нарушило основное право на свободу передвижения, закрепленное в статье 13 Всеобщей Декларации прав человека [14, с. 3-4].

В 2022 г. на четыре западноафриканских государства – Нигер, Мавританию, Мали и Нигерию – суммарно пришлось более 90 % из 654 тыс. беженцев и просителей убежища. Явное свидетельство обострения миграционного кризиса в этом регионе. Нигер принял 306,8 тыс. вынужденных переселенцев – 47 % от их общего числа в Западной Африке. В основном это были выходцы из Нигерии (66,3 % от числа беженцев в стране), Мали (20,5 %) и других стран [1, с. 620-621].

При отсутствии программ и действий, направленных на решение коренных проблем миграции – причин бегства людей из родных стран, эта политика, ожидаемо, показала отрицательный результат. Исполняя требования ЕС в области ограничения направления в страны объединения беженцев, Нигер, вместе с другими странами Западной Африки столкнулся с большими сложностями.

Результаты. Нигер был не только принимающей страной для беженцев из стран, переживающих кризис в области безопасности, таких как Мали, Буркина-Фасо, Камерун, Нигерия, но и альтернативным местом для мигрантов, оказавшихся в Ливии и Северной Африке. Таким образом, нигерийское сахело-сахарское пространство, которое было пространством передвижения, прохода, превратилось в пространство блокирования, сдерживания для населения, стремящегося к мобильности, благополучию. Нигер был важнейшей страной транзита и приема беженцев в Западной Африке, которая занимала важное место в региональных дебатах о стратегиях контроля миграции в направлении Европы. Динамика управления миграцией с европейской точки зрения превратила Нигер в пограничное государство из-за блокирования миграционных маршрутов и усиления контроля. Закон 2015-36 о незаконном ввозе мигрантов, принятый в 2015 году, и создание чрезвычайного целевого фонда имели многочисленные негативные последствия на севере страны и ознаменовали собой важный поворотный момент в миграционном пространстве Нигера. Помимо своей функции борьбы с нелегальной миграцией в Европу, закон также рассматривал миграцию как угрозу безопасности, связанную с терроризмом.

Прекращение выполнения обязательств Нигером по закону о борьбе с незаконной торговлей мигрантами связано с ущербностью самих требований этого документа, по сути, созданного «ЕС в интересах самого ЕС». А долгосрочные последствия для внутривосточной ситуации западноафриканского государства еще только предстоит оценить и выработать более эффективное решение как социально-экономических проблем, так и вопросов упорядочения миграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Захаров, И. А. Миграционный кризис в Западной Африке: ограничения и перспективы политического регулирования / И. А. Захаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 616–627. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-616-627>
2. Леденева, В. Ю. Миграционная политика в Российской Федерации: учебное пособие / В. Ю. Леденева. – М.: РГГУ, 2023. – 201 с.

3. Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызова. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 211 с.
4. Миграция, вынужденная миграция и безгражданство: пособие по вопросам беженцев. – Минск: Четыре четверти, 2020. – 200 с.
5. Моргунова, О. А. Управление миграцией в Западной Африке: роль ЕС и внутренние риски для стран региона на примере Нигера / О. А. Моргунова, Н.-Ф. Морару // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 121-132. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-121-132>
6. Филиппов, Ф. Р. Кризис в Нигере: причины и последствия военного переворота 2023 года / Ф. Р. Филиппов // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 147–170.
7. Boyer, F. Sécurité, développement, protection. Le triptyque de l'externalisation des politiques migratoires au Niger. Hérodote – Revue de géographie et de géopolitique, 2019, № 172 (1), 171-191.
8. Boyer, F., Chappart, P. Les frontières européennes au Niger. Vacarme, 2018, № 83, 92-98. – URL : <https://shs.cairn.info/revue-vacarme-2018-2-page-92?lang=fr> (дата обращения: 15.02.2026).
9. Chappart, P. Le droit d'asile à l'épreuve de l'externalisation des politiques migratoires: Le cas archétypique du Niger. Études africaines Pages, 2020. – URL : https://www.gisti.org/publication_som.php?id_article=5383#2d (дата обращения: 21.02.2026).
10. Lambert, L. Refugee Recognition Regime Country Profile: Niger (in French). RefMig Working, 2023. Paper № 8, 81. DOI: 10.48462/opus4-5250 – URL: https://static1.squarespace.com/static/5c58a7ee7980b36f05c944a2/t/65b23b19f73e5c3c9e968a2e/1706179355267/RefMig+Refugee+Recognition+Regime+Country+Report+Niger_French+.pdf (дата обращения: 15.02.2026).
11. Niger: Loi No. 2015-36 du 26 mai 2015 relative au Trafic Illicite de Migrants. – URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2015/fr/123771> (дата обращения: 20.02.2026).
12. Secrétariat Permanent du Cadre de Concertation sur la Migration-SP/CCM Niamey, Niger 2025. URL : https://migration-spsccm.ne/?page_id=68 (дата обращения: 20.01.2026)
13. Spectator: переворот в Нигере открыл «врата на Север» – Запад ожидает ухудшение миграционного кризиса // RT на русском. 2023. 13 августа. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2023-08-13/Spectator-perovorot-v-Nigere-otkril> (дата обращения: 20.02.2026).
14. Thiombiano, D. Contriution de la societe civile a la cooperation Union europeenne-Afrique en matiere de migration: le cas du Niger. Caritas developpement ECRE Working paper 04 Niger, 2020. – URL : <https://ecre.org/wp-content/uploads/2020/02/Working-Paper-04-Niger-Final-.pdf> (дата обращения: 15.02.2026).

REFERENCES

1. Zaxarov, I. A. Migracionny`j krizis v Zapadnoj Afrike: ogranicheniya i perspektivy` politicheskogo regulirovaniya [The Migration Crisis in West Africa: Limitations and Prospects for Political Regulation]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2024, vol. 24, no 4, pp. 616–627. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-616-627>
2. Ledeneva, V. Yu. Migracionnaya politika v Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie [Migration Policy in the Russian Federation: A Study Guide] Moscow: RGGU, 2023. 201 p.
3. Migracionny`e processy` v Evrosoyuze: sovremennyy`e problemy` i vy`zova [Migration Processes in the European Union: Current Problems and Challenges.]. Moscow: IME`MO RAN, 2019. 211 p.
4. Migraciya, vy`nuzhdennaya migraciya i bezgrazhdanstvo: posobie po voprosam bezhencev [Migration, forced migration, and statelessness: a guide on refugee issues.]. – Minsk: Chety`re chetverti, 2020. 200 p.
5. Morgunova, O. A., Moraru N.-F. Upravlenie migraciej v Zapadnoj Afrike: rol` ES i vnutrennie riski dlya stran regiona na primere Nigera [Migration management in West Africa: the role of the EU and internal risks for the countries of the region on the example of Niger]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations.]. 2025, vol. 25, no 1, pp. 121-132. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-121-132>
6. Filippov, F. R. Krizis v Nigere: prichiny` i posledstviya voennogo perevorota 2023 goda [The Crisis in Niger: Causes and Consequences of the 2023 Military Coup]. LOKUS: lyudi, obshhestvo, kul`tury`, smy`sly` [LOKUS: People, Society, Cultures, and Meanings.], 2024, vol. 15, no 2, pp. 147–170.
7. Boyer, F. Sécurité, développement, protection. Le triptyque de l'externalisation des politiques migratoires au Niger. Hérodote – Revue de géographie et de géopolitique, 2019, № 172 (1), 171-191.
8. Boyer, F., Chappart, P. Les frontières européennes au Niger. Vacarme, 2018, № 83, 92-98. URL : <https://shs.cairn.info/revue-vacarme-2018-2-page-92?lang=fr> (accessed 15 February 2026).
9. Chappart, P. Le droit d'asile à l'épreuve de l'externalisation des politiques migratoires: Le cas archétypique du Niger. Études africaines Pages, 2020. – URL: https://www.gisti.org/publication_som.php?id_article=5383#2d (accessed 21 February 2026).
10. Lambert, L. Refugee Recognition Regime Country Profile: Niger (in French). RefMig Working, 2023. Paper № 8, 81. DOI: 10.48462/opus4-5250 – URL: https://static1.squarespace.com/static/5c58a7ee7980b36f05c944a2/t/65b23b19f73e5c3c9e968a2e/1706179355267/RefMig+Refugee+Recognition+Regime+Country+Report+Niger_French+.pdf (accessed 15 February 2026).
11. Niger: Loi No. 2015-36 du 26 mai 2015 relative au Trafic Illicite de Migrants. – URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2015/fr/123771> (accessed 20 February 2026).
12. Secrétariat Permanent du Cadre de Concertation sur la Migration-SP/CCM Niamey, Niger 2025. – URL: https://migration-spccm.ne/?page_id=68 (accessed 20 January 2026)

13. Spectator: perevorot v Nigere otkry`l «vrata na Sever» – Zapad ozhidaet uxudshenie migracionnogo krizisa [Spectator: the coup in Niger has opened the «gate to the North» – the West expects the migration crisis to worsen]. RT na russkom [RT in Russian.] 13.08.2023. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2023-08-13/Spectator-perevorot-v-Nigere-otkril> (accessed 20 February 2026).

14. Thiombiano, D. Contriution de la societe civile a la cooperation Union europeenne-Afrique en matiere de migration: le cas du Niger. Caritas developpement ECRE Working paper 04 Niger, 2020. – URL: <https://ecre.org/wp-content/uploads/2020/02/Working-Paper-04-Niger-Final-.pdf> (accessed 15 February 2026).

Информация об авторе

Флора Оритша, аспирант, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, oritchaflora@gmail.com.

Information about the Author

Flora Oritcha, Postgraduate Student, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, oritchaflora@gmail.com

Для цитирования: Оритша Флора Европейская миграционная политика в Нигере в XXI веке // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 32-43. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 316.4.066

ТЕХНОСТРЕСС КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ

Татьяна Ивановна Барсукова, Анна Николаевна Шматова

Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье анализируется влияние на формирование социальных страхов работающих пенсионеров факторов техносферы, среди которых техностресс занимает ведущее место. Актуальность темы исследования обусловлена наличием социальной проблемы в основе которой лежит реально существующее противоречие между вектором социальной политики российского государства на поддержание тенденции активного долголетия и барьерами, препятствующими людям пенсионного возраста продолжать трудовую деятельность после выхода на пенсию.

Методология. В целом исследование осуществлялось в рамках социолого-экономической парадигмы. Вместе с тем методология исследования базируется на принципах системного анализа, что позволяет рассматривать техностресс как составную часть системы технофакторов, способствующих возникновению социальных страхов, наряду с такими, как технонапряженность, техносложность и другими. Формирование стрессогенных детерминант, порожденных включенностью работающих пенсионеров в реалии техносферы, анализируется в рамках процессуального подхода, что дало возможность показать тенденции развития социальных страхов исследуемой категории населения. Диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному лег в основу продвижения анализа от понятия страхов к понятию социальных страхов и далее к социальным страхам работающих пенсионеров, рассмотренных через призму детерминант, генерируемых техносферой.

Анализ. Предложена авторская схема действия механизма влияния техностресса на формирование социальных страхов работающих пенсионеров. Доказано, что техностресс будет иметь свои специфические характеристики в разных возрастных группах, и одни и те же факторы техносреды будут по-разному воздействовать на них, и что социо-демографические,

социо-профессиональные, социо-территориальные характеристики могут стать барьерами техностресса или его катализаторами. Обосновано положение о том, что технофакторы, в том числе техностресс, порождают не только технофобии, но и различного рода социальные страхи от мега- до микроуровня.

Результаты. В результате исследования обосновано, что техностресс порождает не только технофобии, но и формирует определенный репертуар социальных страхов. Это говорит о необходимости современных организаций учитывать этот факт и по мере возможности создавать работающим пенсионерам условия, позволяющие подлить их активное профессиональное долголетие без ущерба для самочувствия.

Ключевые слова: концепция активного долголетия, работающие пенсионеры, социальные страхи, техносфера, техностресс, технонапряженность, техносложность, техноинвазия.

UDC 316.4.066

TECHNOSTRESS AS A DETERMINANT OF SOCIAL FEARS OF WORKING PENSIONERS

Tatyana I. Barsukova, Anna N. Shmatova

North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article analyzes the influence of technosphere factors, among which technostress occupies a leading position, on the formation of social fears among working pensioners. The relevance of the research topic is determined by the existence of a social problem, which stems from a real contradiction between the vector of Russian social policy aimed at supporting the trend of active aging and the barriers preventing people of retirement age from continuing to work after retirement.

Methodology. The study was conducted within the sociological-economic paradigm. Furthermore, the research methodology is based on the principles of systems analysis, allowing us to consider technostress as an integral part of the system of technofactors that contribute to the emergence of social fears, along with technostrain, technocomplexity, and others. The development of stress-generating determinants generated by working pensioners' involvement in the realities of the technosphere is analyzed using a process-based approach, which made it possible to demonstrate the development trends of social fears in this population group. The dialectical principle of ascending from the abstract to the concrete underpinned the analysis's progression from the concept of fears to the concept of social fears and then to the social fears of working pensioners, examined through the lens of determinants generated by the technosphere.

Analysis. The author's framework is proposed for the mechanism by which technostress influences the development of social fears in working pensioners. It has been proven that technostress will have its own specific characteristics in different age groups, and the same technoenvironmental

factors will impact them differently. Sociodemographic, socioprofessional, and socioterritorial characteristics can act as barriers to technostress or as catalysts for it. It has been substantiated that technofactors, including technostress, generate not only technophobias but also various social fears from the mega- to micro-level.

Results. The study demonstrated that technostress not only generates technophobias but also shapes a specific repertoire of social fears. This underscores the need for modern organizations to take this fact into account and, whenever possible, create conditions for working retirees that allow them to prolong their active professional longevity without compromising their well-being.

Keywords: concept of active longevity, working pensioners, social fears, technosphere, technostress, technotension, technocomplexity, techno-invasion.

Введение. Работающие пенсионеры представляют собой определенную категорию, основной характеристикой которой является трудовая занятость после выхода на пенсию. Согласно данным Соцфонда на февраль 2026, «в России проживает более 40,5 млн пенсионеров». Из общего числа получателей пенсий 7,212 млн граждан продолжали трудовую деятельность» [15]. Сводить понимание работающих пенсионеров к представлению о них как о группе пожилых людей, вынужденных работать в силу тяжелого финансового положения, не совсем корректно. В. Н. Барсуков и А. В. Короленко совершенно справедливо утверждают, что существуют индивидуальные и институциональные факторы трудовой активности людей пенсионного возраста [3, с. 647]. Индивидуальные факторы включают в себя здоровье, мотивацию и ценности, к институциональным относятся экономические, социальные и правовые факторы. Конечно, основным мотивом выхода для пенсионеров на работу стала потребность в дополнительном заработке. Это закономерный результат, но не глобальный вывод для всех работающих пенсионеров как социальной категории. Так, И. М. Козина пишет: «Для людей, особенно тех, чья социализация пришлась на советский период, работа является важной частью жизни и идентичности, позволяет дистанцироваться от непривлекательного пенсионного статуса и в условиях, когда иные возможности социальной активности пожилых крайне ограничены, работа остается не только привычным, но, по сути, единственным способом включения в общественную жизнь» [9, с. 14]. Поэтому на основе вышеизложенного мы определим, что работающие пенсионеры представляют собой активную социальную категорию, для которой характерно продолжение работы вместе с получением пенсии.

Посттрудова́я активность пенсионеров как один из показателей активного долголетия [11] является предметом широкого обсуждения в научной литературе. Теме активного долголетия посвящены работы ученых [4; 18], конференции и «круглые столы». В контексте проблемы активного долголетия затрагиваются вопросы трудовой деятельности пенсионеров после выхода на пенсию [1; 7].

В отдельный блок проблемного поля этой темы можно выделить такой аспект исследования, как социальные страхи работающих пенсионеров.

Теме социальных страхов посвящены работы отечественных ученых в самых различных аспектах [2; 5; 12]. Социологическое изучение социальных страхов может опираться на

следующее, предлагаемое нами, понимание данного феномена: социальный страх, являясь элементом общественного сознания, содержательно представляет собой субъективную оценку социальным субъектом актуальных условий своей жизнедеятельности и перспектив своего дальнейшего существования в системе тех или иных общественных отношений. Социальные страхи работающих пенсионеров в контексте данного исследования – это субъективная оценка специфической категорией населения условий своего пребывания в техносфере.

Анализ литературы по теме посттрудовой профессиональной активности пожилых людей позволил выявить определенную исследовательскую лакуну, касающуюся проблемы влияния факторов техносферы на формирование социальных страхов работающих пенсионеров. И поскольку техносфера имеет тенденцию к развитию в геометрической прогрессии, то можно предположить, что все большее число людей, выходящих на пенсию и продолжающих работать, будут профессиональными акторами именно этой сферы. Это обуславливает потребность в изучении тех детерминант социальных страхов работающих пенсионеров, которые порождены именно их включенностью в техносферу и составляет новизну предлагаемого подхода к изучаемой теме.

Цель исследования – раскрыть действие механизма влияния техностресса на формирование социальных страхов работающих пенсионеров.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении проблемного поля социологического исследования социальных страхов работающих пенсионеров в условиях информационного общества с акцентом на стрессогенном характере факторов техносреды их профессиональной занятости.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов исследования в работе менеджеров по работе с персоналом для профилактики влияния стрессогенных факторов на самочувствие пенсионеров, работающих в отраслях народного хозяйства, связанных с техносферой.

Анализ. Предметом интереса авторов данной статьи выступает такой фактор техносферы, как техностресс, обуславливающий появление и развитие социальных страхов работающих пенсионеров, при этом, под техносферой понимается сложная система взаимосвязи технических объектов, технологических процессов и деятельности человека по их созданию и использованию. В техносфере выделяют инфосферу, как ту ее составляющую, в среде которой осуществляется деятельность большинства работающих граждан. Им приходится осваивать, создавать информационные ресурсы, средства обработки информации и коммуникативные средства.

Как среда обитания современного человека, техносфера, при всей ее позитивной значимости, таит в себе множество факторов, усложняющих жизнь современных людей, особенно тех, кого относят к цифровым иммигрантам. С позиции современного понимания интеграции людей в цифровую среду пенсионеры подходят под категорию цифровых иммигрантов. Цифровыми аборигенами называют то поколение людей, которое выросло и социализировалось в цифровой среде, интериоризируя ее ценности и нормы.

Термины были введены М. Пренски и широко используются в современных исследованиях. Однако, «есть мнение, – пишет Н. В. Никифорова, – что образ «цифровых аборигенов» во многом мифологизирован и, скорее, может выступать в качестве метафоры, а разница в практиках использования цифровых технологий выходит за пределы возрастных характеристик» [14, с. 209.]. Вместе с тем, работающих пенсионеров в контексте данного исследования можно назвать цифровыми иммигрантами на этапе освоения цифровых технологий, связанных с их профессиональной деятельностью.

Техностресс как следствие развития техносферы отражен в ряде работ ученых [8; 10; 13]. В научной литературе под технострессом понимается состояние психического напряжения, вызванного постоянным взаимодействием с цифровыми технологиями. Впервые о цифровом, вернее, о технострессе заговорили в 1984 году. Американский психолог Крейг Брод написал книжку о технострессе, назвав его расстройством адаптации к новым технологиям и платой человечества за цифровизацию. Термин «техностресс» был определен как неэффективное совладание с технологией, обусловленное сочетанием тревоги, связанной с производительностью, информационной перегрузкой, ролевыми конфликтами и организационными факторами. Согласно М. Тарафдару, профессору Университета Массачусетса (США) – создателю наиболее распространенной концептуальной модели факторов техностресса – это понятие относится к любому неблагоприятному воздействию технологий на отношение, мысли, поведение или физическое состояние сотрудника.

Такой вид стресса может возникать у представителей любого поколения – от детей до стариков. При этом он будет иметь свои специфические характеристики, одни и те же факторы техностресса будут по-разному воздействовать на разные возрастные группы.

Несомненно, социо-демографические, социо-профессиональные, социо-территориальные характеристики могут стать барьерами техностресса или его катализаторами. Так, техностресс отмечается у такой профессиональной группы, как медицинские работники. Его причинами ученые называют: техноперегрузки, техновторжение (техноинвазия), технонеопределенность, техносложность. *Causa causalis* здесь налицо – это, несомненно, необходимость применять во врачебной деятельности новые технологии. И если молодые врачи, относящиеся к цифровым аборигенам, достаточно легко осваивают новые цифровые навыки, то людям пенсионного и постпенсионного возраста этот качественный переход дается нелегко.

Влияние техностресса на качество профессиональной деятельности широко обсуждается в научной литературе. Так, статья Е. В. Шевчук, М. С. Афонасьева посвящена системе управления технострессом сотрудников библиотек в эпоху цифровой трансформации [19]; Е. О. Саруханян, В. М. Вячистова исследуют влияние внедрения информационных технологий в вузах на психологическое благополучие преподавателей высшей школы [17]; Е. И. Сапего изучает технологии цифрового детокса в преодолении техностресса у современного руководителя [16].

Методы. В целом исследование осуществлялось в рамках социолого-экономической парадигмы. Объект экономической социологии – взаимодействие двух основных сфер обще-

ственной жизни – экономической и социальной и, соответственно, взаимодействие двоякого рода процессов – экономических и социальных. Особенность этого объекта состоит в том, что описываются не отдельно взятые тенденции, наблюдаемые в сфере экономики и общества, и даже не их взаимосвязи, а нечто более сложное: механизмы, которые порождают и регулируют эти взаимосвязи. В русле социолого-экономической парадигмы представляется возможным осуществить анализ корреляции техностресса как фактора экономической сферы и порожденных им социальных страхов работающих пенсионеров.

Социолого-экономическая методология дополнялась элементами системного и процессуального анализа, что позволило, с одной стороны, рассмотреть техностресс наряду с другими факторами техносферы, генерирующими социальные страхи работающих пенсионеров, с другой – осуществить анализ процесса и механизма появления, формирования и поддержания социальных страхов исследуемой категории населения. Комплексный анализ социальных страхов работающих пенсионеров также опирался на диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному при рассмотрении материнского понятия «социальный страх» через его применение к исследованию социальных страхов работающих пенсионеров и конкретизацию технодетерминант его возникновения.

Основная часть. Возникновение социальных страхов работающих пенсионеров связано с тем, что не все пожилые люди могут в силу возрастных когнитивных способностей, особенностей возрастной памяти, внимания овладеть «премудростями» современных информационных процессов.

Механизм влияния техностресса на формирование и поддержание социальных страхов работающих пенсионеров схематично можно представить следующим образом (Рисунок 1).

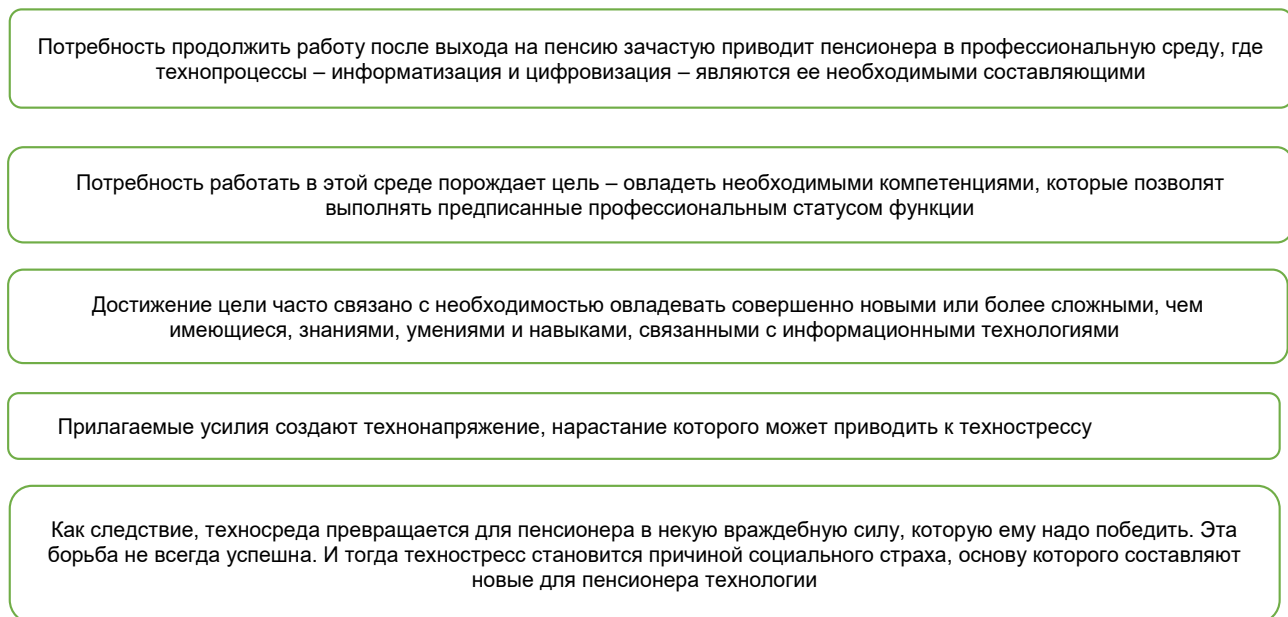

Рис. 1. Механизм влияния техностресса на формирование и поддержание социальных страхов работающих пенсионеров

Возникает вопрос, почему речь идет не о технострахе, а о социальных страхах? Цепочка порождения социальных страхов в данной ситуации такова: техностресс может привести:

- к страху необходимости отказа от продолжения профессиональной деятельности;
- к опасению потери социального статуса и значимых для пенсионера социальных ролей, связанных с профессиональной деятельностью;
- к страху потерять уважения коллег;
- и что очень важно, к потере самоуважения.

Потеря работы рождает опасение ненужности обществу, что равно для многих социальной смерти.

Социальные страхи работающих пенсионеров, детерминированные технострессом, неправомерно сводить только к вышеуказанным причинам. Техностресс как фактор техносферы порождает более глобальные страхи. Они связываются в сознании работающих пенсионеров с факторами мегауровня организации социальной реальности (глобализация, цифровизация, сетевизация, информатизация, роботизация); макроуровня (законодательные правовые акты о пенсионерах); мезоуровня (оргконфликты, геронтологический эйджизм); микроуровня (состояние здоровья, отношение семьи, друзей).

Заключение. В результате исследования обосновано, что продолжение трудовой деятельности пенсионеров как один из показателей активного долголетия, концепция которого активно реализуется российским государством и воплощается в жизнь в современном обществе, в условиях развития передовых технологий, в том числе информационных и цифровых, сталкивается с рядом проблем.

Техносфера, погружение в которую для работающих пенсионеров часто становится необходимым в силу профессиональных функций, выдвигает определенные препятствия, своего рода барьеры, не позволяющие пенсионерам плодотворно трудиться. Одним из таких барьеров для работающих пенсионеров выступает техностресс, который порождает не только технофобии, но формирует определенный репертуар социальных страхов.

Анализ схемы действия механизма влияния техностресса на формирование и поддержание социальных страхов работающих пенсионеров позволил показать процесс возникновения социальных страхов у работающих пенсионеров.

Социальные страхи работающих пенсионеров, связанные с их пребыванием в техносфере, не сводятся к страхам их микроокружения (страх потери статуса, уважения окружающих, самоуважения), они затрагивают и опасения прямого или косвенного влияния факторов мега-, макро и мезоуровней социальной реальности.

Анализ этих тревожных тенденций выявил потребность для организаций любого уровня проводить организационную политику профилактики техностресса у всех сотрудников, и прежде всего у пенсионеров; использовать такой элемент префигуративной культуры, как наставничество молодежи по отношению к пожилым сотрудникам при освоении ими сложных технологических операций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барков, С. А. Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России / С. А. Барков, А. В. Маркеева., И. В. Колодезникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 97-112. – DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843. – EDN: GFOXAN.
2. Баринов, Д. Н. Страх инноваций в условиях «стратегической нестабильности» современного общества / Д. Н. Баринов // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 12. – С. 8-14. – DOI: 10.5281/zenodo.4429104. – EDN: VVLVHM.
3. Барсуков, В. Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста / В. Н. Барсуков, А. В. Короленко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – № 4 (32). – С. 643-657. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657. – EDN: ZXNXXH.
4. Галкин, К. А. Активное долголетие в России: индивидуальные стратегии пожилых людей / К. А. Галкин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 94-101. – DOI: 10.52452/18115942_2023_3_94. – EDN: UJQZNP.
5. Ерохина, Л. Д. Динамика социальных страхов в российском обществе в период с 1990-х по 2023 гг. (по материалам исследований научно-исследовательских центров) / Л. Д. Ерохина, А. К. Ерохин // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 108-2. – С. 121-125. – DOI: 10.18411/trnio-04-2024-91. – EDN: CWDZMH.
6. Изнанка цифровизации: техностресс и его последствия. – URL: https://digital.ecopsy.ru/the_flip_side_of_digitalization_techstress_and_its_consequences?ya_cid=1776157536624140910 (дата обращения: 07.04.2026).
7. Каз, М. С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы / М. С. Каз // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 28-39. – DOI: 10.31857/S013216250013853-1. – EDN: FQDDKS.
8. Казанбаев, Б. А. Техностресс как следствие цифровой трансформации и его типичные проявления среди сотрудников / Б. А. Казанбаев // Социально-гуманитарные науки и культурные процессы в современном обществе. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск: Зебра, 2024. – С. 78-81. – EDN: IFTRMF.
9. Козина, И. М. Человек на работе: мир труда в оценках россиян / И. М. Козина // Социодиггер. – 2020. – Т. 1. – Вып. 1: Труд и занятость. – С. 5-16.
10. Коновалова, В. Г. Цифровые технологии как фактор техностресса: проблемы и возможности их решения / В. Г. Коновалова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2022. – Т. 11. № 3. – С. 17-21. – DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-3-17-21. – EDN: GGQXQN.
11. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с.

12. Крупенникова, Л. Ш. Социологическое измерение социальных страхов массового сознания / Л. Ш. Крупенникова, З. Акбери // Экономика и социум. – 2015. – № 6-3 (19). – С. 472-475. – EDN: VVJDXH.

13. Орлова, Н. С. Цифровые технологии и техностресс: новые вызовы для работников и фирм / Н. С. Орлова // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 349-351. – EDN: WGTETQ.

14. Никифорова, Н. В. Существуют ли «цифровые аборигены»? Информационное поведение и визуальные практики в современной цифровой культуре / Н. В. Никифорова // Россия в глобальном мире. – 2015. – № 7 (30). – С. 209-217. – EDN: VTLKMV.

15. Соцфонд раскрыл численность работающих и неработающих пенсионеров в России // РИА «ФедералПресс». – URL: <https://ria.ru/20260221/pensionery-2075914092.html> (дата обращения: 07.04.2026).

16. Сапего, Е. И. Технологии цифрового детокса в преодолении техностресса у современного руководителя / Е. И. Сапего // Государственное строительство в Республике Беларусь: исторический опыт и перспективы. Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2025. – С. 174-179.

17. Саруханян, Е. О. Влияние внедрения информационных технологий в вузах на психологическое благополучие преподавателей высшей школы / Е. О. Саруханян, В. М. Вячистов // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – Т. 15. – № 9-2. – С. 205-214. – EDN: LGLVIN.

18. Сушко, Н. Г. Социальные практики активного долголетия / Н. Г. Сушко, Т. В. Палыга. // Ученые заметки ТОГУ. – 2025. – Том 16. – № 2. – С. 16-21. – EDN: VVRRMK.

19. Шевчук, Е. В. Система управления технострессом сотрудников библиотек в эпоху цифровой трансформации / Е. В. Шевчук, М. С. Афонасьев // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2025. – № 1. – С. 151-160. – DOI: 10.24412/2071-6168-2025-1-151-152.

REFERENCES

1. Barkov, S. A. Trudoustrojstvo lyudej v pozhilom vozraste: social'nye imperativy i ograničeniya v sovremennoj Rossii / S. A. Barkov, A. V. Markeeva, I. V. Kolodeznikova // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Sociologiya. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 97-112. – DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843. – EDN: GFOXAN.

2. Barinov, D. N. Strah innovacij v usloviyah «strategičeskoj nestabil'nosti» sovremennogo obščestva / D. N. Barinov // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. – 2020. – № 12. – С. 8-14. – DOI: 10.5281/zenodo.4429104. – EDN: VVLVHM.

3. Barsukov, V. N. Sostoyanie zdorov'ya kak faktor trudovoj aktivnosti naseleniya pensionnogo vozrasta / V. N. Barsukov, A. V. Korolenko // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya. – 2017. – № 4 (32). – С. 643-657. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657. – EDN: ZXNXXH.

4. Galkin, K. A. Aktivnoe dolgoletie v Rossii: individual'nye strategii pozhilyh lyudej / K. A. Galkin // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. – 2023. – № 3. – S. 94-101. – DOI: 10.52452/18115942_2023_3_94. – EDN: UJQZSQ.
5. Erohina, L. D. Dinamika social'nyh strahov v rossijskom obshchestve v period s 1990-h po 2023 gg. (po materialam issledovanij nauchno-issledovatel'skih centrov) / L. D. Erohina, A. K. Erohin // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2024. – № 108-2. – S. 121-125. – DOI: 10.18411/trnio-04-2024-91. – EDN: CWDZMH.
6. Iznanka cifrovizacii: tekhnostress i ego posledstviya. – URL: https://digital.ecopsy.ru/the_flip_side_of_digitalization_tekhnostress_and_its_consequences?ya_cid=1776157536624140910 (data obrashcheniya: 07.04.2026).
7. Kaz, M. S. «Mir truda» rabotayushchih pensionerov: dilemmy i smysly / M. S. Kaz // Sociologicheskie issledovaniya. – 2021. – № 7. – S. 28-39. – DOI: 10.31857/S013216250013853-1. – EDN: FQDDKS.
8. Kazanbaev, B. A. Tekhnostress kak sledstvie cifrovoj transformacii i ego tipichnye proyavleniya sredi sotrudnikov / B. A. Kazanbaev // Social'no-gumanitarnye nauki i kul'turnye processy v sovremennom obshchestve. Materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Ul'yanovsk: Zebra, 2024. – S. 78-81. – EDN: IFTRMF.
9. Kozina, I. M. Chelovek na rabote: mir truda v ocenках rossiyan / I. M. Kozina // SocioDigger. – 2020. – T. 1. – Vyp. 1: Trud i zanyatost'. – S. 5-16.
10. Konovalova, V. G. Cifrovye tekhnologii kak faktor tekhnostressa: problemy i vozmozhnosti ih resheniya / V. G. Konovalova // Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii. – 2022. – T. 11. № 3. – S. 17-21. – DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-3-17-21. – EDN: GGQXQN.
11. Konceptiya politiki aktivnogo dolgoletiya: nauchno-metodologicheskij dokl. k XXI Apr. Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Moskva, 2020 g. / pod red. L. N. Ovcharovoj, M. A. Morozovoj, O. V. Sinyavskoj. – Moskva : Izd. dom Vysšej shkoly ekonomiki, 2020. – 40 s.
12. Krupennikova, L. Sh. Sociologicheskoe izmerenie social'nyh strahov massovogo soznaniya / L. Sh. Krupennikova, Z. Akberi // Ekonomika i socium. – 2015. – № 6-3 (19). – S. 472-475. – EDN: VVJDXH.
13. Orlova, N. S. Cifrovye tekhnologii i tekhnostress: novye vyzovy dlya rabotnikov i firm / N. S. Orlova // Sociologiya v menyayushchemsya mire: teoriya, praktika, obrazovanie. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii k 35-letiyu sociologicheskogo obrazovaniya v Rossii. – Sankt-Peterburg, 2024. – S. 349-351. – EDN: WGTETQ.
14. Nikiforova, N. V. Sushchestvuyut li «cifrovye aborigeny»? Informacionnoe povedenie i vizual'nye praktiki v sovremennoj cifrovoj kul'ture / N. V. Nikiforova // Rossiya v global'nom mire. – 2015. – № 7 (30). – S. 209-217. – EDN: VTLKMOV.
15. Socfond raskryl chislennost' rabotayushchih i nerabotayushchih pensionerov v Rossii // RIA «FederalPress». – URL: <https://ria.ru/20260221/pensionery-2075914092.html> (data obrashcheniya: 07.04.2026).
16. Sapego, E. I. Tekhnologii cifrovogo detoksa v preodolenii tekhnostressa u sovremen-nogo rukovoditelya / E. I. Sapego // Gosudarstvennoe stroitel'stvo v Respublike Belarus': is-

toricheskiy opyt i perspektivy. Sbornik materialov Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Minsk : Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus', 2025. – S. 174-179.

17. Saruhanyan, E. O. Vliyanie vnedreniya informacionnyh tekhnologij v vuzah na psihologicheskoe blagopoluchie prepodavatelej vysshej shkoly / E. O. Saruhanyan, V. M. Vyachistov // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. – 2025. – T. 15. – № 9-2. – S. 205-214. – EDN: LGLVIN.

18. Sushko, N. G. Social'nye praktiki aktivnogo dolgoletiya / N. G. Sushko, T. V. Palyga. // Uchenye zametki TOGU. – 2025. – Tom 16. – № 2. – S. 16-21. – EDN: VVRRMK.

19. Shevchuk, E. V. Sistema upravleniya tekhnostressom sotrudnikov bibliotek v epohu cifrovoj transformacii / E. V. Shevchuk, M. S. Afonas'ev // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. – 2025. – № 1. – S. 151-160. – DOI: 10.24412/2071-6168-2025-1-151-152.

Информация об авторах

Татьяна Ивановна Барсукова, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация, ti94@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3966-6216>, SPIN-код: 6019-7197, AuthorID РИНЦ: 567267, Scopus ID: 57190760309, Researcher ID: JFS-6363-2023

Анна Николаевна Шматова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация, an.2808@yandex.ru, SPIN-код: 9390-3646, AuthorID: 769618

Information about Authors

Tatyana I. Barsukova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor in the Department of Sociology of Social Innovations, North Caucasus Federal University, Pushkin St., 1, 355017, Stavropol, Russian Federation, ti94@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3966-6216>, SPIN-code: 6019-7197, AuthorID RINTS: 567267, Scopus ID: 57190760309, Researcher ID: JFS-6363-2023

Anna N. Shmatova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor in the Department of Sociology of Social Innovations, North Caucasus Federal University, Pushkin St., 1, 355017, Stavropol, Russian Federation, Pushkin, 1, 355017, Stavropol, Russian Federation, an.2808@yandex.ru, SPIN-code: 9390-3646, AuthorID: 769618

Для цитирования: Барсукова Т. И., Шматова А. Н. Техностресс как детерминанта социальных страхов работающих пенсионеров // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 44-54. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

INTERCULTURAL AND BUSINESS COMMUNICATION

УДК 378(510)

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОВИНЦИИ ЦЗИЛИНЬ : ЭВОЛЮЦИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ*

Янь Лю

Школа менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай, 130022;
Исследовательская база цифрового бизнес-образования провинции Цзилинь

Аннотация. Интернационализация высшего образования имеет важное значение для содействия качественному развитию. Провинция Цзилинь, крупный регион на северо-востоке Китая, известный своим вкладом в науку и образование, уже давно осуществляет инициативы, направленные на усиление интернационализации своего сектора высшего образования, используя свои уникальные географические преимущества, культурные и академические ресурсы. В этом исследовании рассматривается прогресс в усилиях Цзилиня по интернационализации высшего образования и анализируются характеристики этих инициатив. Несмотря на значительные достижения в таких областях, как китайско-иностранные совместные программы, развитие профессорско-преподавательского состава, создание исследовательской инфраструктуры и студенческие обмены, проблемы сохраняются. Эти проблемы включают неравномерное развитие, ограниченное влияние бренда, недостаточную интернационализацию преподавательского состава, ограниченный объем и глубину обменов, а также неадекватные системы поддержки. В статье предлагаются стратегические меры по реализации, такие как укрепление рамок совместного развития, создание отличительных кооперативных брендов, формирование международных команд преподавателей, расширение гло-

* Исследовательский проект по реформированию преподавания в высших учебных заведениях провинции Цзилинь на 2024 год: Исследование стратегии развития интернационализации высшего образования в провинции Цзилинь (№ JLJY202418594488)

бальных обменов и совершенствование механизмов управления и поддержки, которые предлагают как теоретические рекомендации, так и практические рекомендации по продвижению интернационализации высшего образования в Цзилине.

Ключевые слова: высшее образование в провинции Цзилинь; стратегия интернационализации; иностранные студенты в Китае; китайско-иностранное совместное образовательные программы.

УДК 378(510)

HIGHER EDUCATION INTERNATIONALIZATION DEVELOPMENT STRATEGY IN JILIN PROVINCE : EVOLUTION AND PRACTICAL APPROACHES*

Yan Liu

School of Management, Changchun University, Changchun, China, 130022;
Research Base of Digital Business Education of Jilin Province

Abstract. The internationalization of higher education is essential for fostering high-quality development. Jilin Province, a prominent region in Northeast China known for its contributions to science and education, has long pursued initiatives aimed at enhancing the internationalization of its higher education sector by capitalizing on its unique geographical advantages and cultural and academic resources. This study examines the progress of Jilin's efforts in higher education internationalization and analyzes the characteristics of these initiatives. Although significant achievements have been realized in areas such as Sino-foreign cooperative programs, faculty development, the establishment of research infrastructure, and student exchanges, challenges persist. These challenges include uneven development, limited brand influence, insufficient internationalization of teaching staff, constrained scope and depth of exchanges, and inadequate support systems. The paper proposes strategic implementation measures such as fostering collaborative development frameworks, establishing distinctive cooperative brands, cultivating international faculty teams, expanding global exchanges, and enhancing governance and support mechanisms to offer both theoretical references and practical guidance for advancing the internationalization of higher education in Jilin.

Keywords: Higher Education in Jilin Province; Internationalization Strategy; International Students in China; Sino-Foreign Cooperative Education Programs.

* 2024 Jilin Provincial Higher Education Teaching Reform Research Project: Research on the Development Strategy of Higher Education Internationalization in Jilin Province (No. JLJY202418594488)

Introduction

The internationalization of higher education, a critical aspect of global education governance, has evolved beyond mere educational policy to become a national development strategy (Ren, 2016). Chinese scholars have performed a visual analysis of research advancements and trends in educational internationalization, utilizing WOS journal literature. They concluded that a prominent focus in global research on this topic is the internationalization of higher education (Ma, 2016). This process involves the incorporation of international, cross-cultural, and global dimensions into the objectives, functions, or delivery mechanisms of higher education at both institutional and national levels (Knight, 2004). Consequently, it has emerged as a central agenda item in educational strategies worldwide, garnering significant attention in both theoretical research and practical applications. The internationalization of higher education has become an essential metric for evaluating educational quality, with scholarly investigations on this subject displaying a trend toward diversification, ranging from foundational theoretical studies to practical implementations. Following the introduction of the concept of «limited globalization» (Zheng, 2021), scholars have begun to rigorously analyze how this structural transformation influences international exchange and cooperation. Enhancing domestic competitiveness in global markets, expanding international strategic partnerships in higher education, and exploring innovative digital models have become pivotal strategic priorities for leading educational nations globally (Liu, 2022).

As a leading province in education, Jilin Province places great emphasis on the internationalization of higher education, with its abundant educational resources providing solid support for implementing this strategic initiative. According to the Provincial Education Development Report (2024 edition), Jilin hosts 81 higher education institutions, including 38 undergraduate universities, 29 vocational colleges, and 14 adult education institutions. In this context, exploring issues related to higher education internationalization represents not only a new exploration within the broader framework of globalization but also a pioneering effort in this field. While existing research has yielded substantial findings, most focus on comparative studies of global higher education internationalization, specific aspects of its implementation, or development pathways. This study, focusing on Jilin Province, investigates key aspects of higher education internationalization, marking a significant advancement in this area and holding considerable importance for regional development.

I. The Process of Internationalization of Higher Education in Jilin Province

The year 2000 was selected as the research node mainly because there was a clear divergence in the development logic before and after. Before 2000, the international exchanges of higher education in Jilin Province mostly relied on sporadic inter-school connections for short-term academic exchanges. At the provincial level, a systematic internationalization development strategy for higher education had not yet been formed, and related measures for running schools were scattered and lacked top-level coordination. Entering the year 2000, driven by multiple factors such as the expansion of college enrollment, preparations for China's accession to the World Trade Organization, and the reform of the old industrial base in Northeast China, the province successively introduced supporting development measures. Substantive projects such as Sino-foreign cooperative ed-

ucation and joint degree cultivation gradually rolled out. The internationalization of higher education was officially elevated to the content of the special planning for regional education development, and the determination of development stages based on this is in line with the characteristics of historical evolution.

(1) Phase I: Rapid Development Period (2000–2012)

In the 21st century, the internationalization of higher education in Jilin Province entered a period of rapid development. Border trade between China and Russia experienced explosive growth, leading to a surge in demand for professionals specializing in Russian language and international economics and trade. Institutions such as Jilin Russian Language College took the lead in establishing cooperation with Russia by offering programs in Russian language and international trade to cultivate practical talent for border trade. Jilin University and Northeast Normal University began admitting small numbers of international students from Europe and America for academic exchanges, though their proportion remained relatively low.

Meanwhile, the principle of «expanding educational openness» outlined in the National Medium- and Long-Term Education Reform and Development Plan (2010–2020) emphasizes strengthening international exchanges and cooperation while introducing high-quality educational resources, thereby laying a solid foundation for provincial universities to engage in international collaboration.

During this period, the internationalization of higher education in Jilin Province was characterized by cooperation primarily focused on language and cultural exchanges, with limited market orientation.

(2) Phase II: Diversified Open Development and System Construction (2013–2020)

In 2013, the Belt and Road Initiative was proposed and in 2015, the national «Double First-Class» construction program was launched, marking the entry of Jilin Province's higher education into a phase of system-building for internationalization, with its strategic focus shifting toward integration into national strategies, diversified openness, and the establishment of an internationalized framework. In 2017, the Implementation Plan for Coordinating the Construction of High-Level Universities and Disciplines in Jilin Province was issued, incorporating international exchange and cooperation into provincial strategy and explicitly calling for strengthening international collaboration and enhancing open educational practices, encouraging universities to establish joint programs and talent cultivation partnerships with leading foreign educational institutions and renowned enterprises, expanding the scale of international students enrolled at universities in Jilin and building the “Study in Jilin brand”. The scope of cooperation has expanded from Russia, the Republic of Korea (ROK) to Europe and America, with Jilin University establishing partnerships with multiple foreign institutions, while numerous universities have implemented higher education internationalization strategies, resulting in steady growth in the number of international students. Taking Jilin Foreign Studies University as an example, its international development strategy explicitly references some documents, reflecting its commitment to serving the national strategy for developing and opening up the Changji-Tu region (Zhao, 2021).

At this stage, the internationalization of higher education has shifted from service-oriented approaches to substantive development, establishing a unified strategic framework across the province.

(3) Phase III: High-Quality Internationalization Development Strategy (2021–present)

Since 2021, the Chinese government has supported Jilin Province in establishing itself as a key gateway for opening up to the north. Aligned with the national strategy to build China into an education powerhouse and the new requirements for comprehensive revitalization of Northeast China, higher education in Jilin has entered a phase of high-quality internationalization, shifting its strategic focus toward developing a hub for northern openness, deepening cooperation with Northeast Asia, and building a high-standard international education system.

Historic breakthroughs have been achieved in Sino-foreign cooperative education programs, with the Ministry of Education announcing the approval results for institutions and projects in the second half of 2025. All five institutions and six projects submitted by Jilin Province were approved, achieving a 100 % approval rate. Both the total number of approvals and the number of approved institutions ranked first nationwide, marking a significant milestone in Jilin's efforts in Sino-foreign cooperative education. The institution jointly established by Northeast Normal University and Repin Academy of Fine Arts in Russia became the world's first educational entity to collaborate with the academy in training master's students in fine arts. Additionally, Northeast Normal University partnered with Bologna Conservatory of Music in Italy to systematically introduce its high-quality educational resources into China for the first time. Changchun University of Technology collaborated with Southern Cross University in Australia to establish the International Future Technology College, focusing on integrated undergraduate, graduate, and doctoral education in fields such as artificial intelligence and big data. The International Special Education College of Changchun University of Education partnered with Northeastern State University in the United States, representing a crucial exploration in cultivating high-level international faculty and talent in special education in China, thereby aligning the province's special education initiatives with global standards. The collaboration between International Sports and Health College of Jilin Sport University and Smolensk State University of Sports in Russia marked a «zero breakthrough» in international cooperative education programs for sports majors in Jilin Province (Jilin Provincial Department of Education, 2026).

II. The Characteristics of the Evolution of Jilin Province's Higher Education Internationalization Development Strategy

(1) Policy-driven

The internationalization of higher education in Jilin Province demonstrates a significant dependence on policy, with each strategic transformation closely aligned with national strategies and provincial directives. In 2017, internationalization was integrated into the provincial strategy, and since 2021, the emphasis has shifted toward engagement with northern regions. Policy initiatives have delineated the strategic objectives, tasks, and pathways, thereby ensuring consistent advancement in internationalization efforts.

(2) Dual drivers of geography and culture

Geographical proximity, cultural affinity, and complementary economic factors have established cooperation with Russia as the central pillar of Jilin Province's strategy for higher education

internationalization, sustaining its dominant position over the years. From cultivating border trade professionals in the 1990s, to fostering artistic and industrial collaboration in the 2010s, and further developing high-level Sino-foreign cooperative educational programs in the 2020s, cooperation with these countries has consistently been a top priority, with collaboration areas continuously expanding and levels steadily rising. Jilin's higher education internationalization efforts have consistently emphasized deep integration between globalization and disciplinary development, focusing on distinctive disciplines such as chemistry, archaeology, ethnology, winter sports, and agricultural science and technology. The province has pursued targeted international collaborations by establishing joint laboratories, joint training programs, and Sino-foreign cooperative educational institutions, thereby enhancing disciplinary excellence through internationalization and supporting global academic quality with disciplinary strengths.

(3) Concurrent advancement of study-abroad services and quality assurance

Jilin Province has consistently prioritized enhancing international students' learning experiences and educational quality as a cornerstone of its internationalization strategy. The province has evolved from admitting international students to optimizing their curriculum systems, providing dual mentors, improving living services, establishing a comprehensive quality assurance framework, strengthening the Jilin study abroad brand, focusing on off-campus experiences for international students, promoting university-industry collaborative internships and cultural exchange programs, thereby boosting their sense of belonging and overall satisfaction.

3. Current Status and Challenges of Internationalization Development in Universities in Jilin Province

This study compiled undergraduate teaching quality reports from 25 universities in Jilin Province for the years 2022, 2023, and 2024, providing a comprehensive overview of the current state of internationalization among provincial higher education institutions and systematically analyzing the major challenges they face.

(1) Current Status of International Development

① *Distribution of Sino-foreign cooperative education programs*

Sino-foreign cooperative education programs play a crucial role in the internationalization of higher education. Incomplete statistics indicate that at least 16 universities in the province have initiated approximately 45 such programs. These initiatives are widely distributed and primarily involve partnerships with institutions in the United States, Russia, the Republic of Korea, and the United Kingdom, while also extending to countries such as Australia, Japan, and Italy. Some programs have achieved significant scale, with collaborative models evolving toward more advanced levels. For instance, Changchun University of Science and Technology has established a joint college with Saint Petersburg State University in Russia, offering integrated undergraduate, master's, and doctoral programs.

② *The degree of internationalization of the teaching staff*

The internationalization of faculty is a critical priority for universities universally. Institutions participating in the 985 and 211 programs demonstrate a greater proportion of international

faculty members, with certain universities employing a significant number of foreign educators. Additionally, universities facilitate overseas research and academic exchanges for faculty members through initiatives funded by the China Scholarship Council or through dedicated grants, thereby enhancing their global perspectives.

③ *International Scientific Research Cooperation and Platform Development*

International scientific research cooperation takes various forms, and platform development has yielded initial results. Numerous universities have established high-level international cooperation platforms.

④ *International Mobility and Exchange of Students*

Various universities promote international exchange programs for students through multiple channels, including exchange programs, joint training initiatives, short-term academic visits, and international competitions. For instance, Jilin University and Changchun University have dispatched numerous students abroad for exchanges, while institutions such as Northeast Normal University actively organize student participation in international academic conferences and competitions.

(2) Challenges

Despite some progress, the internationalization of universities in Jilin Province still faces a series of profound challenges that hinder further quality improvement.

① *Uneven international development*

The disparity in internationalization levels among provincial universities is notable. Leading institutions, such as Jilin University and Northeast Normal University, exhibit significant strengths, while other undergraduate universities and vocational colleges display a weak foundation in internationalization. Many of these institutions lack comprehensive internationalization strategies, and their collaborations are often marked by limited depth and scale, hindering the potential for synergistic effects.

② *The influence of Jilin Province's study-abroad brand is weak*

The demographic composition of international students in China is relatively homogeneous, predominantly originating from neighboring countries such as Russia and ROK, while students from Europe, America, and along the Belt and Road route account for a small proportion overall. The distribution of academic disciplines is concentrated in language-related fields, with majors in science, engineering, agriculture, medicine, and advantageous industries representing a low share of the total student body, indicating a poor alignment with Jilin Province's industrial development needs.

③ *The internationalization level of the teaching staff is relatively low*

First, there is a severe shortage of high-end talent, particularly national and provincial-level leading figures and discipline heads with international academic influence. Second, faculty members generally have limited global perspectives. They participate infrequently in international academic activities, collaborate insufficiently with top foreign universities, and lack initiative in broadening their international horizons. Third, attracting and retaining talent poses significant challenges

due to objective factors such as geography, climate, and compensation packages, making it difficult to recruit and retain overseas high-level professionals and outstanding foreign faculty.

④ *Insufficient breadth and depth of international exchanges*

First, participation rates remain low. Although various programs exist, the proportion of students actually participating in overseas academic exchanges or joint training initiatives remains limited. Second, project quality requires improvement. Substantive degree collaboration programs and in-depth research partnerships with world-leading universities are relatively scarce. Third, there is an imbalance between attracting international talent and expanding global engagement. The scale and caliber of international students, particularly degree-seeking students, need enhancement. Fourth, a deeply integrated campus culture linking domestic and international students remains incompletely developed. For example, inadequate English-language website development. Many institutions lack comprehensive English-language websites at both primary and secondary levels. As university websites serve as gateways for global visibility. Insufficient international elements on campuses. Most institutions lack English-language signage and directional markers reflecting inadequate emphasis on globalization integration.

⑤ *The support and guarantee system for international development is inadequate*

First, the management mechanisms exhibit inefficiencies. There is a lack of coordination among departments, including academic affairs, international affairs, and student affairs, in certain universities. Second, the incentive and evaluation mechanisms are insufficient. Existing systems designed to motivate faculty in the development of international courses and the attainment of international teaching outcomes, as well as the supportive measures for credit recognition and quality assessment of students' overseas exchanges, require further enhancement. Third, funding remains constrained. Due to limitations arising from regional economic conditions and institutional financial capabilities, funding for international academic mobility and the aggregation of inbound resources is generally inadequate.

4. Implementation of Jilin Province's Internationalization Development Strategy for Higher Education

Considering the international characteristics and diverse challenges facing higher education in Jilin Province, the future trajectory of internationalization must shift from an emphasis on scale expansion to a focus on quality enhancement. By addressing significant national and regional needs and prioritizing substantive, high-quality development, it is essential to deepen international cooperation, optimize the allocation of international resources, and cultivate elite innovative talents. These individuals should possess a global perspective, a strong understanding of international regulations, and the ability to engage effectively in international affairs and competition. Such efforts will significantly bolster the international influence, competitiveness, and contributions of Jilin's higher education sector to local open development.

(1) Establishing a framework for coordinated development

Enhance the provincial-level cooperation mechanism by establishing a Leading Group for Higher Education Internationalization, which will be chaired by the provincial government and in-

clude representatives from the education, foreign affairs, finance, and science and technology departments. This group will collaboratively formulate internationalization development plans, address critical issues such as cross-border education programs and talent recruitment, and implement tailored strategies. It will support Jilin University in its pursuit of becoming a world-class institution, promote Northeast Normal University and Yanbian University in their efforts to advance «Double First-Class» initiatives, and serve as a model for educational cooperation in Northeast Asia. Additionally, the group will guide local universities in developing distinctive disciplines and engaging in differentiated international collaborations. Furthermore, it will facilitate vocational colleges' partnerships aligned with the Belt and Road Initiative in capacity-building areas to cultivate internationally competent professionals with technical skills.

(2) Building high-level, distinctive cooperative brands

Enhance the level and structure of cooperation by building on existing undergraduate joint programs and actively pursuing the expansion of joint training initiatives at the master's and doctoral levels, as well as within Sino-foreign cooperative education institutions. Drawing from the experiences of the joint colleges established by Changchun University of Science and Technology and Saint Petersburg State University of Mechanical Engineering in Russia, investigate integrated cultivation mechanisms that encompass bachelor's, master's, and doctoral degrees. Concentrate efforts on attracting partners from both general universities and world-class institutions, particularly in leading disciplines. This is especially pertinent in Jilin Province's competitive fields, including optoelectronics, chemistry, geology, agriculture, traditional Chinese medicine, power engineering, automotive technology, and rail transit, to foster robust collaboration.

(3) Building a high-caliber, internationally-oriented faculty team

We will launch targeted initiatives to attract high-caliber international talents, establishing provincial or university-level «Special Programs for High-Level International Talent Recruitment.» Focusing on key disciplines and innovation platforms, these programs aim to precisely recruit leading academic figures, discipline leaders, and promising young overseas PhDs globally. We will optimize talent recruitment policies by providing regionally competitive support in areas such as compensation packages, research startup funding, team composition, and living conditions. A comprehensive overseas faculty development system will be established, with increased financial investment and systematic design of overseas training models. Key faculty members and young researchers will be selected for long-term academic visits, collaborative research, or professional development at partner institutions, with mechanisms established to facilitate the application and sharing of research outcomes upon return. We advocate creating academic departments with a high proportion of internationally experienced faculty members and refining incentive and evaluation mechanisms. The purpose of incentives and evaluations is to enhance academic quality, as internationalization capabilities are fundamentally tied to educational excellence. Within evaluation frameworks, incentives play a crucial role in ensuring the efficiency and effectiveness of universities' international engagement. In developing these systems, evaluations should not only focus on outcomes but also encompass process-based assessments, with continuously improved methodologies to strengthen faculty and students' motivation for participating in global initiatives.

(4) Enhance the breadth and depth of international exchanges

First, we have proactively initiated the strategic layout for scientific research cooperation along the Belt and Road, fully leveraging Jilin Province's technological advantages in agriculture, infrastructure, traditional Chinese medicine, and other fields. By collaborating with overseas educational institutions, we have expanded scientific research cooperation to countries along the Belt and Road, addressing practical challenges in local development and achieving dual benefits in both technological empowerment and cultural exchange.

Second, foster a strong ecosystem for international academic exchange by supporting faculty and students in organizing, hosting, or participating in high-level international conferences. Continuously develop academic brands with regional influence such as the Changbai Mountain Forum. Establish dedicated funding to assist researchers in publishing collaborative findings in top-tier international journals and securing positions in international academic organizations. Thereby enhancing the influence of Jilin Province's universities within the global academic community.

Thirdly, creating a supportive international environment is crucial. This environment allows local students to engage with a multicultural and globally diverse setting while enabling international students to recognize the institution's commitment to integrating foreign cultures, a central theme in internationalization research. Specific initiatives include the installation of English-language signage and road signs, the incorporation of cultural elements from partner countries into campus design, the enhancement of English-language website development, the organization of international cultural festivals, and the hosting or participation in international conferences.

(5) Improving the Governance and Support System

To enhance resource integration and expand investment scale, universities should actively pursue financial support from national and provincial governments while also diversifying funding sources. This can be achieved by establishing dedicated funds for the development of institutional internationalization and improving the efficiency of fund utilization. Priority should be given to key areas, including faculty training, curriculum development, support for student overseas exchanges, and recruitment of high-caliber talent. Additionally, a comprehensive service support system must be established to enhance the entire international exchange service chain for students. This system should encompass project information disclosure, application guidance, pre-departure training, overseas assistance, return credit recognition, and academic continuity. Furthermore, the approval processes for official overseas trips by faculty should be streamlined, accompanied by convenient services. Upgrading campus infrastructure is also essential to create more international learning, activity, and living spaces.

REFERENCES

1. Jilin Provincial Department of Education. (2026). Both the total number of approved programs and the number of participating institutions rank first nationwide! Jilin Province has achieved a historic breakthrough in Sino-foreign cooperative education https://jyt.jl.gov.cn/jydt/202601/t20260108_9391433.html

2. Knight J. (2004). Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales. 8 (1): 5-31.

3. Liu XY. (2022). Characteristics, Trends of Higher Education Internationalization in the Era of «Limited Globalization» and Path Selection for Chinese Universities. Heilongjiang Higher Education Research, 40 (8):7-13.

4. Ma JS, Cai J. (2016). Research progress and trends in the field of educational internationalization: a visual analysis based on WoS journal literature. Foreign Education Research, 43 (10): 3-17.

5. Ren YQ. (2016). The future development of internationalization in higher education under the «Double First-Class» strategy. China Higher Education, (5):15-17.

6. Zhao ZM. (2021). A Brief Discussion on the Principles for Formulating Strategic Goals of Internationalization Development in Private Undergraduate Universities – A Case Study of Jilin Foreign Studies University. Modern Education Forum, 4 (1):11-13.

7. Zheng YN. (2021). Exploring how China will develop in the post-pandemic era: “Limited Globalization: The Birth of a New World Order”. Hangzhou, (22):68.

Информация об авторе

Янь Лю, доктор менеджмента, профессор факультета менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай, liuy79@ccu.edu.cn

Information about the Author

Yan Liu, Doctor of Management, professor in School of Management, Changchun University, Changchun, China, liuy79@ccu.edu.cn

Для цитирования: Янь Лю Стратегия развития интернационализации высшего образования в провинции Цзилинь: эволюция и практические подходы // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 55-65. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

Citation: Yan Liu Higher education internationalization development strategy in Jilin province: evolution and practical approaches // Paradigms of Management, Economics and Law. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 55-65. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

УДК 332.13

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЕРИФЕРИЙНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И ДРУГИХ РЕГИОНОВ ЮФО

Владимир Викторович Курченков, Дарья Александровна Улановская

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты пространственной поляризации и преодоления периферийности сельских территорий в контексте региональной политики. Актуальность обусловлена устойчивой тенденцией концентрации населения и экономической активности в региональных центрах и пригородных зонах Южного федерального округа при одновременной деградации удаленных сельских поселений. Цель работы – выявление основных факторов пространственной поляризации сельских территорий на примере Волгоградской области и других регионов ЮФО и обоснование механизмов их инклюзивного развития.

Методы. Исследование базируется на методах системного, сравнительного и статистического анализа с использованием официальных данных Росстата, региональных программных документов и результатов научных исследований отечественных авторов. Применяется типологический подход к дифференциации муниципальных районов по уровню социально-экономического развития.

Анализ. Проведен анализ динамики численности сельского населения в регионах ЮФО с акцентом на Волгоградскую область как региона с выраженной поляризацией сельского пространства. Выявлены ключевые индикаторы, характеризующие степень периферийности: транспортная доступность, плотность населения, уровень развития социальной и инженерной инфраструктуры, состояние рынка труда. Показано, что существующие меры государственной поддержки не в полной мере учитывают внутрорегиональную дифференциацию, что снижает их эффективность. На основе анализа успешных практик предложена

трехуровневая модель адаптивной региональной политики, ориентированной на дифференцированную поддержку сельских территорий в зависимости от их типа.

Результаты. Систематизированы критерии отнесения сельских территорий к различным типам (опорные, стабильные, депрессивные). Обоснованы направления совершенствования региональной политики: формирование сельских агломераций как «точек роста», программно-целевая поддержка депрессивных районов, развитие межмуниципальной кооперации и цифровой инфраструктуры. Предложена авторская схема механизма пространственного выравнивания, интегрирующая инструменты инициативного бюджетирования и программ комплексного развития сельских территорий. Выводы могут быть использованы при корректировке региональных стратегий пространственного развития субъектов ЮФО.

Ключевые слова: пространственное развитие, периферийность, сельские территории, региональная политика, Волгоградская область, Южный федеральный округ, дифференциация, сельские агломерации, инфраструктура.

UDC 332.13

SPATIAL DEVELOPMENT AND OVERCOMING THE PERIPHERY OF RURAL AREAS OF THE VOLGOGRAD REGION AND OTHER REGIONS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Vladimir V. Kurchenkov, Daria A. Ulanovskaya

Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the theoretical and methodological aspects of spatial polarization and overcoming rural peripherality in the context of regional policy. The relevance is due to the steady trend of population concentration and economic activity in regional centers and suburban areas of the Southern Federal District, while the degradation of remote rural settlements. The purpose of the work is to identify the main factors of spatial polarization of rural areas using the example of the Volgograd Region and other regions of the Southern Federal District and substantiate the mechanisms of their inclusive development.

Methods. The research is based on methods of systematic, comparative and statistical analysis using official data from Federal State Statistics Service, regional policy documents and the results of scientific research by Russian authors. A typological approach is applied to the differentiation of municipal districts according to the level of socio-economic development.

Analysis. The analysis of the dynamics of the rural population in the regions of the Southern Federal District is carried out with an emphasis on the Volgograd region as a region with a pronounced polarization of rural space. The key indicators characterizing the degree of peripherality have been identified: transport accessibility, population density, the level of development of social

and engineering infrastructure, and the state of the labor market. It is shown that the existing state support measures do not fully take into account intraregional differentiation, which reduces their effectiveness. Based on the analysis of successful practices, a three-level model of adaptive regional policy is proposed, focused on differentiated support for rural areas depending on their type.

Results. The criteria for classifying rural territories into various types (basic, stable, and depressed) are systematized. The directions of improving regional policy are substantiated: the formation of rural agglomerations as «growth points», program-oriented support for depressed areas, the development of inter-municipal cooperation and digital infrastructure. The author's scheme of the spatial alignment mechanism is proposed, integrating the tools of initiative budgeting and integrated rural development programs. The conclusions can be used to adjust regional spatial development strategies of the Southern Federal District subjects.

Keywords: spatial development, peripherality, rural areas, regional policy, Volgograd Region, Southern Federal District, differentiation, rural agglomerations, infrastructure.

Введение. В условиях современной социально-экономической реальности проблема пространственной поляризации приобретает характер одного из ключевых вызовов регионального развития. В научном дискурсе и практике государственного управления усиливается внимание к периферийным территориям, которые, несмотря на обладание значительным природно-ресурсным потенциалом, оказываются в зоне устойчивого социально-экономического отставания. Сельские территории Российской Федерации, в особенности удаленные от региональных центров, демонстрируют симптомы системной деградации: сокращение численности населения, утрату производственной и социальной инфраструктуры, рост безработицы и снижение качества жизни [3, с. 47].

Особую остроту эта проблема приобретает в Южном федеральном округе (далее – ЮФО), где на фоне роста численности населения в некоторых субъектах, связанных в первую очередь с миграционным притоком в крупные агломерации, происходит дальнейшее «сжатие» сельского пространства во внутриконтинентальных районах. По данным Росстата, в 2025 году сельское население ЮФО демонстрирует положительную динамику (+17 %), что связано с эффектом масштаба сосредоточения населения в крупных городах, в то время как на муниципальном уровне поляризация только усиливается. Наиболее рельефно данный противоречивый тренд проявляется в Волгоградской области, где при относительно высоком среднем уровне газификации и реализации программ комплексного развития сельских территорий (на 2025 год выделено 1,1 млрд руб. на 18 мероприятий) продолжается сокращение числа сельских жителей и утрата мелких населенных пунктов [10].

Цель настоящего исследования – выявление ключевых факторов пространственной поляризации сельских территорий Волгоградской области в контексте общерегиональных тенденций ЮФО и обоснование механизмов адаптивной региональной политики, направленной на преодоление периферийности. Задачи исследования включают: 1) анализ динамики и структуры сельского расселения в регионах ЮФО; 2) систематизацию критериев и ин-

дикаторов периферийности сельских территорий; 3) разработку модели дифференцированной региональной политики пространственного развития.

Научная новизна работы заключается в обосновании трехуровневой модели адаптивной региональной политики, учитывающей типы сельских территорий по степени периферийности и интегрирующей инструменты инициативного бюджетирования в программно-целевые механизмы. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов при корректировке региональных и муниципальных стратегий пространственного развития.

Методы. Исследование базируется на положениях теории пространственной экономики, в частности концепции «центр-периферия» (Й. Тюнен, А. Леш, Дж. Фридман), адаптированной к современным условиям дифференциации сельского расселения. Методологический инструментарий включает: методы системного и сравнительного анализа для сопоставления социально-экономических показателей развития сельских территорий в разрезе субъектов ЮФО и внутрирегиональном разрезе; методы статистического анализа для выявления динамики демографических и инфраструктурных показателей на основе данных Росстата, Волгоградстата и Краснодарстата (официальные сборники 2023–2025 гг.); метод типологизации и районирования для выделения групп муниципальных районов по степени периферийности; методы графического и картографического представления результатов.

Эмпирическую базу исследования составляют: официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за 2018–2025 гг.; региональные нормативные правовые акты (государственные программы «Комплексное развитие сельских территорий» Волгоградской области); муниципальные программы социально-экономического развития; результаты научных исследований отечественных авторов (А. Г. Дружинина, В. А. Колосова, Е. А. Колпаковой) за 2020–2025 гг.

Методика исследования включала последовательное решение следующих задач: 1) сбор и систематизация первичных статистических данных по демографическим, инфраструктурным и экономическим показателям сельских территорий регионов ЮФО; 2) расчет динамики численности сельского населения и доли сельских жителей в общей численности; 3) выявление муниципальных районов, демонстрирующих устойчивую отрицательную динамику; 4) сравнительный анализ обеспеченности социальной и инженерной инфраструктурой; 5) обобщение успешных практик и формирование предложений по адаптации региональной политики.

Анализ. Сельские территории Южного федерального округа характеризуются существенной гетерогенностью, которая усугубляется действием двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны, общий миграционный поток направлен в регионы Юга России, что создает иллюзию благополучия, с другой – внутрирегиональное перераспределение ведет к дальнейшей поляризации и маргинализации удаленных сельских районов [6, с. 134].

Динамика сельского населения в регионах ЮФО. Исходной гипотезой исследования выступает предположение о том, что положительная динамика сельского населения в ряде регионов ЮФО (в первую очередь в Краснодарском крае и Республике Адыгея) скрывает

депопуляцию значительной части муниципальных образований и маскирует процессы сжатия сельского пространства. Статистический анализ подтверждает данную гипотезу. В Краснодарском крае при общем росте населения и значительной доле сельских жителей (2 488 701 человек, или 42,6 % от общей численности) позитивная динамика концентрации происходит за счет пригородных зон и зон рекреационного освоения, тогда как степные восточные районы демонстрируют устойчивую убыль. В Ростовской области, где сельское население составляет 1 328 000 человек (32,1 %), депопуляция сельских территорий сопровождается оттоком молодежи и сокращением числа малых населенных пунктов. Ростовская область демонстрирует стабильное сокращение населения: за 2024 год общая убыль составила 15,1 тыс. человек при естественной убыли 16,4 тыс. и миграционном приросте всего 1,3 тыс. человек. Это указывает на то, что миграционные потоки уже не могут компенсировать естественные потери даже в наиболее привлекательных сельскохозяйственных регионах [7; 8; 9].

Волгоградская область представляет собой наиболее рельефный пример внутрирегиональной поляризации. По результатам предварительной оценки Росстата, на 1 января 2025 года численность населения региона составила 2 435 355 человек, сократившись за год на 19 852 человека. При этом доля сельского населения оценивается в 540 529 человек, или 22,2 % от общей численности – минимальный показатель среди крупных аграрных регионов ЮФО [5, с. 174]. Примечательно, что за период 2018–2025 гг. сокращение сельского населения составило порядка 32,9 тыс. человек, при этом темпы убыли ускоряются. Результаты анализа представлены в таблице 1 [7; 8; 9].

Таблица 1 – Динамика численности сельского населения Волгоградской области в сравнении с некоторыми субъектами ЮФО (2018–2025 гг.)

Субъект РФ	Сельское население, 2018 г., тыс. чел.	Сельское население, 2025 г., тыс. чел.	Доля сельского населения, 2025 г., %	Абсолютное изменение, тыс. чел.
Волгоградская область	573,4	540,5	22,2	-32,9
Краснодарский край	2 456,8	2 488,7	42,6	+31,9
Ростовская область	1 359,2	1 328,0	32,1	-31,2
Республика Калмыкия	134,6	126,8	54,7	-7,8

Особую тревогу вызывает не только общая убыль, но и качественные изменения в структуре расселения. Согласно данным доклада о пространственном развитии, в регионе наблюдается увеличение числа малых и мельчайших сельских населенных пунктов (менее 100 жителей) при одновременном росте числа полностью опустевших сел и хуторов [4, с. 21]. Так, в Палласовском, Старополтавском и Николаевском районах Заволжья за последние пять лет прекратили существование более 15 населенных пунктов. В этих районах износ систем водо-

снабжения достигает 95 %, что в сочетании с удаленностью от регионального центра (более 300 км) создает объективные препятствия для хозяйственной деятельности и расселения.

Объективными индикаторами, позволяющими верифицировать степень периферийности сельских территорий, выступают показатели доступности и качества инженерной и социальной инфраструктуры. Проведенный анализ в разрезе муниципальных районов Волгоградской области позволил построить типологию, включающую три группы: опорные (пригородная зона и районы с развитым АПК), стабильные (районы со сбалансированным развитием) и депрессивные (Заволжье и северные районы). Ключевые характеристики представлены в таблице 2 [1, с. 121].

Таблица 2 – Типология муниципальных районов Волгоградской области по уровню социально-экономического развития сельских территорий

Тип территории	Примеры районов	Доля сельского населения, %	Индикаторы инфраструктурной обеспеченности	Демографическая динамика
Опорные	Среднеахтубинский, Городищенский, Светлоярский	25-35	Газификация >90 %, водоснабжение стабильное	Стабильность / незначительный рост
Стабильные	Новоаннинский, Урюпинский, Михайловский	60-75	Газификация 80-90 %, водоснабжение удовлетворительное	Слабая убыль / стагнация
Депрессивные	Палласовский, Старополтавский, Николаевский, Чернышковский	45-55	Газификация 70-80 %, водоснабжение >90 % износа	Устойчивая убыль >2 % в год

Даже в области относительно высокого уровня газификации региона (уровень газификации Волгоградской области в 2025 году достиг 92 %, что на 17,3 % выше среднероссийского показателя) доступность газа в отдаленных районах существенно ниже [7]. Так, в Палласовском районе уровень газификации составляет менее 70 %, что обусловлено высокими издержками строительства газораспределительных сетей в условиях низкой плотности населения (менее 2 чел./км²). Водоснабжение остается критической проблемой: износ водопроводных сетей в большинстве депрессивных районов превышает 80 %, а в ряде населенных пунктов достигает 95 %, создавая угрозы санитарно-эпидемиологической безопасности. В поселках Волгодонской, Октябрьский, Комсомольский Калачевского района износ действовавших водоводов достигал 95 %, и только капитальный ремонт 700-метрового участка водовода, выполненный в 2025 году, предотвратил полное прекращение водоснабжения для 10 тыс. жителей. По нацпроекту «Жилье и городская среда» в 2025 году завершена модернизация систем водоснабжения в селе Старая Полтавка, что обеспечило чистой водой более 4,5 тыс. человек, однако масштаб проблемы остается значительным.

Ситуация с транспортной доступностью усугубляет изолированность периферийных районов: значительная часть сельских дорог Волгоградской области не соответствует нормативным требованиям по твердому покрытию (более 40 % дорог местного значения являются грунтовыми). Анализ данных, представленных в таблице 3, свидетельствует о сокращении инвестиционной активности.

Таблица 3 – Динамика инвестиций в инфраструктурные проекты ЮФО
(I кв. 2023–2025 гг.)

Показатель	I кв. 2023 г., млрд руб.	I кв. 2024 г., млрд руб.	I кв. 2025 г., млрд руб.	Изменение, %
Объем инвестиций в инфраструктуру (ЮФО)	24,9	29,5	22,6	-35,2

В первом квартале 2025 года объем инвестиций в инфраструктурные проекты ЮФО сократился на 35,2 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, составив 22,6 млрд руб. Это создает риски недофинансирования развития дорожной сети, что особенно критично для сельских территорий.

Кадровый потенциал и социальная инфраструктура. Важнейшим индикатором устойчивости сельских территорий выступает состояние социальной инфраструктуры. Проведенный анализ показал, что в Волгоградской области из 568 общеобразовательных школ 423 расположены в сельской местности, при этом число сельских школ сокращается: за 2019–2025 гг. их количество уменьшилось на 8 %. Проблема доступности медицинской помощи частично решается через мобильные комплексы: за 2025 год врачебные бригады на передвижных модулях осмотрели более 143 тыс. жителей отдаленных территорий, однако стационарная медицинская помощь остается труднодоступной. В Палласовском районе на одну врачебную амбулаторию приходится более 5 тыс. человек при нормативном показателе 2 тыс. человек [7].

В то же время позитивным примером муниципальной инициативы выступает развитие механизмов инициативного бюджетирования в Волгоградской области. В рамках конкурса поддержки местных инициатив, проводимого с 2019 года, реализовано 1085 проектов, из которых 240 детских и более 300 проектов, направленных на благоустройство сельских поселений, ремонт домов культуры, библиотек, строительство спортивных площадок. Финансирование программы увеличено до 107 млн руб. в 2026 году (что почти вдвое выше показателя 2019 года), а максимальный объем поддержки одного проекта увеличен до 1 млн руб. [2]. Однако инициативное бюджетирование не компенсирует отсутствие системной политики пространственного выравнивания, а лишь обслуживает локальные потребности наиболее активных сообществ, усиливая дифференциацию между «лидерами» и «аутсайдерами».

Результаты. На основе проведенного анализа обосновывается модель адаптивной региональной политики, предполагающая дифференцированный подход к сельским территориям в зависимости от их типа. Ключевым элементом модели выступает трехуровневая система мер.

Уровень 1 – опорные сельские агломерации. На этом уровне предполагается: формирование межмуниципальных кластеров в пригородных зонах Волгоградской агломерации; реализация программ жилищного строительства для привлечения мигрантов; развитие транспортной доступности (скоростные автобусные маршруты). Цель – стимулирование роста и привлечение инвестиций.

Уровень 2 – стабильные районы с потенциалом саморазвития. На этом уровне предполагается: поддержка малых форм хозяйствования (гранты фермерам, развитие кооперации); модернизация социальной инфраструктуры (строительство ФАПов, капитальный ремонт школ); развитие несельскохозяйственных видов деятельности (агротуризм, промыслы). Цель – стабилизация демографической ситуации и создание рабочих мест.

Уровень 3 – депрессивные территории, требующие специальных мер. На этом уровне предполагается: программа «Сжатие пространства» – переселение жителей из неперспективных населенных пунктов в опорные поселения; гарантированная базовая инфраструктура (мини-ФАПы, мобильные школы, доставка товаров); создание центров дистанционной занятости в рамках цифровизации (точки доступа к интернету и коворкинги). Цель – обеспечение базовых стандартов качества жизни и предотвращение гуманитарной катастрофы.

Предлагаемая модель позволяет преодолеть недостатки линейного подхода, при котором меры государственной поддержки распределяются пропорционально численности населения без учета пространственного контекста. На опорных территориях приоритетом является стимулирование роста, на стабильных – удержание и развитие человеческого капитала, на депрессивных – минимизация социальных издержек и адресная помощь.

Пространственное развитие сельских территорий Южного федерального округа характеризуется усилением поляризации, наиболее ярко проявляющейся на примере Волгоградской области. Депопуляция, инфраструктурная деградация и маргинализация удаленных районов являются объективными процессами, требующими не фрагментарных, а институциональных решений.

Основные выводы исследования:

1. Объективные процессы пространственной поляризации требуют перехода от уравнительной модели государственной поддержки к адаптивной, типологически обоснованной региональной политике. Доля сельского населения Волгоградской области (22,2%) является одной из самых низких в ЮФО, при этом деградация Заволжья и северных районов продолжается нарастающими темпами.

2. Ключевым инструментом пространственной оптимизации должно стать формирование сельских агломераций как «точек роста», консолидирующих ресурсы вокруг опорных населенных пунктов, что согласуется с обновленной Стратегией пространственного развития РФ до 2030 года.

3. Инициативное бюджетирование и муниципальные программы поддержки локальных инициатив требуют интеграции в стратегии комплексного развития сельских территорий, что обеспечит масштабирование успешных практик. Увеличение финансирования программы инициативного бюджетирования до 107 млн руб. в 2026 году создает предпосылки для дальнейшего вовлечения сельских сообществ.

4. Цифровая трансформация может стать драйвером преодоления периферийности при условии обеспечения широкополосного доступа к сети Интернет и развития механизмов дистанционной занятости и онлайн-образования. Необходимо сформировать региональную «цифровую повестку» для сельских территорий.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка методики расчета интегрального индекса периферийности сельских территорий, а также оценка социально-экономических эффектов от реализации пилотных проектов по формированию сельских агломераций на территории ЮФО. Эмпирический анализ практик комплексного развития сельских территорий в Ростовской области и Краснодарском крае позволит выработать рекомендации по адаптации успешных инструментов к специфике Волгоградской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Н. Н. Социально-экономическое развитие сельских территорий Юга России в условиях пространственной трансформации / Н. Н. Балашова, Е. А. Колпакова, Е. А. Тарасова // Научное обоснование стратегии цифрового развития АПК и сельских территорий : материалы Национальной научно-практической конференции, Волгоград, 09 ноября 2022 года / Волгоградский государственный аграрный университет. Том I. – Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2023. – С. 119-125. – EDN EVMYGA.
2. В районах Волгоградской области продолжается комплексное развитие // Волгоградская правда. 2025. 21 нояб. – URL: <https://vpravda.ru> (дата обращения: 18.04.2026).
3. Дружинин, А. Г. Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи / А. Г. Дружинин, В. А. Колосов // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4 (211). – С. 47-57.
4. Колпакова, Е. А. Социально-экономическое развитие сельских территорий в условиях пространственной трансформации : на примере Волгоградской области : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Колпакова Екатерина Александровна – Волгоград, 2022. – 26 с.
5. Конева, Д. А. Анализ современного состояния сельских территорий и сельского хозяйства РФ / Д. А. Конева // Угрозы и риски на Юге России в условиях геополитического кризиса. Достижения и перспективы научных исследований молодых ученых Юга России : Материалы научных мероприятий: Всероссийской конференции с международным участием; XIX Ежегодной молодежной научной конференции, Ростов-на-Дону, 15 марта – 29 2023 года. – Ростов-на-Дону: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», 2023. – С. 174. – EDN XSZRKR.
6. Курченков, В. В. ESG-принципы как инструмент комплексного устойчивого развития сельских территорий / В. В. Курченков, Д. А. Конева, О. В. Фетисова // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 128-137. – DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.3.10. – EDN EYVMZU.
7. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. – URL: <https://34.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2026).

8. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. – URL: <https://61.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2026).

9. Официальный сайт Управления Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. – URL: <https://23.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2026).

10. Постановление Администрации Волгоградской области от 17.02.2025 № 90-п «Об утверждении распределения в 2025 году субсидий из областного бюджета бюджетам муниципальных образований Волгоградской области на реализацию мероприятий по благоустройству сельских территорий». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3400202502190002> (дата обращения: 12.04.2026).

REFERENCES

1. Balashova, N. N., Kolpakova E. A., Tarasova E. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sel'skikh territoriy Yuga Rossii v usloviyakh prostranstvennoy transformatsii [Socio-Economic Development of Rural Areas of the South of Russia in the Context of Spatial Transformation]. *Nauchnoe obosnovanie strategii tsifrovogo razvitiya APK i sel'skikh territoriy: materialy Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Volgograd, 09 noyabrya 2022 goda* [Scientific Substantiation of the Strategy for Digital Development of Agriculture and Rural Areas: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference, Volgograd, November 09, 2022]. Vol. I. Volgograd, Volgograd State Agrarian University Publ., 2023, pp. 119-125. EDN: EVMYGA.

2. V rayonakh Volgogradskoy oblasti prodolzhaetsya kompleksnoe razvitie [Comprehensive Development Continues in the Districts of the Volgograd Region]. *Volgogradskaya pravda*, 2025, Nov. 21. – URL: <https://vpravda.ru> (accessed 18.04.2026).

3. Druzhinin, A. G., Kolosov V. A. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii na period do 2030 goda: novatsii i nereshennye zadachi [Spatial Development Strategy of Russia for the Period up to 2030: Innovations and Unsolved Problems]. *Problemy prognozirovaniya*, 2025, no. 4 (211), pp. 47-57.

4. Kolpakova, E. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sel'skikh territoriy v usloviyakh prostranstvennoy transformatsii: na primere Volgogradskoy oblasti [Socio-Economic Development of Rural Areas in the Context of Spatial Transformation: a Case Study of the Volgograd Region]. Extended abstract of PhD diss. – Volgograd, 2022. – 26 p.

5. Koneva, D. A. Analiz sovremennogo sostoyaniya sel'skikh territoriy i sel'skogo khozyaystva RF [Analysis of the Current State of Rural Areas and Agriculture in the Russian Federation]. *Ugrozy i riski na Yuge Rossii v usloviyakh geopoliticheskogo krizisa. Dostizheniya i perspektivy nauchnykh issledovaniy molodykh uchenykh Yuga Rossii: Materialy nauchnykh meropriyatiy: Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; XIX Ezhegodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii* [Threats and Risks in the South of Russia in the Context of the Geopolitical Crisis. Achievements and Prospects of Scientific Research of Young Scientists of the South of Russia:

Proceedings of Scientific Events: All-Russian Conference with International Participation; XIX Annual Youth Scientific Conference]. Rostov-on-Don, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Publ, 2023, p. 174. EDN: XSZRKR.

6. Kurchenkov, V. V., Koneva D. A., Fetisova O. V. ESG-printsipy kak instrument kompleksnogo ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy [ESG Principles as a Tool for Integrated Sustainable Development of Rural Areas]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2022, vol. 24, no. 3, pp. 128-137. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.3.10. EDN: EVYMZU.

7. Ofitsial'nyy sayt Territorial'nogo organa Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Volgogradskoy oblasti [Official website of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Volgograd Region]. – URL: <https://34.rosstat.gov.ru> (accessed 29.03.2026).

8. Ofitsial'nyy sayt Territorial'nogo organa Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Rostovskoy oblasti [Official website of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Rostov Region]. – URL: <https://61.rosstat.gov.ru> (accessed 29.03.2026).

9. Ofitsial'nyy sayt Territorial'nogo organa Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Krasnodarskomu krayu [Official website of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Krasnodar Krai]. – URL: <https://23.rosstat.gov.ru> (accessed 29.03.2026).

10. Postanovlenie Administratsii Volgogradskoy oblasti ot 17.02.2025 № 90-p «Ob utverzhdenii raspredeleniya v 2025 godu subsidiy iz oblastnogo byudzheta byudzheta munitsipal'nykh obrazovaniy Volgogradskoy oblasti na realizatsiyu meropriyatiy po blagoustroystvu sel'skikh territoriy» [Decree of the Administration of the Volgograd Region No. 90-p «On approval of the distribution in 2025 of subsidies from the regional budget to the budgets of municipalities of the Volgograd Region for the implementation of measures for the improvement of rural areas»]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3400202502190002> (accessed 12.04.2026).

Информация об авторах

Владимир Викторович Курченков, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и экономики инноваций, Волгоградский государственный университет, пр-т Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kurchenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2389-963X>, SPIN-код: 7160-4137, AuthorID: 132863

Дарья Александровна Улановская, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и экономики инноваций, Волгоградский государственный университет, пр-т. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dakoneva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6395-4464>, SPIN-код: 9129-5218, AuthorID: 881087

Information about Authors

Vladimir V. Kurchenkov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of State and Municipal Management and Economics of Innovation, Volgograd State University, ave. Universitetskiy, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation, kurchenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2389-963X>, SPIN-код: 7160-4137, AuthorID: 132863

Daria A. Ulanovskaya, Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Management and Economics of Innovation, Volgograd State University, ave Universitetskiy, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation, dakoneva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6395-4464>, SPIN-код: 9129-5218, AuthorID: 881087

Для цитирования: Курченков В. В., Улановская Д. А. Пространственное развитие и преодоление периферийности сельских территорий Волгоградской области и других регионов ЮФО // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 67-78. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

УДК 001.8:[314.1+332](470)

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ*

Марина Викторовна Леденёва, Елена Вячеславовна Акользина

Волгоградский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Целью данной статьи является проведение типологизации регионов Российской Федерации посредством проведения кластерного анализа ключевых демографических и экономических показателей для выявления однородных кластеров, с последующим выявлением особенностей и проблем, характерных для тех или иных кластеров, определением лидирующих и депрессивных регионов.

Методы. В рамках данной работы был проведен кластерный анализ по методу Уорда, а также по методу k-средних. Анализ проведен на основе отобранных демографических и экономических показателей.

Анализ. Проведен кластерный анализ, определено оптимальное количество кластеров, выявлены типологические группы регионов России. Выявлены ключевые особенности сформированных групп, определены лидирующие регионы, регионы со средними демографическими потенциалом, а также наиболее депрессивные и требующие внимания регионы. Выявлены актуальные демографические тенденции, включая тенденцию старения населения России.

Выводы. Выявленные в результате проведенного анализа группы регионов России, их демографические и экономические особенности могут быть в дальнейшем использованы при разработке различных региональных и федеральных мероприятий и рекомендаций, направленных на улучшение демографической и экономической ситуации.

Ключевые слова: кластерный анализ, население, демография, старение населения, демографические тенденции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» в рамках Конкурса на выполнение научно-исследовательских работ студентами и аспирантами «Шаг в науку»

UDC 001.8:[314.1+332](470)

CLUSTER ANALYSIS OF RUSSIAN REGIONS BY DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC INDICATORS

Marina V. Ledeneva, Elena V. Akolzina
Plekhanov Russian University of Economics,
Volgograd branch, Volgograd, Russia

Abstract. Introduction. The purpose of this article is to classify the regions of the Russian Federation by conducting a cluster analysis of key demographic and economic indicators to identify homogeneous clusters, followed by identifying the features and problems characteristic of certain clusters, and determining leading and depressed regions.

Methods. This article conducted a cluster analysis using Ward's method and the k-means method. The analysis was based on selected demographic and economic indicators.

Analysis. A cluster analysis was conducted, the optimal number of clusters was determined, and typological groups of Russian regions were identified. Key features of the formed groups were identified, leading regions, regions with average demographic potential, as well as the most depressed regions and those requiring attention were determined. Current demographic trends have been identified, including the aging trend of the Russian population.

Conclusions. The demographic and economic characteristics of the regions of Russia identified as a result of the analysis can be further used in the development of various regional and federal measures and recommendations aimed at improving the demographic and economic situation.

Keywords: cluster analysis, population, demography, population aging, demographic trends.

Введение. Регионы Российской Федерации характеризуются широким разнообразием и значительной дифференциацией в социально-экономическом и демографическом развитии, экономико-географическом положении, финансовой и инвестиционной привлекательности, инновационном потенциале [1, с. 284].

Подобные региональные различия обуславливают ситуацию, в которой одни и те же действия и меры по стимулированию демографии, экономики, инноваций оказываются в одних регионах менее актуальными и эффективными, чем в других, что со временем приводит к формированию определенных устойчивых зон с низкими показателями социально-экономического развития и депрессивной демографической ситуацией.

Для повышения эффективности государственной социальной и экономической политики становится принципиально важно учитывать особенности конкретных регионов, возникает необходимость проведения глубокого анализа их социально-экономического состояния, выявления структурных связей, выделения наиболее однородных групп регионов [3, с. 233].

Для анализа и группировки субъектов Российской Федерации могут быть применены методы многомерного статистического анализа, в частности, кластерный анализ [4, с. 31].

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать цель данного исследования – проведение типологизации регионов Российской Федерации посредством проведения кластерного анализа ключевых демографических и экономических показателей для выявления однородных кластеров, с последующим выявлением проблем, характерных для тех или иных кластеров, определением регионов-аутсайдеров, а также потенциальных точек роста.

Методы исследования. В рамках данной работы нами было принято решение о проведении кластерного анализа – метода, позволяющего сгруппировать регионы по демографическим и экономическим параметрам таким образом, чтобы внутригрупповые отличия были минимальны, а межгрупповые отличия – максимальны [9, с. 794].

Таблица 1 – Система показателей, характеризующих демографическую ситуацию в субъектах РФ

№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения
1	Население старше трудоспособного возраста	в % от общей численности населения
2	Общие коэффициенты рождаемости	число родившихся на 1000 человек населения
3	Общие коэффициенты смертности	число умерших на 1000 человек населения
4	Коэффициенты естественного прироста населения	на 1000 человек населения
5	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	лет
6	Реальный размер назначенных пенсий	в процентах к предыдущему году
7	Численность пенсионеров	на 1000 человек населения
8	Численность занятых, приходящихся на одного пенсионера	число занятых на одного пенсионера
9	Коэффициенты миграционного прироста	на 10 000 человек населения
10	Уровень участия в составе рабочей силы	в %

Для проведения кластерного анализа была выбрана система показателей, включающая в себя десять показателей, характеризующих демографическую ситуацию в субъектах Российской Федерации (табл. 1).

Значения указанных показателей для проведения кластерного анализа взяты из ежегодного сборника Федеральной службы государственной статистики «Регионы России», в котором публикуются статистические данные о социально-экономическом положении субъектов Российской Федерации [8]. Данные были стандартизированы в программе Statistica в целях устранения различий в единицах измерения показателей.

Анализ. Кластерный анализ показал свою значимость и эффективность в работах российских ученых и исследователей при рассмотрении разнообразных вопросов, включая изучение особенностей демографии, экономической дифференциации, территориальных особенностей производства и сельского хозяйства, инновационно-технологического потенциала [7, с. 49].

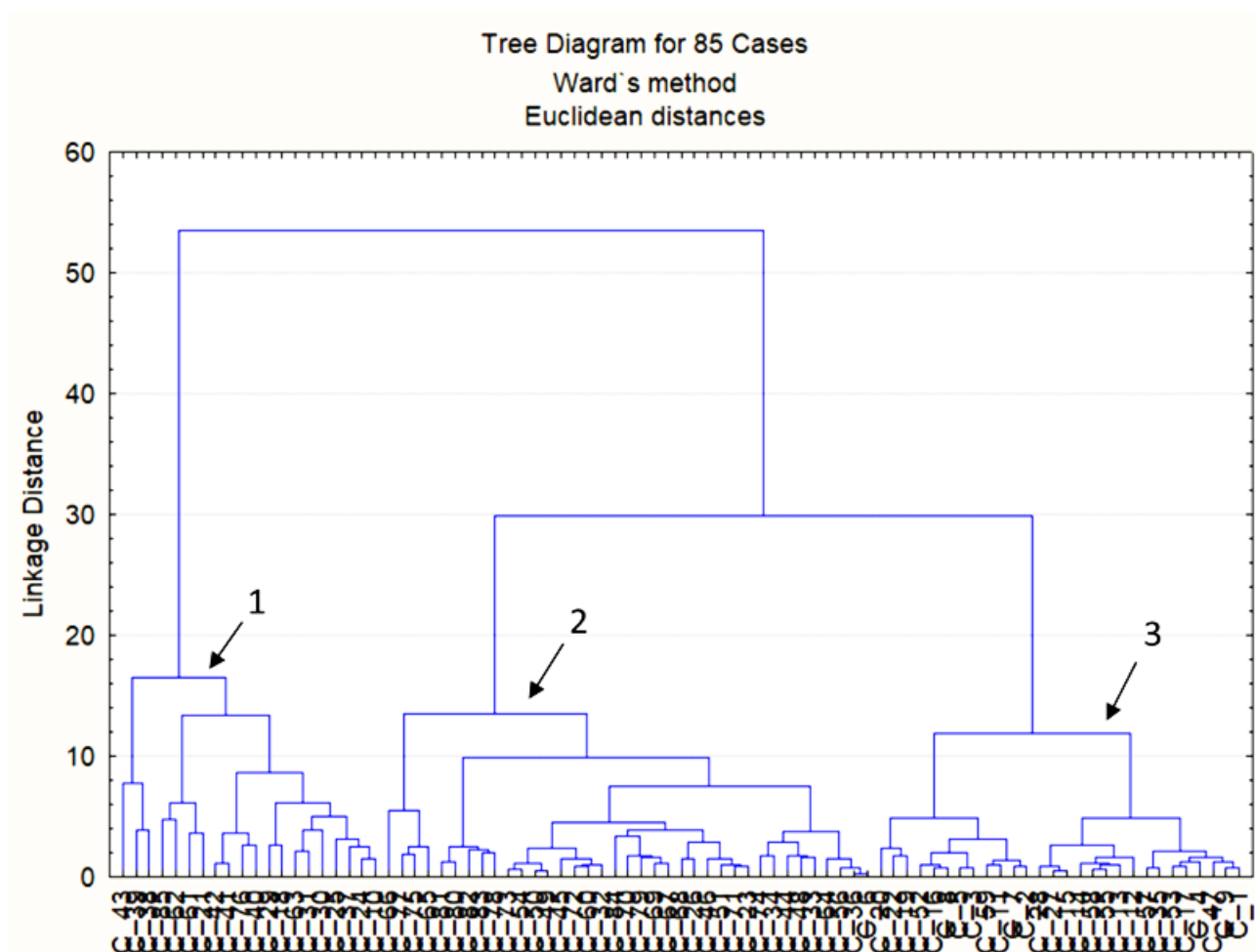

Рис. 1. Дендрограмма по методу Уорда, Евклидово расстояние

Источник: составлено авторами

По методу Уорда создается множество небольших кластеров, которые затем последовательно объединяются друг с другом. Кластеризация методом Уорда позволила следующим образом разбить регионы РФ на кластеры (рис. 1). В таблице 2 представлен состав кластеров, созданных по методу Уорда.

Таблица 2 – Состав кластеров, созданных по методу Уорда

№ п/п	Число элементов в кластере	Состав элементов в кластере
1	20	Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ненецкий автономный округ, Калининградская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Севастополь, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ
2	37	Калужская область, Вологодская область, Мурманская область, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Ростовская область, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Оренбургская область, Самарская область, Свердловская область, Челябинская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область
3	28	Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Новгородская область, Псковская область, Волгоградская область, Республика Мордовия, Кировская область, Нижегородская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область

Основываясь на представленных результатах проведенной кластеризации, можно дать следующую характеристику выделенных кластеров.

В первый кластер вошло 20 регионов. Данный кластер – самый разнообразный по географическому расположению регионов, объединяющий в себе как города федерального значения, так и районы Крайнего Севера. Вошли в первый кластер и некоторые национальные республики, характеризующиеся высокой дотационностью, что не соответствует остальным регионам кластера, характеризующимся высокими экономическими показателями, однако, в контексте изучения демографической структуры и старения населения, данное соседство оправдывается показателями рождаемости, смертности и ожидаемой продолжительности жизни.

Среди особенностей регионов, входящих в первый кластер, можно особо выделить высокую рождаемость и коэффициент естественного прироста. Внутри первого кластера также наблюдается низкая доля населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения, а также наименьшая нагрузка на трудоспособное население, что свидетельствует о том, что экономика регионов данного кластера способна обеспечить содержание и поддержку пенсионеров.

Миграционные показатели по кластеру неоднородны. С одной стороны, в ряде регионов наблюдается максимальный по стране миграционный прирост, с другой стороны, отдельные регионы характеризуются оттоком населения, что, однако, компенсируется естественным приростом населения.

Таким образом, именно первый кластер можно охарактеризовать как наиболее благополучный с точки зрения демографического баланса и экономической эффективности.

Во второй кластер вошло 37 регионов (табл. 2). Данный кластер является самым многочисленным, при этом регионы территориально распределены более однородно, чем в первом кластере. В данный кластер вошли крупные индустриальные регионы (Пермский край, Свердловская, Челябинская и Кемеровская области), нефтегазовые регионы (Красноярский край, Сахалинская область), а также развитые национальные республики (Республика Татарстан, Республика Башкортостан). Широко представлены регионы Сибири, Дальнего Востока, Урала, Поволжья, а также Крым и Краснодарский край.

Во втором кластере уже наблюдаются стабильно отрицательные коэффициенты естественного прироста населения (доходящие до -6,6 в Алтайском крае и Кемеровской области) – ситуация, уже требующая пристального внимания, но пока ещё относительно контролируемая и уравниваемая другими демографическими параметрами.

В данном кластере явно прослеживается проблема старения населения. Доля населения старше трудоспособного возраста в регионах второго кластера составляет от 10,2 % (Республика Тыва) до 25,3 % (Самарская область), что в среднем выше, чем в первом кластере, но ниже, чем в третьем кластере. В данном кластере наблюдается снижение численности занятых, приходящихся на одного пенсионера относительно регионов первого кластера.

Таким образом, регионы, вошедшие во второй кластер, в контексте демографической ситуации, можно охарактеризовать как «регионы-среднячки». Регионы, входящие во второй кластер, не находятся в острой фазе кризиса, но и не показывают особого роста. Их главная проблема – постепенное «угасание» населения без активного миграционного притока.

В составе третьего кластера 28 регионов. В данный кластер вошли исторически сложившиеся регионы Центральной и Южной части России, Северо-Запада и части Урала, где уже на протяжении многих лет наблюдаются высокая смертность, низкая рождаемость, отток молодежи и высокая пенсионная нагрузка.

Регионы, входящие в третий кластер, характеризуются низкой рождаемостью. Минимальное число родившихся на 1000 человек населения по кластеру составляет 6 человек (Рязанская область, Республика Мордовия), максимальное число родившихся составляет всего 8,7 (Республика Коми). Для регионов третьего кластера характерна и высокая смертность от

12,8 на 1000 человек населения (Волгоградская область) до 16,5 (Республика Карелия). Коэффициент естественного прироста – отрицательный в каждом регионе третьего кластера.

Доля населения старше трудоспособного возраста максимальная среди трех выделенных кластеров (26–29 %). В регионах третьего кластера очень высокая нагрузка на трудоспособное население – значения показателя «численность занятых на одного пенсионера» здесь самые низкие по стране, от 1,04 в Республике Карелия до 1,7 в Саратовской области. Подобные значения свидетельствуют о колоссальной нагрузке на бюджет и социальную систему.

Важно отметить то, что большинство регионов третьего кластера теряют население за счет оттока населения. Исключение составляют Воронежская, Тульская, и ещё несколько областей, показывающие небольшой прирост населения из ещё более депрессивных районов, что, однако, не сильно меняет общую демографическую картину по кластеру.

Таким образом, третий кластер объединяет регионы, находящиеся в наиболее тяжелой демографической ситуации. Входящие в третий кластер российские регионы требуют наиболее пристального внимания в рамках демографической и экономической политики.

Таблица 3 – Состав кластеров, созданных по методу k-средних

№ п/п	Число элементов в кластере	Состав элементов в кластере
1	33	Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калужская область, Ненецкий автономный округ, Калининградская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Ростовская область, Севастополь, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия -Алания, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Тюменская область, Челябинская область, Республика Алтай, Республика Хакасия, Красноярский край, Новосибирская область, Томская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Чукотский автономный округ
2	44	Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Крым, Волгоградская область, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область, Свердловская область, Алтайский край, Иркутская область, Кемеровская область, Омская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область
3	8	Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Тыва, Республика Саха (Якутия)

Далее проведем кластеризацию по методу *k*-средних. Данный метод анализирует объекты по отобранным переменным и требует заранее задать количество кластеров [6, с. 119]. Согласно использованному ранее методу Урда, примем решение о количестве кластеров, равном трём. В таблице 3 представлены результаты кластеризации методом *k*-средних.

По методу *k*-средних в первый кластер вошло 33 региона. В данный кластер вошли регионы, которые в результате ранее проведенной кластеризации были распределены между первым и вторым кластером. Данные регионы можно охарактеризовать как регионы с высокой экономической активностью и относительно низкой пенсионной нагрузкой. Так же, многие регионы, вошедшие в данный кластер, можно характеризовать как привлекательные для миграции.

Уровень участия в рабочей силе в данном кластере довольно высокий, так как в данный кластер вошли, как и при использовании метода Урда, Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, а также добавились крупные промышленные регионы, ранее входящие во второй кластер. Вошли в кластер и северные регионы и регионы Дальнего Востока.

Регионы, вошедшие в первый кластер, преимущественно представляют собой регионы с положительным миграционным притоком, иногда регионы без явного притока или с небольшим оттоком населения. В кластер, с одной стороны вошли «Центры притяжения» (Москва, Санкт-Петербург), с другой стороны северные регионы, для которых характерна трудовая миграция, работа вахтовым методом. Нельзя игнорировать факт оттока населения, постоянно проживающего на Севере и Дальнем Востоке, однако трудовая миграция позволяет поддерживать уровень экономической активности на уровне, позволяющем включить данные регионы в первый кластер.

В первом кластере относительно высокий показатель «численность занятых, приходящихся на одного пенсионера», что свидетельствует об относительно низкой нагрузке на трудоспособное население и социальную и пенсионную систему, чем в других кластерах.

Второй кластер, как и в случае кластеризации по методу Урда – самый многочисленный, в него вошло 44 региона. Данный кластер объединил в себе регионы третьего кластера по методу Урда, включив в себя некоторые регионы второго кластера. Именно этот кластер, выделенный в результате кластеризации по методу *k*-средних, можно назвать наиболее проблемным с точки зрения демографии и социальной нагрузки.

В регионах, входящих в данный кластер, наблюдаются самые низкие по кластерам коэффициенты рождаемости – от 5,8 до 10 на 1000 человек. Наблюдаются и высокие коэффициенты смертности – от 12,3 до 17 на 1000 человек. Соответственно, в каждом из вошедших во второй кластер регионов показатели естественного прироста отрицательные.

Уровень участия в рабочей силе в регионах кластера относительно низкий, часто ниже 60 %. В кластер вошли регионы Центральной России, Северо-Запада, Поволжья и части Урала, со стабильно высокой долей пожилого населения. Показатель «численность занятых, приходящихся на одного пенсионера» во втором кластере самый низкий, что свидетельствует о большой нагрузке по содержанию нетрудоспособного населения.

В отличие от первого кластера, большинство регионов второго кластера характеризуются отрицательными значениями показателя «коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения», то есть, естественная убыль населения никак не компенсируется миграцией.

Третий кластер по методу k-средних, является самым маленьким, включая всего 8 регионов, и самым специфичным кластером. В отличие от предыдущей кластеризации, регионы третьего кластера выделены в обособленную группу, так как метод k-средних счел их уникальными и резко контрастирующими с другими регионами по сочетанию ряда признаков.

В третьем кластере низкая доля населения старше трудоспособного возраста: от 9,4 % до 18,4 %. Во всех регионах третьего кластера, несмотря на разную специфику этих регионов, высокие показатели рождаемости, низкие показатели смертности и, соответственно, положительные показатели естественного прироста: от 3,4 до 15,7.

Регионы, входящие в третий кластер, имеют и определенные явные отличия между собой. Так, национальные кавказские республики, характеризуются низким уровнем экономической активности, а в северных регионах, напротив, уровень экономической активности очень высокий. Ещё одним отличием является неоднородность миграции в данном кластере, часть регионов характеризуется оттоком населения (Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Тыва), а часть регионов – значительным миграционным притоком (Республика Ингушетия, Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).

Сравнивая результаты двух используемых методов кластеризации, можно отметить несколько важных моментов.

Так, первый кластер по методу k-средних стал более «элитарным» по сравнению с первым кластером по методу Уорда. В данный кластер попали регионы, которые либо являются экономическими центрами, либо имеют высокую экономическую активность и миграционный приток. Из него были исключены кавказские республики, которые ранее «тянули» кластер в сторону высокой рождаемости, и некоторые северные и дальневосточные территории.

Второй кластер 2 по методу k-средних стал значительно более депрессивным, в отличие от метода Уорда, в котором второй кластер – «среднячки», определенная усредненная основа России.

Третий кластер по методу k-средних стал кластером специфичных, резко отличающихся от других кластеров регионов, со своими особенностями и проблемами. Ранее по методу Уорда, часть регионов данного кластера была объединена с первым, лидирующим кластером, а два региона вошли в «среднячков». Метод k-средних выявил, что данные регионы принципиально отличаются от типичных критериев, присущих данным кластерам:

- Кавказские республики, ранее вошедшие в первый кластер, принципиально отличаются от других регионов кластера по демографической структуре (молодое население, сочетающееся с низкой экономической активностью и миграционным оттоком).

- Северные территории, выведенные из первых двух кластеров, характеризуются очень высокими показателями экономической активности, выводящими их в лидеры, и одновременно спорными значениями других демографических показателей.

Выводы. Таким образом, кластеризация по методу Уорда более уместна для изучения демографической структуры и влияния старения населения на экономику России. Метод Уорда дает более четкие именно для этой цели результаты: в результате проведенной кластеризации были получены довольно характерные и яркие кластеры: первый «лидирующий» кластер, второй «усредненный» кластер и третий «депрессивный» кластер.

Метод k-средних, с одной стороны, размыл результаты ранее проведенной кластеризации, включив в один кластер регионы-лидеры вместе с регионами с менее выдающимися показателями, а также смешав относительно стабильные регионы с наиболее депрессивными. С другой стороны, кластеризация по методу k-средних позволила определить специфические регионы, попавшие в кластеры, критериям которых они не соответствуют, а потому и меры экономического и социального воздействия для них должны быть иными, чем для остальных регионов кластеров, в которые они вошли по методу Уорда.

Выявленные в результате кластеризации по демографическим и экономическим показателям группы регионов России, их ключевые особенности и слабые места, могут быть в дальнейшем использованы при разработке различных региональных и федеральных мероприятий и рекомендаций, направленных на стимулирование рождаемости, снижение смертности, снижение нагрузки на трудоспособное население и экономику регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гамидуллаева, Л. А. Кластерно-эконометрический анализ российских регионов: выводы для дифференцированной экономической политики / Л. А. Гамидуллаева, Н. А. Рослякова // Экономика региона. – 2025. – № 2. – С. 283-300.
2. Горпинченко, К. Н. Анализ экономического развития Краснодарского края с применением кластерного анализа / К. Н. Горпинченко, А. И. Мороз, Д. А. Спаниди // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (53). – С. 119-123.
3. Гундорова, М. А. Анализ инновационного развития регионов Приволжского федерального округа / М. А. Гундорова, Д. Ю. Антонов, А. В. Милойчикова // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 2 (67). – С. 232-237.
4. Киршин, И. А. Кластеризация субъектов Российской Федерации по ресурсной обеспеченности населения в сфере здравоохранения и использованию коечного фонда / И. А. Киршин, А. И. Касимова, // Статистика и экономика. – 2025. – № 5. – С. 30-40.
5. Кулагина, А. Г. Инновационный потенциал региона: кластерный анализ региона РФ / А. Г. Кулагина, Д. В. Бобин, Е. Г. Ефимова, И. Ю. Юсупов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 12 (150). – С. 83-90.
6. Рюмина, Е. В. Типология регионов России по показателям человеческого потенциала / Е. В. Рюмина, А. А. Федотов // Народонаселение. – 2025. – № 1. – С. 114-126.

7. Салимова, Г. А. Кластерный анализ в моделировании эффективности аграрного производства / Г. А. Салимова, Э. Ф. Сагадеева, А. М. Садретдинова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 3 (161). – С. 47-59.

8. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.03.2026).

9. Чечина, О. С. Особенности управления инновационным развитием регионов / О. С. Чечина, Д. Ю. Фраймович, М. Л. Быкова // Вестник Академии знаний – 2024. – № 6 (65). – С. 793-795.

REFERENCES

1. Gamidullaeva, L. A., Roslyakova, N. A. Cluster-econometric analysis of Russian regions: conclusions for differentiated economic policy // *Economy of the Region*. – 2025. – No. 2. – pp. 283-300.

2. Gorpinchenko, K. N., Moroz, A. I., Spanidi, D. A. Analysis of the economic development of the Krasnodar Territory using cluster analysis // *Natural and Humanitarian Studies*. – 2024. – No. 3 (53). – pp. 119-123.

3. Gundorova, M. A., Antonov, D. Yu., Miloychikova, A. V. Analysis of innovative development of the regions of the Volga Federal District // *Herald of the Academy of Knowledge*. – 2025. – No. 2 (67). – pp. 232-237.

4. Kirshin, I. A., Kasimova, A. I. Clustering of the subjects of the Russian Federation by resource provision of the population in healthcare and the use of hospital bed fund // *Statistics and Economics*. – 2025. – No. 5. – pp. 30-40.

5. Kulagina, A. G., Bobin, D. V., Yefimova, E. G., Yusupov, I. Yu. Innovative potential of the region: cluster analysis of a Russian Federation region // *International Scientific Research Journal*. – 2024. – No. 12 (150). – pp. 83-90.

6. Ryumina, E. V., Fedotov, A. A. Typology of Russian regions by indicators of human potential // *Population*. – 2025. – No. 1. – pp. 114-126.

7. Salimova, G. A., Sagadeeva, E. F., Sadretdinova, A. M. Cluster analysis in modeling the efficiency of agricultural production // *Regional Problems of Economic Transformation*. – 2024. – No. 3 (161). – pp. 47-59.

8. Federal State Statistics Service. Regions of Russia. Socio-economic indicators 2025. URL: [Rosstat official website] (accessed: 21.03.2026).

9. Chechina, O. S., Fraimovich, D. Yu., Bykova, M. L. Features of managing innovative development of regions // *Herald of the Academy of Knowledge*. – 2024. – No. 6 (65). – pp. 793-795.

Информация об авторах

Марина Викторовна Леденёва, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Волгоградский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, ул. Волгодонская, 11, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, mledenjova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-0364>, SPIN-код: 6664-2437, AuthorID: 617814

Елена Вячеславовна Акользина, аспирант 2 курса направления «Экономика», Волгоградский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, ул. Волгодонская, 11, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, k.alena913@mail.ru, SPIN-код: 7044-0826, AuthorID: 1289917

Information about Authors

Marina V. Ledeneva, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor Department of Management and Marketing, Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd branch, Volgograd, Volgodonskayast., 11, 400066 Volgograd, Russian Federation, mledenjova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-0364>, SPIN-код: 6664-2437, AuthorID: 617814

Elena V. Akolzina, 2nd year postgraduate student (Economics), Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd branch, Volgograd, Volgodonskayast., 11, 400066 Volgograd, Russian Federation, k.alena913@mail.ru, SPIN-код: 7044-0826, AuthorID: 1289917

Для цитирования: Леденёва М. В., Акользина Е. В. Кластерный анализ регионов России по демографическим и экономическим показателям // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 79-90. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

УДК 331.57

ПРОАКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Ольга Михайловна Трошина

Администрации Барышского района Ульяновской области, г. Барыш, Российская Федерация

Инна Владимировна Захарова

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье анализируется состояние рынка труда Российской Федерации в ситуации трансформации политики занятости. Рассматривается парадокс рекордно низкой безработицы на фоне структурного дефицита кадров. Обосновывается эффективность проактивной модели содействия занятости.

Методы. В исследовании применены общенаучные методы сравнения, обобщения, систематизации, классификации, а также методы логического анализа и анализа статистических данных.

Анализ. На примере Ульяновской области политика занятости рассматривается в контексте экономической безопасности региона. Анализируется дефицит и профицит специалистов различных категорий. Описаны региональные особенности рынка труда и реализуемые программы поддержки занятости. Отмечается значимость поддержки уязвимых категорий населения – молодёжи и граждан предпенсионного возраста.

Результаты. Анализ тенденций национального рынка труда, социально-экономического развития Ульяновской области и региональной политики занятости подтверждает эффективность проактивной модели занятости. Обосновывается необходимость интеграции усилий государства, бизнеса, образования и самих граждан для достижения эффективной занятости.

Ключевые слова: рынок труда, политика занятости, безработица, проактивная модель, социальная поддержка, молодёжь, предпенсионеры.

UDC 331.57

PROACTIVE EMPLOYMENT MODEL IN THE CONTEXT OF LABOR MARKET TRANSFORMATION

Olga M. Troshina

Administration of the Baryshsky district of the Ulyanovsk region, Barysh, Russian Federation

Inna V. Zakharova

Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article analyzes the state of the labor market of the Russian Federation in the context of the transformation of employment policy. The article considers the par-

adox of record low unemployment against the background of a structural shortage of personnel. The effectiveness of the proactive model of employment promotion is substantiated.

Methods. These are general scientific methods of comparison, generalization, systematization, classification, as well as methods of logical analysis and analysis of statistical data are used in the study.

Analysis. Employment policy is considered in the context of the economic security of the region using the example of the Ulyanovsk region. The deficit and surplus of specialists of various categories are analyzed. The regional peculiarities of the labor market and the implemented employment support programs are described. The importance of supporting vulnerable groups of the population – young people and citizens of pre-retirement age is noted.

Results. The analysis of trends in the national labor market, socio-economic development of the Ulyanovsk region and regional employment policy confirms the effectiveness of the proactive employment model. The necessity of integrating the efforts of the state, business, education and citizens themselves in order to achieve effective employment is substantiated.

Keywords: labor market, employment policy, unemployment, proactive model, social support, youth, pre-retirees.

Введение. Современный рынок труда в Российской Федерации переживает период глубокой трансформации. Вопросы занятости населения перестали быть исключительно экономической категорией, превратившись в фактор, непосредственно влияющий на социальное самочувствие граждан, развитие регионов и технологический суверенитет страны. Актуальность исследования тенденций рынка труда обусловлена необходимостью осмысления новых подходов к политике занятости в условиях рекордно низкой безработицы и одновременного структурного дефицита кадров. Целью данной статьи является обобщение опыта Ульяновской области по развитию рынка труда, на основе которого оценивается эффективность проактивной модели политики занятости.

Методология. Методологической основой статьи выступают исследования экономистов и социологов, обосновавших эффективность проактивной модели социально-экономического развития российских территорий. Для большинства сфер экономики существует необходимость перехода от реактивных к проактивным методам управления [2]. На региональном уровне данная модель реализовывалась в 2021–2024 гг. в федеральном проекте «Содействие занятости» национального проекта «Демография» через мероприятия по повышению эффективности деятельности служб занятости. Принцип проактивности указан в качестве ведущего принципа служб занятости в Единых требованиях к организации деятельности данных служб (Приказ Министерства труда Российской Федерации № 448 от 27.06.2019).

Исследователи отмечают, что в нашей стране происходит переход от системы социальной защиты безработных к инфраструктуре управления человеческим капиталом, интегрируются предиктивная аналитика рынка труда, цифровые платформы, индивидуализированные сервисы карьерного сопровождения [11, с. 199].

Считаем, что проактивная модель содействия занятости применима и в рамках отдельных предприятий. Развитие корпоративных систем повышения квалификации кадров является в современных условиях объективно обусловленной необходимостью, важным инструментом кадровой политики [4, с. 8]. Прогнозирование и планирование потребности в кадрах, совершенствование компетенций работников являются традиционными функциями управления персоналом организаций, в условиях социально-экономической нестабильности их эффективная реализация требует гибкости управления, готовности способствовать развитию профессиональных навыков сотрудников.

Реализация проактивной модели занятости в контексте государственной социальной политики Российской Федерации

1. Государственные решения как ответ на современные социально-экономические вызовы

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на конец 2025 г. уровень безработицы в России достиг исторического минимума в 2,1 %, рассчитанного по методологии Международной организации труда. Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше составила порядка 76,5 млн человек, из которых официально безработными классифицировались лишь 1,6 млн [5]. Данный показатель является самым низким за всю историю наблюдений с 1991 года. Однако за внешне благополучными цифрами скрывается серьёзный структурный дисбаланс. Рекордно низкая общая безработица существует параллельно с острым дефицитом кадров в конкретных отраслях. По оценкам Министерства труда, дефицит только по высококвалифицированным инженерно-техническим и IT-специальностям превышает 300 тысяч человек [7]. Кроме того, наблюдается рост скрытой безработицы: согласно мониторингу Центрального банка, число работников, находящихся в вынужденных простоях или работающих неполный день, увеличилось с 98 тыс. до 199 тыс. человек [6].

Ключевой вызов для современной России – это не проблема отсутствия рабочих мест как таковых, а проблема качества и структуры занятости. Система образования в ряде случаев продолжает готовить специалистов, чьи компетенции не соответствуют запросам реального сектора экономики. Прогнозы Министерства экономического развития (рост безработицы до 2,6 % в 2026 году) и аналитиков Банка России (до 3 % к 2028 году) свидетельствуют о давлении накопленных структурных проблем на рынок труда в среднесрочной перспективе [10].

Ответом государства на данные вызовы стала масштабная трансформация законодательной и программной базы. На 2026 год политика занятости формируется под влиянием нескольких ключевых документов.

Центральным элементом является Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации», вступивший в силу с 1.03.2025 г. Закон впервые вводит нормы, регулирующие статус работников платформенной занятости (гиг-экономики), что является ответом на стихийный рост сектора доставки, такси и онлайн-фриланса. Хотя статус таких работников пока не урегулирован в полной мере, само включение данной категории в правовое поле является важным шагом к обеспечению социальных гарантий для миллионов граждан. В новом законе значительно расширен перечень

мер активной политики для уязвимых категорий населения. В отношении граждан предпенсионного возраста (с 2026 г. Социальный фонд России автоматически определяет граждан, которым до выхода на пенсию осталось пять лет) предусмотрены: защита от необоснованного увольнения по возрастному признаку; обязательный оплачиваемый отпуск для прохождения диспансеризации (два дня в год); бесплатное повышение квалификации и переобучение; повышенное пособие по безработице (в течение 12 месяцев); налоговые льготы.

Для молодёжи до 35 лет разработан План мероприятий по реализации Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 23.06.2025 г. № 1620-р). Документ охватывает семь направлений: от патриотического воспитания с привлечением участников специальной военной операции до поддержки молодых семей (улучшение жилищных условий, программы найма жилья, помощь в накоплении первоначального взноса по ипотеке). В сфере профессионального развития сделан акцент на профориентацию школьников и студентов через экскурсии на предприятия и стажировки, поддержку молодых учёных, развитие предпринимательства и упрощение трудоустройства для подростков с 14 лет. Предусмотрены также программы правового просвещения и повышения кибербезопасности.

Важным направлением стало развитие законодательства о дистанционной работе: в Трудовом кодексе РФ получила дальнейшее развитие Глава 49.1, а также ведётся работа по созданию отдельной главы, регулирующей платформенные трудовые отношения.

Центральным финансовым и организационным инструментом выступает Государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения», реализуемая в рамках национального проекта «Демография» до 2030 г. (Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 298). Ключевая инновация программы – переход от пассивной поддержки через пособия к активной и опережающей модели. Философия изменилась кардинально: государство ставит задачу не просто трудоустроить безработного, а заранее, на основе прогноза, подготовить кадры для приоритетных отраслей.

Дополняет эту систему Концепция технологического развития на период до 2030 года, задающая вектор «образовательной индустриализации» – точечной подготовки специалистов для микроэлектроники, авиа- и судостроения, IT-индустрии и робототехники на базе образовательно-производственных кластеров.

2. Практика реализации проактивной модели занятости в Ульяновской области

Ульяновская область имеет значительный экономический потенциал благодаря выгодной транспортной логистике, сформированному промышленному комплексу и, одновременно, достаточно развитому сельскохозяйственному сектору. Регион обладает диверсифицированной экономикой, включающей и крупные промышленные предприятия, и аграрный сектор, и развитую IT-сферу, в этой связи регион является показательной «лабораторией» рынка труда, где ярко проявляются общероссийские тенденции. За 2025 год уровень регистрируемой безработицы в регионе с оставил 3,6 % (выше среднероссийского), среднемесячная номинальная заработная плата – 48 700 руб. [8]. Однако, в регионе на протяжении дли-

тельного времени сохраняются ряд рисков экономического развития: зависимость от стабильности нескольких крупных предприятий обрабатывающей промышленности, локализация производственных мощностей областном центре, не достаточная разработка располагаемых природных ресурсов и переработки на их основе [9, с. 34]. Значимым социально-экономическим риском является то, что в Ульяновской области высокими темпами происходило снижение общего коэффициента рождаемости. В 2013 г. он составлял 11,9, в 2019 г. – 8,8, в 2020 г. – 8,4. Причиной такой ситуации в большей степени является неблагоприятная возрастная структура [3, с. 199]. Пандемия Covid-19 стала дополнительным неблагоприятным фактором демографии: за 2019–2023 гг. естественная убыль населения Ульяновской области составила 37,9 тыс. чел., сокращение численности населения вследствие миграционного оттока – 9,9 тыс. чел. [12, с. 74]. Хотя демографические тенденции неотвратимы, но предсказуемы, и предприятия имеют возможность подготовиться к негативным демографическим процессам. Проактивная модель политики занятости является в этих условиях наиболее эффективной.

Ключевой дефицит рынка труда Ульяновской области фиксируется по инженерно-конструкторам, технологам машиностроения, врачам первичного звена, разработчикам программного обеспечения. Профицит наблюдается среди специалистов в области экономики, юриспруденции и управления. Региональные программы развивают и конкретизируют федеральные инициативы. В рамках Государственной программы Ульяновской области «Содействие занятости населения» (Постановление от 30.11.2023 № 32/630-П) созданы целевые образовательные программы с градообразующими предприятиями («Авиастар-СП», УАЗ) на базе УлГТУ и авиационного колледжа. Активно развивается региональный IT-кластер, позволивший создать дополнительно более 1000 высокопроизводительных рабочих мест за последние два года. Реализуется программа «Земский учитель/работник».

Однако ключевой нерешённой проблемой остаётся отток молодых специалистов. Область готовит кадры, но не всегда может их удержать, что актуализирует необходимость работы не только над созданием рабочих мест, но и над повышением качества жизни в регионе в целом.

Фиксирование проблем и реагирование на них постфактум не могут изменить текущих тенденций. В этой связи реализация проактивной политики занятости способствует предупреждению и частичному купированию негативных тенденций. Мы разделяем мнение о необходимости совершенствования работы региональных кадровых агентств [1]. Данные организации имеют возможность влиять на совершенствование кадрового потенциала территории.

Перспективы развития рынка труда Ульяновской области связаны со следующими направлениями региональной политики занятости:

- расширение системы «Профессионалитет» (обучение в колледжах напрямую под заказ предприятия по принципу «колледж = цех завода»);
- запуск федерального суперсервиса «Карьера», объединяющего цифровые портфолио, данные об образовании и вакансии в единую экосистему;
- усиление мер поддержки трудовой мобильности, включая программы льготной аренды жилья для переезжающих специалистов.

Выводы. Современная политика занятости в России приобретает проактивный характер, ориентируясь на долгосрочное планирование кадровых потребностей. Успех этой политики зависит от скоординированных усилий всех секторов: от государства требуется целенаправленное и сбалансированное развитие рынка труда, от бизнеса должно исходить чёткое формулирование запроса на определённые профессиональные компетенции потенциальных специалистов, системе образования важно оперативно реагировать на запросы рынка, переобучая в соответствии с ними учебные программы, а гражданам необходимо делать осознанный выбор профессии и быть готовыми к непрерывному обучению. В результате государственная и региональная политика занятости будет способствовать социально-экономическому развитию страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева, Л. А. Структурно-функциональная организация кадровых агентств в Ульяновской области / Л. А. Андреева // *Экономические науки*. – 2011. – № 79. – С. 93-96. – EDN OYUELB.
2. Волков, С. К. Проактивная модель социально-экономического развития российских территорий / С. К. Волков, И. А. Морозова. – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2017. – 96 с.
3. Галкина, Е. П. Некоторые аспекты государственной социальной политики в Ульяновской области / Е. П. Галкина // *Симбирский научный вестник*. – 2023. – № 2 (48). – С. 104-109. – EDN OKXKBVJ.
4. Захарова, И. В. Внедрение индивидуальной программы повышения квалификации инженерных кадров на предприятии / И. В. Захарова, Е. П. Кузнецова // *Вестник Ульяновского государственного технического университета*. – 2025. – № 1 (109). – С. 4-9. – DOI: 10.61527/1684-7016-2025-1-4-9. – EDN UYTMIZ.
5. Основные показатели рынка труда. 2025 год: статистический сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2025. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 04.04.2026).
6. Обзор денежно-кредитной политики и макроэкономические прогнозы. – М.: Центральный банк Российской Федерации, 2025. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Обзор рынка труда и вакансий: аналитический отчет. – М.: Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2025. – URL: <https://mintrud.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2026).
8. Об итогах деятельности Министерства труда и занятости Ульяновской области в 2024 году и задачах на 2025 год. – Ульяновск: Министерство труда и занятости Ульяновской области, 2025. – URL: <https://mintrud.ulgov.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

9. Падилья Сароса, Л. Ю. Перспективы развития экономики Ульяновской области и прогнозы риска / Л. Ю. Падилья Сароса // Вестник Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии. – 2008. – № 1 (6). – С. 33-36. – EDN MUPRJL.

10. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2028 года. – М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, 2025. URL: <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

11. Ретинская, В. Н. Трансформация государственного регулирования занятости: внедрение проактивной модели на основе цифровых платформ и персонализированного подхода / В. Н. Ретинская, Д. А. Полежаева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 5, № 1 (166). – С. 195-201. – DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.01.05.021. – EDN WDNSFZ.

12. Сотин, А. О. Региональная инвестиционная политика в области предпринимательства как фактор развития молодёжного кадрового потенциала на примере Ульяновской области / А. О. Сотин, Е. А. Волкова // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2025. – № 2 (110). – С. 72-79. – DOI: 10.61527/1684-7016-2025-2-72-79. – EDN FPFQEU.

REFERENCES

1. Andreeva, L. A. Strukturno-funkcional'naya organizaciya kadrovyyh agentstv v Ul'yanovskoy oblasti [Structural and functional organization of recruitment agencies in the Ulyanovsk region] *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences. Scientific Journal], 2011. no. 79. pp. 93-96.

2. Volkov, S. K., Morozova I. A. Proaktivnaya model' social'no-ekonomicheskogo razvitiya rossijskikh territorij [Proactive model of socio-economic development of Russian territories] Volgograd: Volgograd State Technical University, 2017. 96 p.

3. Galkina, E. P. Nekotorye aspekty gosudarstvennoj social'noj politiki v Ul'yanovskoy oblasti [Some aspects of the state social policy in the Ulyanovsk region] *Simbirskij nauchnyj vestnik* [Simbirsk scientific journal vestnik], 2023. no. 2 (48). pp. 104-109.

4. Zaharova, I. V., Kuznecova E. P. Vnedrenie individual'noj programmy povysheniya kvalifikacii inzhenernyh kadrov na predpriyatii [Implementation of an individual professional development program for engineering personnel at the enterprise] *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2025. no. 1 (109). pp. 4-9. DOI: 10.61527/1684-7016-2025-1-4-9.

5. Osnovnye pokazateli rynka truda. 2025 god: statisticheskij sbornik [The main indicators of the labor market. 2025: statistical collection]. Moscow: Federal State Statistics Service, 2025. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf

6. Obzor denezhno-kreditnoj politiki i makroekonomicheskie prognozy [Monetary Policy Review and macroeconomic forecasts]. – Moscow: Central Bank of the Russian Federation, 2025. – URL: <https://cbr.ru>

7. Obzor rynka truda i vakansij: analiticheskij otchet [Labor market and vacancy overview: analytical report]. Moscow: Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, 2025. – URL: <https://mintrud.gov.ru>

8. Ob itogah deyatelnosti Ministerstva truda i zanyatosti Ul'yanovskoj oblasti v 2024 godu i zadachah na 2025 [On the results of the activities of the Ministry of Labor and Employment of the Ulyanovsk region in 2024 and the tasks for 2025]. Ul'yanovsk: Ministry of Labor and Employment of the Ulyanovsk region, 2025. – URL: <https://mintrud.ulgov.ru>

9. Padil'ya Sarosa L. YU. Perspektivy razvitiya ekonomiki Ul'yanovskoj oblasti i prognozy riska [Economic development prospects of the Ulyanovsk region and risk forecasts] Vestnik Ul'yanovskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii [Vestnik of Ulyanovsk State Agricultural Academy], 2008. № 1 (6). pp. 33-36.

10. Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2028 [Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2028]. Moscow: Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – 2025. – URL: <https://economy.gov.ru>.

11. Retinskaya V. N., Polezhaeva D. A. Transformaciya gosudarstvennogo regulirovaniya zanyatosti: vnedrenie proaktivnoj modeli na osnove cifrovyh platform i personalizirovannogo podhoda [Transformation of state employment regulation: implementation of a proactive model based on digital platforms and a personalized approach] Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions], 2026. Vol. 5, no. 1 (166). pp. 195-201. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.01.05.021.

12. Sotin A. O., Volkova E. A. Regional'naya investicionnaya politika v oblasti predprinimatel'stva kak faktor razvitiya molodyozhnogo kadrovogo potentsiala na primere Ul'yanovskoj oblasti [Regional investment policy in the field of entrepreneurship as a factor in the development of youth human resources on the example of the Ulyanovsk region] Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University] 2025. no. 2 (110). pp. 72-79. DOI: 10.61527/1684-7016-2025-2-72-79.

Информация об авторах

Ольга Михайловна Трошина, специалист отдела муниципальной службы, кадров и наград Администрации Барышского района Ульяновской области, 433750, ул. 45 Стрелковой Дивизии, д. 8, г. Барыш, Российская Федерация, troshinaom@mail.ru

Инна Владимировна Захарова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социальной работы, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, 432071, пл. Ленина, д. 4/5, г. Ульяновск, Российская Федерация, inna73reg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5194-9142>, SPIN-код: 4209-0355, AuthorID: 3257202

Information about Authors

Olga M. Troshina, Specialist of the Department of Municipal Service, Personnel and Awards of the Administration of the Baryshsky district of the Ulyanovsk region, 433750, 45 Strelkovaya Divisii str., 8, Barysh, Russian Federation, troshinaom@mail.ru.

Inna V. Zakharova, Candidate of Sciences (Education), Associate Professor, Department of pedagogy and social work, Ulyanovsk State University of Education, 432071, Lenin Square, 4/5, Ulyanovsk, Russian Federation., inna73reg@yandex.ru, Федерация, inna73reg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5194-9142>, SPIN- code: 4209-0355, AuthorID: 3257202.

Для цитирования: Трошина О. М., Захарова И. В. Проактивная модель занятости в условиях трансформации рынка труда // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 91-99. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

FINANCIAL ANALYTICS

УДК 336.71

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА СТИМУЛИРОВАНИЯ ESG-КРЕДИТОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКИМИ БАНКАМИ РФ

Даниил Алексеевич Усачев, Елена Николаевна Малышева

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Во введении раскрывается значение ESG-факторов в современном банковском кредитовании и обосновывается их связь с кредитным риском, финансовой устойчивостью заёмщика и качеством кредитного портфеля банка. Особое внимание уделяется климатическим и экологическим рискам как факторам, способным трансформироваться в традиционные банковские риски.

Методы. В разделе методов представлены методологическая и эмпирическая основы исследования. Указано, что анализ построен на применении системного, статистического, сравнительного и нормативно-аналитического методов, а информационную базу составили данные рейтингового агентства «Эксперт РА», материалы Банка России и нормативные источники в сфере финансирования устойчивого развития.

Анализ. В аналитической части рассмотрены основные виды ESG-кредитов, значение верификации и ESG-рейтингов, динамика ESG-кредитного портфеля в России, его место в структуре корпоративного кредитования, а также распределение ESG-портфеля между системно значимыми кредитными организациями и остальными банками. На основе проведённого анализа выявлена необходимость дальнейшего совершенствования механизмов стимулирования ESG-кредитования.

Заключение. В заключении сформулировано авторское предложение о применении понижающего коэффициента к величине кредитного требования по верифицированным ESG-кредитам, включаемой в расчёт норматива Н6, с учётом ESG-рейтинга заёмщика.

Ключевые слова: ESG-кредитование; устойчивое развитие; зелёное финансирование; банковское кредитование; ESG-рейтинг; верификация ESG-проектов; корпоративный кредитный портфель; климатические риски.

UDC 336.71

IMPROVEMENT OF THE MECHANISM FOR STIMULATING ESG LENDING BY COMMERCIAL BANKS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Daniil A. Usachev, Elena N. Malysheva

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The introduction reveals the significance of ESG factors in modern bank lending and substantiates their connection with credit risk, the financial stability of the borrower and the quality of the bank's loan portfolio. Particular attention is paid to climate-related and environmental risks as factors capable of transforming into traditional banking risks.

Methods. The methods section presents the methodological and empirical basis of the study. It is indicated that the analysis is based on the use of systemic, statistical, comparative and regulatory analytical methods, while the information base includes data from the Expert RA rating agency, materials of the Bank of Russia and regulatory sources in the field of sustainable finance.

Analysis. The analytical part examines the main types of ESG loans, the role of verification and ESG ratings, the dynamics of the ESG loan portfolio in Russia, its place in the structure of corporate lending, as well as the distribution of the ESG portfolio between systemically important credit institutions and other banks. Based on the analysis, the need for further improvement of mechanisms for stimulating ESG lending is identified.

Conclusion. The conclusion formulates the author's proposal to apply a reduction coefficient to the amount of credit exposure on verified ESG loans included in the calculation of the N6 ratio, taking into account the borrower's ESG rating.

Keywords: ESG lending; sustainable development; green finance; bank lending; ESG rating; verification of ESG projects; corporate loan portfolio; climate risks.

Введение. Значимость ESG-факторов (Environmental – экологические, Social – социальные, Governance – управленческие) в современном банковском кредитовании определяется не только вниманием к повестке устойчивого развития, но и углублением представлений о природе кредитного риска. Первоначально они рассматривались преимущественно как элементы нефинансовой отчётности и корпоративной репутации. Однако развитие научных исследований, совершенствование практик банковского риск-менеджмента, накопление данных о связи ESG-характеристик заёмщиков с их финансовой устойчивостью, а также формирование регуляторных подходов к учёту климатических и экологических рисков способствовали их переосмыслению: ESG-факторы способны оказывать влияние на финансовое состояние заёмщика, качество обеспечения, вероятность дефолта, величину возможных потерь кредитора, и, в конечном итоге, его долгосрочную финансовую устойчивость. В этом смысле ESG-кредитование следует рассматривать не только как инструмент финансирования эколого-

гических, социальных или переходных проектов, но и как элемент более широкой системы риск-ориентированного банковского кредитования.

Особое значение в данном контексте имеют климатические и экологические риски. Переход к низкоуглеродной и более циркулярной экономике создаёт для финансовых организаций как риски, так и возможности, а физический ущерб, связанный с изменением климата и деградацией окружающей среды, способен оказывать существенное влияние на реальный сектор и финансовую систему. При этом климатические риски рассматриваются как значимый драйвер рисков банковской системы, требующий стратегического, перспективного и комплексного подхода со стороны кредитных организаций [10].

В документах Базельского комитета, где опубликованы принципы эффективного управления и надзора за климатическими финансовыми рисками, подчёркивается необходимость совершенствования практик банковского риск-менеджмента и надзорных подходов к учёту таких рисков. Климатические финансовые риски при этом не выделяются как полностью самостоятельная и изолированная категория, а рассматриваются через их способность трансформироваться в традиционные банковские риски: кредитный, рыночный, операционный риск и риск ликвидности, а также в иные риски, в том числе стратегический, репутационный, комплаенс-риск и риск ответственности. Следовательно, климатические и экологические факторы как составляющие ESG приобретают весомое значение для банковского риск-менеджмента, поскольку они способны изменять профиль уже существующих финансовых рисков [11].

Для банковского кредитования данная взаимосвязь имеет принципиальное значение, поскольку ESG-факторы могут воздействовать на способность заёмщика обслуживать долг. Так, экологические риски могут приводить к росту капитальных и операционных расходов, необходимости модернизации производственных мощностей, штрафам, судебным издержкам, снижению стоимости активов и обеспечения. Климатические переходные риски могут проявляться через углеродное регулирование, изменение спроса на углеродоёмкую продукцию, технологическое устаревание активов и ограничение доступа к отдельным рынкам. Социальные риски способны выражаться в трудовых конфликтах, нарушениях прав работников, снижении устойчивости цепочек поставок, а управленческие риски – в слабом внутреннем контроле, коррупционных практиках, неэффективной структуре принятия решений и низком качестве раскрытия информации, что может быть критичным для потенциальных инвесторов. В совокупности эти факторы способны повышать вероятность дефолта заёмщика, ухудшать качество кредитного портфеля банка, и, как следствие, оказывать негативное влияние на его финансовую устойчивость.

В этой связи целесообразно рассмотреть текущие тенденции развития ESG-кредитования в России, оценить его место в структуре корпоративного кредитования и определить, какие условия необходимы для его дальнейшего развития.

Методы. Эмпирическую базу исследования составили данные рейтингового агентства «Эксперт РА» об объёмах ESG-кредитования в России, статистические материалы Банка России о корпоративном кредитном портфеле российских банков, аналитические до-

кументы Банка России по климатическим и переходным рискам, а также нормативные и методические материалы в сфере финансирования устойчивого развития. Системный подход позволил рассмотреть ESG-кредитование как элемент банковского финансирования, связанный с устойчивым развитием, кредитным риск-менеджментом и банковским регулированием. Статистический метод применён для анализа динамики ESG-кредитного портфеля, расчёта абсолютного прироста и оценки доли ESG-кредитования в корпоративном кредитном портфеле российских банков. Метод сравнительного анализа использован при сопоставлении динамики ESG-кредитования с общей динамикой корпоративного кредитования, а также при оценке распределения ESG-портфеля между системно значимыми кредитными организациями и остальными банками. Нормативно-аналитический метод применён при рассмотрении действующих мер Банка России по стимулированию финансирования приоритетных проектов устойчивого развития и обосновании авторского предложения по применению понижающего коэффициента к величине кредитного требования при расчёте норматива Н6.

Анализ. Проводя анализ ESG-кредитования в РФ, необходимо отметить: кредиты – непубличный инструмент, термин «ESG-кредит» нормативно не закреплён как единая категория, а рыночные оценки строятся в основном на годовых отчётах, опросах банков, внутренних классификациях и частично на верифицированных инструментах [6].

В российской практике под ESG-кредитованием обычно понимают совокупность нескольких инструментов:

Таблица 1 – Виды ESG-кредитов в РФ и их целевая направленность

Вид кредита	Целевое направление
Зелёный кредит	Проекты с положительным экологическим эффектом.
Социальный кредит	Проекты с положительным социальным эффектом.
Кредит устойчивого развития	Проекты, которые могут сочетать экологические и социальные цели.
Кредит с ESG-ковенантами / ESG-KPI / КПЭ устойчивого развития	ESG-проекты / общекорпоративные цели. Особенность – условия кредита привязаны к достижению заёмщиком ESG-показателей.
Адаптационный кредит	Проекты, которые способствуют достижению целей устойчивого развития и/или Парижского соглашения, но по ряду направлений имеют менее жёсткие критерии, чем зелёные проекты.
Климатический / переходный кредит	Мероприятия, связанные со снижением или предотвращением выбросов парниковых газов, увеличением их поглощения, а также с переходом компании к низкоуглеродной модели деятельности.
<i>Примечание</i> – составлено авторами.	

Наряду с классификацией самих ESG-кредитов важное значение имеет оценка ESG-профиля заёмщика. Если верификация позволяет подтвердить соответствие конкретного фи-

нансового инструмента или проекта установленным критериям устойчивого развития, то ESG-рейтинг характеризует более широкий профиль компании с точки зрения экологических, социальных и управленческих факторов. В рекомендациях Банка России ESG-рейтинг рассматривается как независимое внешнее мнение о профиле рейтингуемого лица, количественных и качественных характеристиках его деятельности в области устойчивого развития, а также об управлении и подверженности рискам устойчивого развития [5].

В контексте банковского кредитования такая оценка имеет прикладное значение, поскольку позволяет дополнить традиционный финансовый анализ сведениями о качестве управления нефинансовыми рисками, прозрачности деятельности компании и устойчивости её бизнес-модели.

Исходя из вышесказанного, ESG-кредитование в российской практике включает не только различные виды кредитных инструментов, но и систему оценки соответствия проекта и ESG-профиля заёмщика.

Единой официальной статистики по ESG-кредитам в России нет. По данным рейтингового агентства «Эксперт РА», с 2021 по 2025 год объём портфеля ESG-кредитов в России увеличился на 7,7 трлн. руб. (с 0,4 трлн. руб. до 8,1 трлн. руб.)

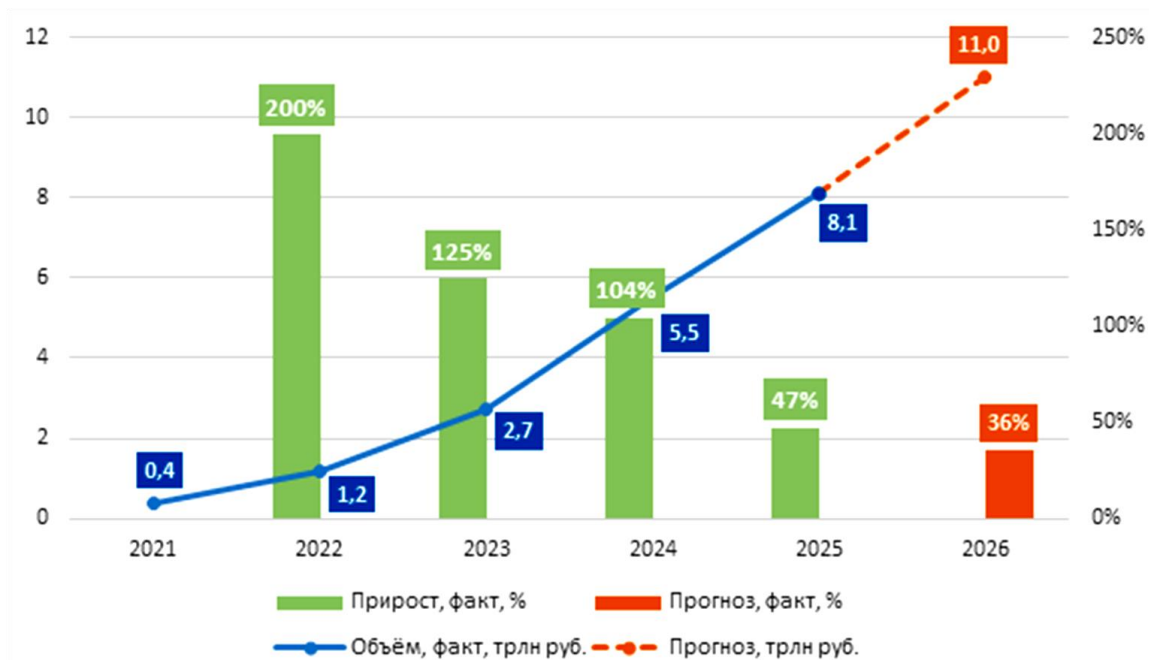

Рис. 1. Динамика объёма портфеля ESG-кредитов в России, 2021–2026, трлн. руб.

Источник: составлено авторами по данным [9]

Проводя анализ объёмов ESG-кредитования в РФ, можно сделать вывод, что оно перешло от относительно небольшого сегмента банковского рынка к крупному направлению корпоративного кредитования. Более того, по прогнозам агентства в 2026 году объём ESG-портфеля достигнет 11 трлн. рублей, т. е. продемонстрирует рост на 36 % (что меньше 47 % в 2025). Однако несмотря на снижение темпов прироста с 200 % в 2022 году до 47 % в

2025 году, нельзя сделать вывод, что рынок перестаёт расти или развивается медленнее – напротив, рынок становится крупнее, и поэтому даже значительное увеличение в абсолютном выражении даёт меньший процентный прирост. Если анализировать абсолютные цифры, то рынок ESG-кредитования демонстрирует устойчивый рост, на начальном этапе развития ESG-кредитования наблюдалось его последовательное ускорение. Так, в 2021–2022 гг. портфель увеличился на 0,8 трлн. руб., а в 2022–2023 гг. – на 1,5 трлн. руб. Однако начиная с периода 2023–2024 гг. ежегодный абсолютный прирост стабилизировался на уровне около 2,6–2,9 трлн. руб.: в 2023–2024 гг. он составил 2,8 трлн. руб., в 2024–2025 гг. – 2,6 трлн. руб., а прогноз на 2025–2026 гг. предполагает увеличение на 2,9 трлн. руб.

Такая динамика свидетельствует о переходе ESG-кредитования от начальной стадии формирования, когда высокие темпы роста во многом обеспечивались за счёт низкой базы, к этапу более устойчивого развития, при котором увеличение рынка выражается прежде всего в значительных абсолютных объёмах. Это позволяет сделать вывод, что сложившиеся рыночные и институциональные условия поддерживают дальнейшее расширение ESG-кредитования, однако пока не создают предпосылок для заметного ускорения его роста.

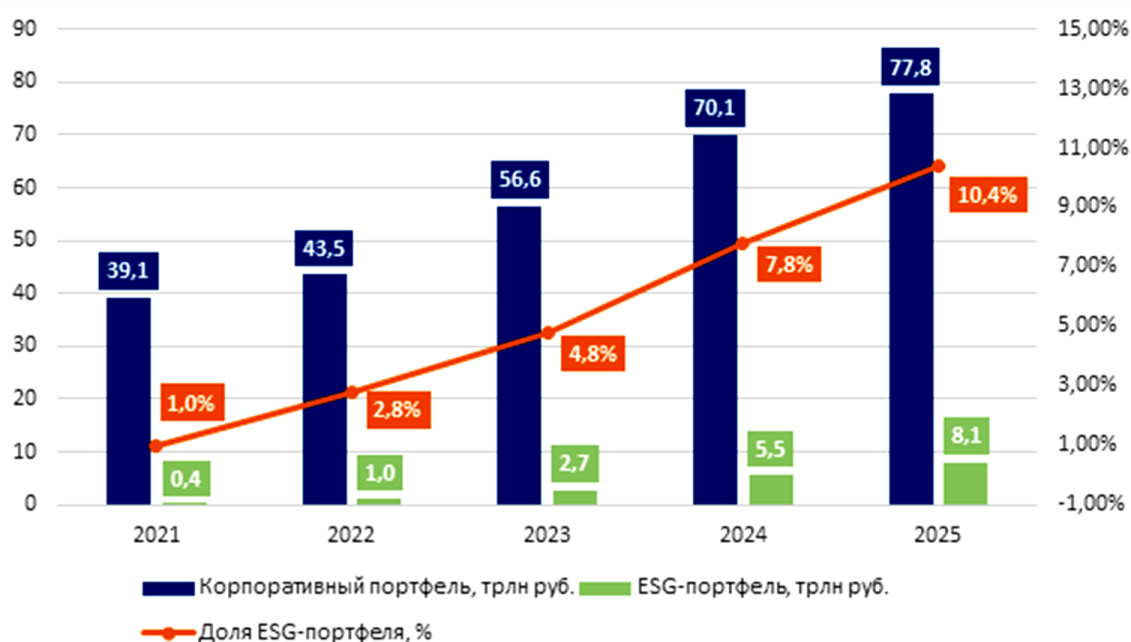

Рис. 2. ESG-кредитование в структуре корпоративного кредитного портфеля российских банков, 2021–2025 гг.

Источник: составлено авторами по данным [7; 9]

Анализируя объёмы ESG-кредитов в структуре корпоративного портфеля российских банков, можно сделать вывод, что ESG-кредитование растёт существенно быстрее общего корпоративного портфеля, вследствие чего его доля постепенно увеличивается. Так, с 2021 по 2025 год общий корпоративный кредитный портфель вырос на 38,7 трлн. рублей (или в

1,99 раза), тогда как за тот же период ESG-портфель вырос на 7,7 трлн. руб. (или в 20,25 раз). Доля ESG-кредитов в общем портфеле выросла с 1,0 % до 10,4 %, то есть на 9,4 п. п.

Таблица 2 – Сопоставление прироста ESG-портфеля и корпоративного кредитного портфеля российских банков

Период	Прирост корпоративного кредитного портфеля, трлн руб.	Прирост ESG-портфеля, трлн руб.	Отношение прироста ESG-портфеля к приросту корпоративного портфеля, %
2021–2022	4,4	0,8	18,2
2022–2023	13,1	1,5	11,5
2023–2024	13,5	2,8	20,8
2024–2025	7,7	2,6	33,7

Примечание – составлено авторами по данным [7; 9]

По данным таблицы 2 видно, в 2021–2022 гг. корпоративный кредитный портфель увеличился на 4,4 трлн. руб., тогда как прирост ESG-портфеля составил 0,8 трлн. руб., или 18,2 % от прироста корпоративного портфеля. В 2022–2023 гг. общий корпоративный портфель вырос на 13,1 трлн. руб., а ESG-портфель – на 1,5 трлн. руб.; соответственно, отношение прироста ESG-портфеля к приросту корпоративного портфеля снизилось до 11,5 %. Однако в последующие периоды значение данного показателя стало возрастать: в 2023–2024 гг. оно составило 20,8 %, и особенно показателен период 2024–2025 гг.: при увеличении общего корпоративного кредитного портфеля на 7,7 трлн. руб. ESG-портфель вырос на 2,6 трлн. руб., т. е. величина прироста ESG-портфеля стала сопоставима примерно с третью прироста общего корпоративного кредитования.

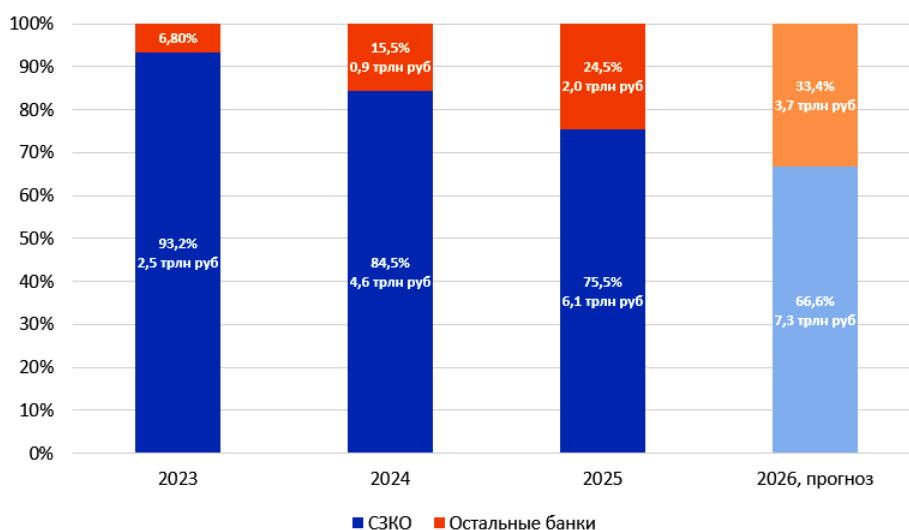

Рис. 3. Распределение ESG-кредитного портфеля между СЗКО и остальными банками в России за 2023–2025 гг. и прогноз на 2026 г.

Источник: составлено авторами по данным [9]

Данные о распределении ESG-портфеля между системно-значимыми кредитными организациями и остальными банками показывают, что, несмотря на сохранение доминирующей роли СЗКО, их доля в ESG-кредитовании последовательно снижается: с 93,2 % в 2023 году до 84,5 % в 2024 году и 75,5 % в 2025 году. Соответственно, доля остальных банков с 2023 по 2025 год увеличилась с 6,8 % до 24,5 %. Данная динамика свидетельствует о постепенной диверсификации рынка ESG-кредитования. С одной стороны, сохранение доли СЗКО на уровне 75,5 % в 2025 году указывает на высокую концентрацию данного сегмента и значимость крупнейших банков для его развития. С другой стороны, рост доли остальных банков до 24,5 % указывает на постепенное вовлечение в ESG-кредитование более широкого круга кредитных организаций. Это особенно важно с точки зрения дальнейшего развития рынка, поскольку такая тенденция может способствовать увеличению доступности ESG-финансирования для заёмщиков.

В свою очередь, с учётом устойчивого роста доли банков, не относящихся к СЗКО, возможно проведение сценарного расчёта распределения ESG-кредитного портфеля на 2026 год. Анализируя данные, среднегодовое увеличение доли остальных банков за 2023–2025 гг. составило около 8,85 п. п. (2023–2024 гг. – +8,7 п. п. и 2024–2025 гг. – +9 п. п.). При сохранении данной тенденции в 2026 году доля остальных банков может достигнуть примерно 33,35 %, а доля СЗКО – снизиться до 66,65 %. Поскольку «Эксперт РА» прогнозирует увеличение совокупного ESG-кредитного портфеля до 11 трлн. руб. к середине 2026 года, при указанном сценарии расчётный объём ESG-портфеля СЗКО может составить около 7,3 трлн. руб., а остальных банков – около 3,7 трлн. руб.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о возрастании роли ESG-кредитования в российском банковском секторе. Во-первых, портфель ESG-кредитов за 2021–2025 гг. увеличился с 0,4 до 8,1 трлн. руб., что свидетельствует о переходе данного сегмента от начальной стадии формирования к более зрелому состоянию рынка. Во-вторых, доля ESG-портфеля в корпоративном кредитовании последовательно возрастала: с 1,0 % в 2021 году до 10,4 % в 2025 году. В-третьих, ESG-кредитование постепенно выходит за пределы круга системно значимых кредитных организаций: доля иных банков увеличилась с 6,8 % в 2023 году до 24,5 % в 2025 году.

Вместе с тем, выявленные тенденции указывают не только на рост рынка, но и на необходимость его дальнейшего стимулирования. Абсолютный прирост ESG-кредитного портфеля в последние годы стабилизировался на уровне около 2,6–2,9 трлн. руб. в год, что может свидетельствовать об отсутствии выраженного ускорения рынка при действующих рыночных и институциональных условиях. Кроме того, несмотря на рост доли банков, не относящихся к СЗКО, в 2025 году 75,5 % ESG-портфеля по-прежнему приходилось на СЗКО, что указывает на сохраняющуюся концентрацию данного сегмента. Следовательно, для дальнейшего расширения ESG-кредитования необходимы механизмы, способные снизить регуляторные ограничения для банков при финансировании крупных проектов устойчивого развития.

В 2025 году Банк России уже предпринял шаги в направлении стимулирования финансирования устойчивого развития: ЦБ РФ расширил периметр риск-ориентированного стимулирующего регулирования. Согласно позиции Банка России, указанные стимулы распространяются на кредиты и облигации, направленные на финансирование приоритетных проектов устойчивого развития, выделенных в обновлённой таксономии, а снижение риска может составлять от 10 до 50 % от базового значения [4]. Указанные меры стимулирования применяются в целях расчёта нормативов достаточности капитала Н1.1, Н1.2 и Н1.0 [3]. Критерии приоритетных проектов устойчивого развития связаны с постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587, которым утверждены критерии проектов устойчивого, в том числе зелёного развития и требования к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития.

Введение Банком России стимулирующего регулирования для приоритетных проектов устойчивого развития следует рассматривать в контексте более широкой работы регулятора по оценке климатических и переходных рисков. Так, например, в аналитической записке Банка России «Мониторинг климатических и экологических стратегий крупнейших нефинансовых компаний за 2024 год» подчёркивается, что российский финансовый сектор является ключевым кредитором компаний реального сектора, а потому климатическая и экологическая зрелость крупнейших заёмщиков имеет значение для оценки рисков финансовой стабильности. Более того, результаты стресс-тестирования переходных климатических рисков показали, что треть крупнейших нефинансовых компаний при отсутствии проактивной адаптации к энергопереходу может столкнуться со значительным ухудшением финансового положения на горизонте 2030–2040 гг. В свою очередь, у банков могут возникнуть существенные риски при отсутствии возможности изменить структуру портфелей в пользу более устойчивых заёмщиков.

Также в 2024 году Банк России опубликовал предварительные итоги стресс-тестирования переходных климатических рисков [8]. По их результатам, на горизонте до 2040 года климатический стресс будет оказывать понижающее влияние на фактические значения показателя Н1.0 у кредитных организаций. В среднем по банковскому сектору этот эффект оценивается в 0,7 п. п. при сохранении неизменной структуры кредитного портфеля на всём прогнозном горизонте. Если кредитные организации все-таки смогут диверсифицировать свой кредитный портфель в пользу «зелёной» экономики, сокращение показателя Н1.0 составит 0,2 п. п.

Амбициозная внутренняя климатическая политика в сценарии «Климатический-2» может привести к более существенному «озеленению» экономики и появлению новых секторов, не подверженных переходным рискам. У банков появится больше возможностей изменить структуру кредитования за счёт снижения экспозиции на «коричневые» компании. По оценкам Банка России, их доля при проведении банками активной политики адаптации снизится с 34 % в 2022 году до 6,7 % кредитного портфеля к 2040 году. Тем не менее введение механизмов углеродного ценообразования создаст более серьёзные вызовы для «ко-

ричевых» компаний по сравнению со сценарием «Климатический-1». В результате этого давление климатического стресса на капитал кредитных организаций окажется более существенным. В совокупности это даст понижающий эффект для фактического показателя Н1.0 в среднем по банковскому сектору в размере 0,7 п. п. В тоже время, если в сценарии «Климатический-2» банки сохранят действующую структуру кредитного портфеля на всём прогнозном горизонте, понижающее влияние климатического стресса на показатель Н1.0 банковского сектора может увеличиться до 3 процентных пунктов. В последнем случае из-за неравномерности распределения капитала и рисков по банковскому сектору у отдельных СЗКО может возникнуть дефицит капитала, что означает потенциальные риски для финансовой стабильности [1].

Введённый Банком России механизм стимулирования приоритетных проектов устойчивого развития направлен прежде всего на снижение нагрузки на капитал банков. Такая мера является важным шагом в развитии ESG-кредитования, поскольку повышает экономическую привлекательность финансирования зелёных и переходных проектов для кредитных организаций.

Однако при кредитовании крупных инвестиционных проектов устойчивого развития ограничивающим фактором может выступать не только достаточность капитала, но и норматив концентрации риска. В частности, норматив Н6 ограничивает максимальный размер риска банка на одного заёмщика или группу связанных заёмщиков и тем самым может ограничивать возможности банков по финансированию крупных ESG-проектов, даже если такие проекты соответствуют критериям устойчивого развития.

Данное обстоятельство особенно важно с учётом того, что проекты устойчивого развития, как правило, требуют значительных объёмов долгосрочного финансирования: модернизация промышленности, развитие зелёного транспорта, строительство энергоэффективной инфраструктуры, проекты энергетического перехода и т. д. предполагают крупные кредитные требования к отдельным заёмщикам или группам связанных компаний. Следовательно, дальнейшее развитие стимулирующего регулирования может быть связано не только с уменьшением нагрузки на капитал, но и с более гибким учётом верифицированных ESG-кредитов при расчёте норматива концентрации риска.

Исходя из вышеизложенного, в качестве совершенствования стимулирования ESG-кредитования предлагаем рассмотреть применение понижающего коэффициента к величине кредитного требования по верифицированным ESG-кредитам, включаемой в расчёт норматива Н6, зависимости от ESG-рейтинга компании.

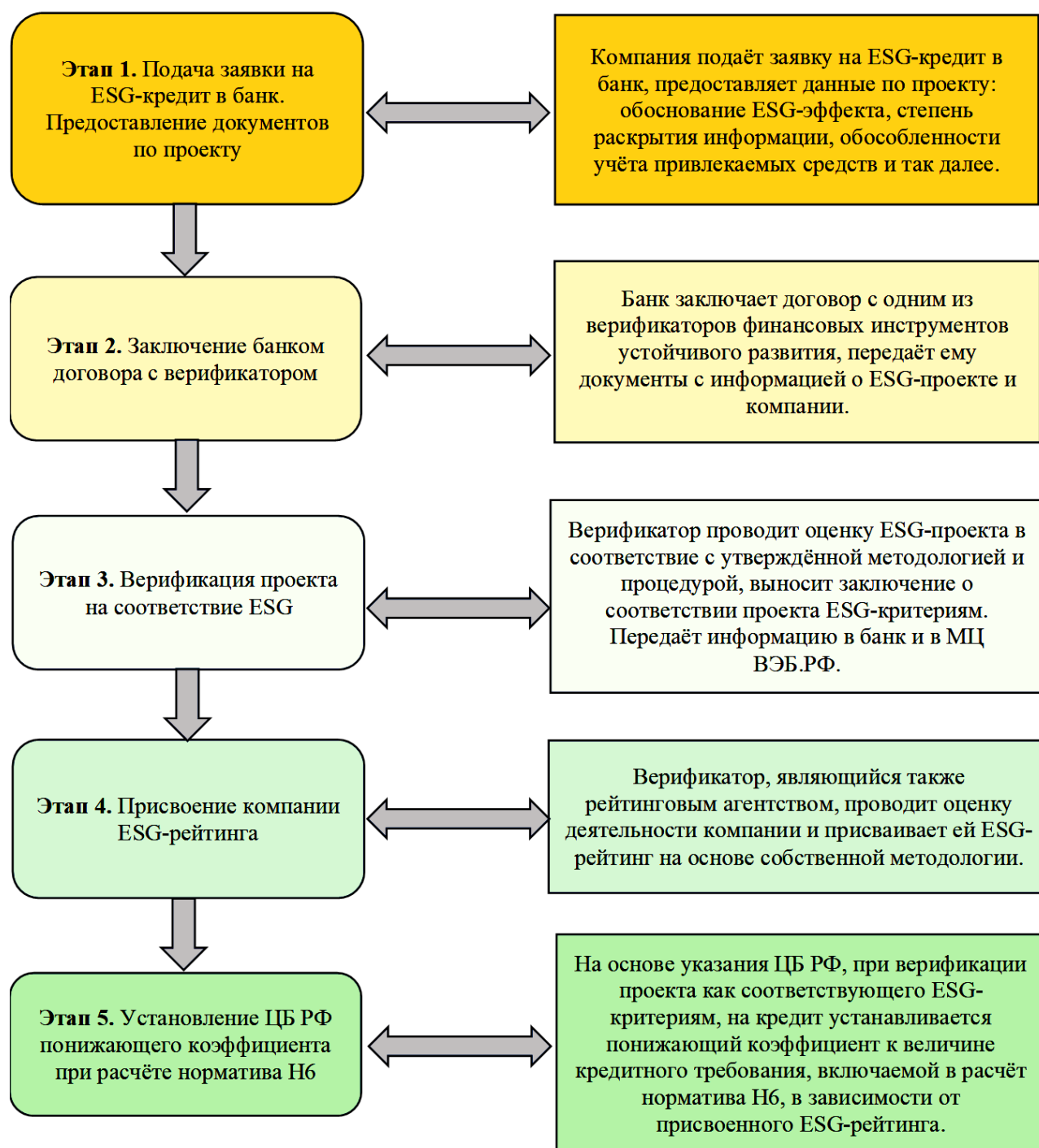

Рис. 4. Механизм стимулирования ESG-кредитования коммерческими банками Российской Федерации посредством применения понижающего коэффициента при расчёте норматива Н6.

Источник: составлено авторами

Этап 1. Компания, которая собирается взять кредит на реализацию ESG-проекта, подаёт заявку в коммерческий банк. Это может быть кредит, привязанный к КПЭ устойчивого развития, зелёный или социальный кредит, адаптационный кредит или кредит климатического перехода. Вместе с заявкой компания предоставляет все необходимые документы для возможности верификации проекта как соответствующего ESG-критериям – это может быть:

- информация о характере использования заёмных средств и об обособленности их учёта;
- информация о прозрачности заёмщика и степени раскрытия информации по проекту;
- документы по политике и стратегии компании в области устойчивого развития;
- документы, описывающие ключевые показатели эффективности проекта и обоснования их отбора;
- и т. д.

Этап 2. Банк передаёт предоставленные компанией документы верификатору инструментов устойчивого развития – организации, которая проводит независимую оценку (верификацию) облигаций, кредитов и ESG-проектов на предмет соответствия целям и принципам устойчивого развития, а также в соответствии с требованиями национальной методологии по финансированию таких проектов. Этот шаг необходим, так как сейчас в большинстве случаев при отнесении кредита к ESG банки ориентируются на внутреннюю оценку и соответствующее постановление правительства, при этом свои методологии банки не раскрывают. Предлагаемый механизм применения пониженных коэффициентов риска при выдаче ESG-кредитов требует внешней независимой оценки.

Верификатор должен находиться в национальном перечне верификаторов. В соответствии с Постановлением Правительства № 1587 от 21.09.2021 только компании из этого перечня могут осуществлять верификацию инструментов устойчивого развития:

Таблица 3 – Верификаторы финансовых инструментов устойчивого развития

Название компании	Род деятельности	Специализация
Аналитическое кредитное рейтинговое агентство	Рейтинговые агентства	Все направления таксономии
Национальное рейтинговое агентство		
Эксперт РА		
КЭПТ	Аудиторские компании	
Б1		
Пачоли консалтинг	Иные типы организаций	
<i>Примечание</i> – составлено авторами на основе [2].		

Этап 3. Верификатор на основе предоставленных сведений проводит оценку потенциально кредитуемого проекта на предмет соответствия ESG-критериям. Верификация проводится по собственной методологии, которая не противоречит существующим международным и национальным требованиям и стандартам.

По итогам верификации выносится заключение, которое направляется в коммерческий банк и МЦ ВЭБ.РФ (непредоставление выпущенного заключения в течение 5 рабочих дней с даты его выпуска служит основанием для исключения из перечня верификаторов).

Этап 4. Верификатор по собственной методологии проводит оценку ESG-профиля компании, а по результатам присваивает ESG-рейтинг по шкале Банка России. Рейтинг складывается из всех трёх составляющих (зелёной, социальной, управленческой), определяется на основе собственной методологии агентства по взвешенной сумме балльных оценок.

Этап 5. При условии верификации проекта как соответствующего критериям ESG, Банк России устанавливает для кредита понижающий коэффициент к величине кредитного требования, включаемой в расчёт норматива Н6, в зависимости от ESG-рейтинга компании.

Если компания имеет ESG-рейтинг низкого уровня (находится в группе ESG-C), то понижающий коэффициент к величине кредитного требования, включаемой в расчёт норматива Н6, рекомендуется установить на уровне 20 %. Если компания имеет ESG-рейтинг среднего уровня (находится в группе ESG-B), то понижающий коэффициент рекомендуется установить на уровне 30 %. Если компания имеет ESG-рейтинг высокого уровня (находится в группе ESG-A), то понижающий коэффициент рекомендуется установить на уровне 50 %. Посредством данного механизма удастся достигнуть увеличения объёмов ESG-кредитования, простимулировать и поддержать компании и регионы, которые интегрируют ESG-принципы в свою деятельность.

Заключение. Таким образом, проведённый анализ показывает, что ESG-кредитование в России формируется как значимое направление корпоративного банковского финансирования. Его развитие связано не только с поддержкой зелёных, социальных и переходных проектов, но и с учётом ESG-факторов в системе банковского риск-менеджмента. Вместе с тем дальнейшее расширение данного сегмента требует совершенствования институциональных и регуляторных условий, поскольку сохраняются проблемы концентрации ESG-кредитования у крупнейших банков, отсутствия единой официальной статистики и необходимости внешней верификации проектов.

Действующие меры Банка России по стимулированию финансирования приоритетных проектов устойчивого развития направлены прежде всего на снижение нагрузки на капитал банков. Однако при кредитовании крупных ESG-проектов ограничивающим фактором может выступать также норматив концентрации риска Н6. В этой связи предлагается рассмотреть возможность применения понижающего коэффициента к величине кредитного требования по верифицированным ESG-кредитам, включаемой в расчёт норматива Н6, с учётом ESG-рейтинга заёмщика. Такой подход позволит расширить инструментарий регуляторного стимулирования ESG-кредитования, связав применение понижающего коэффициента не только с верификацией конкретного проекта, но и с общим ESG-профилем заёмщика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Василенко Е., Мусаэльян Д., Сидоровский М., Чигирёва Д. Мониторинг климатических и экологических стратегий крупнейших российских нефинансовых компаний за 2024 год : аналитическая записка / Банк России. – Москва, 2025. – 39 с. – URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/172320/analytic_note_20250204_dfs.pdf (дата обращения: 14.04.2026).
2. Верификаторы // ВЭБ.РФ : официальный сайт. – URL: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie/perechen-verifikatorov/> (дата обращения: 14.04.2026).
3. Инструкция Банка России от 26 мая 2025 г. № 220-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности собственных средств (капитала) банков с универсальной лицензией и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением» : приложение 10 «Расчет корректировки величин кредитного и рыночного рисков по проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации и (или) проектам устойчивого развития» // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/law/instruktsiia-banka-rossii-ot-26052025-n-220-i/prilozhenie-10/> (дата обращения: 14.04.2026).
4. Климатические риски // Банк России : официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/finstab/Climate_risks/ (дата обращения: 14.04.2026).
5. Модельная методология ESG-рейтингов : доклад для общественных консультаций / Банк России. – Москва, 2023. – 44 с. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 14.04.2026).
6. Немногие банки полноценно учитывают климатические риски // Банковское обозрение. – 2025. – 21 марта. – URL: <https://bosfera.ru/bo/nemnogie-banki-polnocenno-uchityvayut-klimaticheskie-riski> (дата обращения: 14.04.2026).
7. Сведения о размещенных и привлеченных средствах // Банк России : официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ (дата обращения: 14.04.2026).
8. Стресс-тестирование переходных климатических рисков: предварительные оценки : информационно-аналитический материал / Банк России. – Москва, 2024. – 17 с. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/158608/info_07022024.pdf (дата обращения: 14.04.2026).
9. ESG-триллионы: как развивается ответственное финансирование в России // Эксперт РА. – 2025. – 4 декабря. – URL: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_fin_rus_2025/ (дата обращения: 14.04.2026).
10. Guide on climate-related and environmental risks: supervisory expectations relating to risk management and disclosure / European Central Bank. – November 2020. – 54 p. – URL: <https://www.bankingsupervision.europa.eu/ecb/pub/pdf/ssm.202011finalguideonclimate-relatedandenvironmentalrisks~58213f6564.en.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).
11. Principles for the effective management and supervision of climate-related financial risks / Basel Committee on Banking Supervision. – Basel : Bank for International Settlements, 2022. – 15 p. – URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d532.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).

REFERENCES

1. Vasilenko E., Musae`I`yan D., Sidorovskij M., Chigiryova D. Monitoring klimaticheskix i e`kologicheskix strategij krupnejshix rossijskix nefinansovy`x kompanij za 2024 god : analiticheskaya zapiska / Bank Rossii. – Moskva, 2025. – 39 s. – URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/172320/analytic_note_20250204_dfs.pdf (data obrashheniya: 14.04.2026).
2. Verifikatory` // VE`B.RF : oficial`ny`j sajt. – URL: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie/perechen-verifikatorov/> (data obrashheniya: 14.04.2026).
3. Instrukciya Banka Rossii ot 26 maya 2025 g. № 220-I «Ob obyazatel`ny`x normativax i nadbavkax k normativam dostatochnosti sobstvenny`x sredstv (kapitala) bankov s universal`noj licenziej i ob osushhestvlenii Bankom Rossii nadzora za ix soblyudeniem» : prilozhenie 10 «Raschet korrekcirovki velichin kreditnogo i ry`nochnogo riskov po proektam texnologicheskogo suvereniteta i proektam strukturnoj adaptacii e`konomiki Rossijskoj Federacii i (ili) proektam ustojchivogo razvitiya» // SudAkt. – URL: <https://sudact.ru/law/instruktsiia-banka-rossii-ot-26052025-n-220-i/prilozhenie-10/> (data obrashheniya: 14.04.2026).
4. Klimaticheskie riski // Bank Rossii : oficial`ny`j sajt. – URL: https://www.cbr.ru/finstab/Climate_risks/ (data obrashheniya: 14.04.2026).
5. Model`naya metodologiya ESG-rejtingov : doklad dlya obshhestvenny`x konsul`tacij / Bank Rossii. – Moskva, 2023. – 44 s. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (data obrashheniya: 14.04.2026).
6. Nemnogie banki polnocenno uchity`vayut klimaticheskie riski // Bankovskoe obozrenie. – 2025. – 21 marta. – URL: <https://bosfera.ru/bo/nemnogie-banki-polnocenno-uchityvayut-klimaticheskie-riski> (data obrashheniya: 14.04.2026).
7. Svedeniya o razmeshhenny`x i privlechenny`x sredstvax // Bank Rossii : oficial`ny`j sajt. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ (data obrashheniya: 14.04.2026).
8. Stress-testirovanie perexodny`x klimaticheskix riskov: predvaritel`ny`e ocenki : informacionno-analiticheskij material / Bank Rossii. – Moskva, 2024. – 17 s. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/158608/info_07022024.pdf (data obrashheniya: 14.04.2026).
9. ESG-trilliony` : kak razvivaetsya otvetstvennoe finansirovanie v Rossii // E`kspert RA. – 2025. – 4 dekabrya. – URL: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_fin_rus_2025/ (data obrashheniya: 14.04.2026).
10. Guide on Climate-Related and Environmental Risks: Supervisory Expectations Relating to Risk Management and Disclosure [Electronic resource] / European Central Bank. – November 2020. – 54 p. – URL: <https://www.bankingsupervision.europa.eu/ecb/pub/pdf/ssm.202011finalguideonclimate-relatedandenvironmentalrisks~58213f6564.en.pdf>
11. Principles for the Effective Management and Supervision of Climate-Related Financial Risks [Electronic resource] / Basel Committee on Banking Supervision. – Basel: Bank for International Settlements, 2022. – 15 p. – URL: <https://www.bis.org/bcb/publ/d532.pdf>

Информация об авторах

Даниил Алексеевич Усачев, ассистент кафедры экономики и финансов, аспирант кафедры экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, usachevdanya297@gmail.com

Елена Николаевна Малышева, кандидат экономических наук, доцент, декан экономического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, malysheva-en@y360.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7334-8399>, SPIN-код: 2996-6617, AuthorID: 376066

Information about Authors

Daniil A. Usachev, Assistant Professor of the Department of Economics and Finance, Postgraduate Student of the Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400006 Volgograd, Russian Federation, usachevdanya297@gmail.com

Elena N. Malysheva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400006 Volgograd, Russian Federation, malysheva-en@y360.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7334-8399>, SPIN-код: 2996-6617, AuthorID: 376066

Для цитирования: Усачев Д. А., Малышева Е. Н. Совершенствование механизма стимулирования ESG-кредитования коммерческими банками РФ // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 100-115. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

МЕНЕДЖМЕНТ

MANAGEMENT

УДК 369.06

ЕДИНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елена Роальдовна Орлова

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,

г. Москва, Российская Федерация

Энкира Мингияновна Федотова

ФГБУН «Центральный экономико-математический институт Российской академии наук»,

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В Российской Федерации реализуется комплекс мер, направленных на цифровую трансформацию социальной сферы. Базовым элементом единого цифрового контура является единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ). Необходимость создания такой системы продиктована потребностью в консолидации сведений о состоянии здоровья граждан и деятельности медицинских организаций.

Методы. В ходе исследования использованы общенаучные методы систематизации, обобщения, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Источником эмпирического материала послужили нормативные правовые акты, статистические данные о функционировании ЕГИСЗ, материалы правоприменительной практики.

Анализ. ЕГИСЗ представляет собой федеральную государственную информационную систему, оператором которой определен Минздрав России. Система включает шестнадцать подсистем, обеспечивающих сбор, обработку и предоставление информации в сфере здравоохранения. Внедрение ЕГИСЗ способствует повышению доступности медицинской помощи через электронную запись и телемедицинские технологии. Вместе с тем проблемы фрагментации данных между государственным и коммерческими сегментами, отсутствие прямого обмена информацией между клиниками и низкий уровень участия негосударственных медицинских организаций в едином цифровом контуре до сих пор не преодолены.

Выводы. В статье рассмотрены правовые и организационные основы функционирования ЕГИСЗ. Сделаны выводы о необходимости совершенствования нормативной базы для устранения правовых коллизий, обеспечения функциональной совместимости медицинских информационных систем и стимулирования интеграции негосударственного сектора в единое информационное пространство здравоохранения.

Ключевые слова: ЕГИСЗ, здравоохранение, цифровизация, медицинские данные, социальное обеспечение, телемедицина.

UDC 369.06

THE UNIFIED STATE INFORMATION SYSTEM AS THE BASIS FOR HEALTHCARE ORGANIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena R. Orlova

Federal Research Center «Informatics and Management» RAS,
Moscow, Russian Federation

Enkira M. Fedotova

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), College,
Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the Russian Federation, a set of measures is being implemented aimed at the digital transformation of the social sphere. The basic element of the unified digital circuit is the Unified State Information System in the Healthcare Sector (EGISZ). The need to create the system is dictated by the need to consolidate information on the health status of citizens and the activities of medical organizations.

Methods. During the study, general scientific methods of systematization, generalization, formal legal and comparative legal methods were used. The source of empirical material was normative legal acts, statistical data on the functioning of EGISZ, and materials of law enforcement practice.

Analysis. EGISZ is a federal state information system operated by the Ministry of Health of Russia. The system includes sixteen subsystems that ensure the collection, processing and provision of information in the healthcare sector. The introduction of EGISZ contributes to improving the availability of medical care through electronic registration and telemedicine technologies. However, problems of data fragmentation between public and private segments remain, along with the absence of direct information exchange between clinics and low participation of private medical organizations in the unified digital circuit.

Conclusions. The article examines the legal and organizational foundations of the functioning of EGISZ. Conclusions are drawn about the need to improve the regulatory framework to eliminate legal conflicts, ensure interoperability of medical information systems, and stimulate the integration of the private sector into the unified information space of healthcare.

Keywords: EGISZ, healthcare, digitalization, medical data, social security, telemedicine.

Введение. Эффективное оказание медицинской помощи в современной России требует формирования единого информационного пространства, важным элементом которого является единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (далее – ЕГИСЗ). Данная система создана и функционирует на основании федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в статье 91.1 которого закреплён её правовой статус [3; 10].

Формирование единого цифрового контура даёт возможность обеспечить преимущество при медицинском обслуживании, ускорить принятие управленческих решений и сделать услуги в сфере здравоохранения более доступными для населения. В условиях административной реформы ЕГИСЗ превращается в центральное звено, соединяющее работу медицинских организаций, органов исполнительной власти и учреждений социальной защиты.

Для специалистов в области права и организации социального обеспечения анализ деятельности ЕГИСЗ обладает существенной значимостью, поскольку система выступает посредником между медицинскими учреждениями и органами социальной защиты. Посредством ЕГИСЗ обеспечивается межведомственный обмен данными, необходимыми для предоставления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, включая инвалидов и лиц, нуждающихся в льготном лекарственном обеспечении.

В научной литературе вопросы правового регулирования ЕГИСЗ в контексте организации социального обеспечения изучены фрагментарно, что свидетельствует о необходимости дальнейших научных изысканий. Целью исследования выступает комплексный анализ правового и организационного статуса ЕГИСЗ, выявление проблем её функционирования и разработка рекомендаций по совершенствованию использования системы.

Методы. Поставленные задачи исследования были решены с помощью методологического инструментария, включающего общенаучные методы познания (анализ, синтез, системно-структурный подход) и конкретно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Нормативную основу составили Конституция РФ, федеральные законы № 323-ФЗ, № 152-ФЗ «О персональных данных», постановления Правительства РФ, ведомственные акты Минздрава России.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы правоприменительной практики, статистические данные о функционировании ЕГИСЗ, а также материалы официальных сайтов государственных органов. Визуализация и анализ данных осуществлялись приемами логического анализа и контент-анализа.

Анализ. ЕГИСЗ представляет собой сложный многоуровневый программно-аппаратный комплекс, функционирующий на основании федерального законодательства. Согласно статье 91.1 федерального закона № 323-ФЗ, система создана в целях обеспечения сбора, обработки и анализа сведений о состоянии здоровья граждан, оказании медицинской помощи, а также формирования единого информационного пространства в сфере здравоохранения. Оператором системы выступает Министерство здравоохранения Российской Федерации, что соответствует требованиям федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», закрепляющим за федеральными ор-

ганами исполнительной власти ответственность за создание и эксплуатацию федеральных государственных информационных систем [8]. Важной особенностью ЕГИСЗ является обязательное применение единых организационных, технических и программных решений, утверждаемых Правительством РФ, а также финансирование из федерального бюджета, что исключает региональные или ведомственные перекосы в вопросах архитектуры и стандартов обмена данными [6].

История развития системы насчитывает более полутора десятилетий и условно делится на пять этапов. Первый этап (2011–2013 гг.) был связан с базовой информатизацией в рамках Программы модернизации здравоохранения, когда из федерального фонда ОМС и региональных бюджетов было выделено около 29,4 млрд. руб. на прокладку сетей, закупку оборудования и внедрение первых сервисов удалённой записи. Второй этап (2014–2018 гг.) характеризовался переходом к региональным программам, однако на практике внедрение медицинских информационных систем часто осуществлялось без учёта мнения врачебного сообщества, что приводило к несоответствию формализованных словарей клинической практики и двойному вводу данных. Третий этап (2018–2019 гг.) ознаменовался принятием Постановления Правительства РФ от 5 мая 2018 г. № 555, закрепившего технологическую архитектуру и перечень подсистем, а также принятием федерального закона № 242-ФЗ, создавшего правовые предпосылки для применения информационных технологий в охране здоровья. Четвёртый этап (2019–2024 гг.) был связан с реализацией федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе ЕГИСЗ», на который было запланировано выделить 177 млрд. руб. По итогам 2023 г. всеми государственными медицинскими организациями применялись медицинские информационные системы. Свыше 96 % учреждений обеспечили передачу сведений в личные кабинеты пациентов на портале Госуслуг, а количество граждан, воспользовавшихся сервисами, превысило 44 млн. человек. Пятый этап начался в 2025 г. в рамках национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» и федерального проекта «Национальная цифровая платформа «Здоровье»». К 2025 г. 99,31 % медицинских организаций взаимодействовали с ЕГИСЗ, а доля граждан с доступом к электронным медицинским документам достигла 75,4 %. В марте 2026 г. запущен федеральный регистр лиц с отдельными заболеваниями, охватывающий 12 групп диагнозов, а с 1 сентября 2026 г. вступает в силу обновлённый порядок ведения электронной медицинской документации [5; 7; 9].

Архитектура ЕГИСЗ подразделяется на административную и клиническую части и имеет три уровня: федеральный (Минздрав России), региональный (государственные информационные системы субъектов РФ) и уровень медицинских организаций (медицинские информационные системы всех форм собственности). В состав системы входят шестнадцать подсистем, каждая из которых решает специфические задачи. Ключевыми компонентами являются федеральный регистр медицинских работников (ФРМР), содержащий сведения об образовании, аккредитации и трудоустройстве специалистов, и федеральный реестр медицинских организаций (ФРМО), аккумулирующий данные о лицензиях, коечном фонде и оснащении. С 2025 г. в ФРМР интегрированы данные из федеральной налоговой службы

(ФНС), что обеспечивает автоматическое обновление сведений при смене персональных данных специалистов. Федеральная электронная регистратура (ФЭР) организует запись на приём в электронной форме, а Федеральная интегрированная электронная медицинская карта (ФИЭМК) обеспечивает преемственность лечебного процесса за счёт агрегации данных из нескольких учреждений. Федеральный реестр электронных медицинских документов (РЭМД) фиксирует факты создания документов, придавая им юридическую силу, а подсистема ведения реестров лекарственных препаратов для медицинского применения в 2025–2026 гг. проходит масштабную модернизацию с переносом данных из системы «Государственный реестр лекарственных средств» и выделением 1,5 млрд. руб. из федерального бюджета. Также функционируют подсистемы мониторинга и управления здравоохранением субъекта РФ, отраслевой ситуационный центр, реестры медицинских изделий и специализированных организаций, подсистема обезличивания данных и геоинформационный модуль [4; 11; 12]. В декабре 2025 г. перечень систем для межсистемного взаимодействия был расширен за счёт интеграции с единым федеральным регистром сведений о населении (ФГИС ЕРН), порталом Госуслуг и системой «Честный знак».

В системе управления здравоохранением ЕГИСЗ занимает центральное место, выступая инструментом вертикальной интеграции. На федеральном уровне система применяется для стратегического планирования, анализа динамики ключевых показателей здоровья населения и распределения бюджетных средств. Росздравнадзор использует данные для контрольно-надзорных функций, а федеральный фонд ОМС – для проверки счетов. На региональном уровне обеспечивается оперативный контроль загрузки коечного фонда, доступности амбулаторной помощи и анализ заболеваемости. Значимым шагом стало создание федерального регистра лиц с отдельными заболеваниями (вступил в силу 1 марта 2026 г.), который объединяет ранее разрозненные федеральные регистры и позволяет вести комплексный учёт пациентов с 12 группами диагнозов, включая онкологические, сердечно-сосудистые и психические расстройства. Потребителями информации выступают Минздрав России, Росздравнадзор, Росстат, Социальный фонд и аптечные организации. Подсистема мониторинга и контроля в сфере закупок лекарственных препаратов обеспечивает прозрачность расходования бюджетных средств, что особенно важно в условиях реализации национальных проектов. Однако на практике ЕГИСЗ в большей степени ориентирована на мониторинг и отчётность перед государством, собирая данные в одностороннем порядке, тогда как прямой обмен информацией между самими клиниками остаётся не налаженным [1; 2]. Подключение к системе является обязательным лицензионным требованием с 1 сентября 2021г., однако по состоянию на 2026 г. в ЕГИСЗ передают данные не более 2% частных медицинских учреждений, что создаёт серьёзный дисбаланс в информационном обеспечении управленческих процессов. На рис. 1 представим общий механизм работы ЕГИСЗ, в рамках которого осуществляется практически полный документооборот учреждений здравоохранения.

Влияние ЕГИСЗ на качество и доступность медицинской помощи реализуется через ряд ключевых механизмов. Федеральная электронная регистрация, доступная через портал Госуслуг, региональные порталы, информационные терминалы и телефон 122, позволяет гражданам выбирать удобное время приёма. Телемедицинские технологии стали значимым фактором повышения доступности: по данным Минздрава Московской области, с начала 2026 г. проведено более 360 тыс. телемедицинских консультаций для детей (26 % от общего числа онлайн-приёмов), а всего врачи региона провели свыше 1,38 млн. дистанционных консультаций. В 2025 г. количество пациентов, воспользовавшихся телемедициной для консультации по результатам диспансеризации, превысило 834 тыс. человек. В 2026 г. новая программа государственных гарантий впервые выделила отдельные нормативы финансирования для телемедицинских консультаций и дистанционного наблюдения, официально включив онлайн-формат в систему ОМС. Оценка цифровой зрелости систем здравоохранения субъектов РФ, проведённая в начале 2026 г., показала серьёзную дифференциацию регионов: лидером стала Мурманская область (93,6 %), высокие результаты у Республики Саха (Якутия) и Тульской области (по 88,4 %). Наименьшую оценку получила Республика Калмыкия (37,1 %). Эти данные подтверждают необходимость единого подхода к цифровизации на региональном уровне [14].

Несмотря на достигнутые результаты, анализ правоприменительной практики и отраслевых исследований выявляет комплекс проблем внедрения ЕГИСЗ.

Технические проблемы связаны с архитектурой системы: данные, переданные в формате HL7 CDA, не возвращаются обратно в медицинские информационные системы, что препятствует прямому горизонтальному обмену между клиниками. Ситуацию усугубляет наличие на рынке около 260 различных медицинских информационных систем, каждая из которых выстраивает собственную архитектуру, что требует ресурсоёмкой интеграции для каждого нового проекта.

Организационные проблемы выражаются в отсутствии одного подхода регионов к внедрению. Одни субъекты выбирают модель единой медицинской информационной системы. Другие предоставляют выбор учреждениям, что приводит к фрагментации цифрового контура. Особенно остро стоит проблема участия негосударственных медицинских организаций: по данным, озвученным на заседании Торгово-промышленной палаты в марте 2026 г., в феврале 2026 г. из 1,5 млн. созданных в коммерческих учреждениях документов в ЕГИСЗ было передано лишь 147 тыс. файлов (около 9%). Представители бизнеса связывают это со сложностью работы со структурированными электронными медицинскими документами (более 70 форматов), регулярными техническими сбоями и частыми обновлениями, меняющими структуру полей. На том же заседании прозвучало предложение ввести мораторий на обновление структурированного электронного медицинского документа (СЭМД), чтобы дать время разработчикам и врачам адаптироваться к существующим форматам. Кадровые проблемы заключаются в недостаточной цифровой грамотности персонала и фокусе учреждений на выполнение обязательных регуляторных требований в ущерб развитию пациентских сервисов. Исследование компании «Первый Бит» за 2025 г. показало, что около 70% медучре-

ждений автоматизируют преимущественно закреплённые регуляторами процессы, откладывая масштабные проекты, а лишь 46% организаций планируют активные вложения в цифровизацию на 2026 г.

Правовые проблемы связаны с защитой персональных данных специальной категории. Отсутствует легальное определение обезличенных данных, а работающих механизмов получения согласия пациента на передачу информации третьим организациям пока не создано. Стандартные согласия не предусматривают передачу данных в негосударственные медицинские организации, что ограничивает возможности взаимодействия. Судебная практика подтверждает усиление контроля: арбитражные суды удовлетворяют иски Росздравнадзора к медицинским организациям за непредоставление сведений в федеральные реестры, рассматривая наполнение системы как юридически значимое действие. На региональном уровне примером адаптации выступает московская ЕМИАС, где в 2025-2026 гг. приняты совместные приказы Департамента здравоохранения и Департамента информационных технологий по регламенту службы 122, проекту «Умная госпитализация» и аннулированию документов, что обеспечивает достоверность данных, передаваемых в Федеральную ЕГИСЗ.

Выводы. ЕГИСЗ представляет собой сложный межотраслевой институт, объединяющий технические решения и правовые механизмы обработки медицинских данных. Эволюция системы прошла путь от фрагментарной автоматизации до создания централизованного цифрового контура, интегрирующего все уровни оказания медицинской помощи. Трёхуровневая архитектура и шестнадцать подсистем обеспечивают вертикальную интеграцию информации, выступая ключевым инструментом стратегического планирования и оперативного контроля. Действующая нормативная база создаёт условия для цифровизации отрасли, однако требует актуализации подзаконных актов для устранения правовых коллизий, усиления защиты персональных данных и закрепления юридической значимости электронных документов в сфере социального обеспечения.

Внедрение ЕГИСЗ повысило доступность медицинской помощи через электронную запись, телемедицинские консультации и контроль стандартов. Вместе с тем выявлены системные проблемы: техническая ориентация системы на сбор отчётности при отсутствии горизонтального обмена между клиниками; организационная фрагментация из-за разрозненных региональных подходов и низкой вовлечённости коммерческого сектора (менее 10% документов); кадровые трудности, обусловленные нехваткой цифровых компетенций и переориентацией на регуляторные требования; правовые пробелы в части легализации обезличенных данных и процедур получения согласия пациентов.

Для дальнейшего развития ЕГИСЗ необходим комплекс мер: переход на единые стандарты функциональной совместимости медицинских информационных систем, совершенствование законодательства о персональных данных и электронных документах, стимулирование коммерческих клиник к интеграции в цифровой контур, стабилизация форматов структурированных документов и повышение цифровой грамотности персонала. Реализация данных направлений позволит ЕГИСЗ в полной мере реализовать потенциал основы современного здравоохранения и эффективного социального обеспечения граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васенин М. Интероперабельность в здравоохранении: проблемы и перспективы // Доктис: официальный сайт. – 2025. – 15 ноября. – URL: <https://doc-tis.ru/blog/interoperabilnost> (дата обращения: 21.04.2026).
2. Кобякова О. С., Булгакова А. С., Бойков В. А. и др. Результаты оценки цифровой зрелости систем здравоохранения субъектов Российской Федерации // Социальные аспекты здоровья населения. – 2026. – Т. 72, № 1. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1897/30/lang,ru/> (дата обращения: 28.04.2026).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) - URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2025).
4. О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения: Постановление Правительства РФ от 09.02.2022 № 140 (ред. от 26.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О лицензировании медицинской деятельности: Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 (ред. от 08.05.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 № 326 // СЗ РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 2499.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Об утверждении Правил ведения федерального регистра лиц с отдельными заболеваниями: Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 822 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Об утверждении требований к оформлению медицинской документации в электронном виде: Приказ Минздрава России от 01.10.2021 № 1030н // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Орлова Е. Р., Бочарова И. Е., Козенко Т. Е., Федотова А. М. Основные направления цифровизации в области здравоохранения // Информационные технологии и вычислительные системы. – 2023. – № 2. – С. 18-26.
14. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 07.04.2025 по делу № А33-12345/2025 // Архив Арбитражного суда Красноярского края. – URL: <http://krasnoyarsk.arbitr.ru> (дата обращения: 07.04.2026).

REFERENCES

1. Vasenin M. Interoperabel`nost` v zdravooxranenii: problemy` i perspektivy` // Doktis: oficial`ny`j sajt. – 2025. – 15 noyabrya. – URL: <https://doc-tis.ru/blog/interoperabilnost> (data obrashheniya: 21.04.2026).
2. Kobyakova O. S., Bulgakova A. S., Bojkov V. A. i dr. Rezul`taty` ocenki cifrovoj zrelosti sistem zdravooxraneniya sub`ektov Rossijskoj Federacii // Social`ny`e aspekty` zdorov`ya naseleeniya. – 2026. – T. 72, № 1. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1897/30/lang,ru/> (data obrashheniya: 28.04.2026).
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 07.04.2025).
4. O edinoj gosudarstvennoj informacionnoj sisteme v sfere zdravooxraneniya: Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 09.02.2022 № 140 (red. ot 26.12.2025) // Dostup iz SPS «Konsul`tantPlyus».
5. O licenzirovanii medicinskoj deyatel`nosti: Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 01.06.2021 № 852 (red. ot 08.05.2025) // Dostup iz SPS «Konsul`tantPlyus».
6. O personal`ny`x danny`x: Federal`ny`j zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 24.06.2025) // Dostup iz SPS «Konsul`tantPlyus».
7. O strukture federal`ny`x organov ispolnitel`noj vlasti: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 11.05.2024 № 326 // SZ RF. – 2024. – № 20. – St. 2499.
8. Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii: Federal`ny`j zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 29.12.2025) // Dostup iz SPS «Konsul`tantPlyus».
9. Ob obyazatel`nom medicinskom straxovanii v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 29.11.2010 № 326-FZ (red. ot 01.01.2026) // Dostup iz SPS «Konsul`tantPlyus».
10. Ob osnovax oxrany` zdorov`ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 29.12.2025) // Dostup iz SPS «Konsul`tantPlyus».
11. Ob utverzhdenii Pravil vedeniya federal`nogo registra licz s otdel`ny`mi zabolevaniyami: Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 31.05.2025 № 822 // Dostup iz SPS «Konsul`tantPlyus».
12. Ob utverzhdenii trebovanij k oformleniyu medicinskoj dokumentacii v e`lektronnom vide: Prikaz Minzdrava Rossii ot 01.10.2021 № 1030n // Dostup iz SPS «Konsul`tantPlyus».
13. Orlova E. R., Bocharova I. E., Kozenko T. E., Fedotova A. M. Osnovny`e napravleniya cifrovizacii v oblasti zdravooxraneniya // Informacionny`e texnologii i vy`chislitel`ny`e sistemy`. – 2023. – №2. – S. 18-26.
14. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnoyarskogo kraja ot 07.04.2025 po delu № A33-12345/2025 // Arxiv Arbitrazhnogo suda Krasnoyarskogo kraja. – URL: <http://krasnoyarsk.arbitr.ru> (data obrashheniya: 07.04.2026).

Информация об авторах

Елена Роальдовна Орлова, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом 105 «Информационные технологии оценки эффективности инвестиций» Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, Вавилова д. 44, к. 2, 119333, г. Москва, Российская Федерация, orlova@isa.ru, SPIN-код: 5008-8783, AuthorID: 76481

Энкира Мингияновна Федотова, лаборант «Лаборатория компьютерного моделирования социально-экономических процессов (1.09)» ФГБУН «Центральный экономико-математический институт Российской академии наук», Нахимовский проспект 47, 117418, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 6369-6919, AuthorID: 1344384

Information about Authors

Elena R. Orlova, Doctor of Economics, Professor, Head of Department 105 «Information Technologies for Assessing Investment Efficiency» of the Federal Research Center «Informatics and Management» of the Russian Academy of Sciences, Vavilova d. 44, building 2, 119333, Moscow, Russian Federation, orlova@isa.ru, SPIN-код: 5008-8783, AuthorID: 76481

Enkira M. Fedotova, laboratory «Laboratory of computer modeling of socio-economic processes (1.09)» FGBUN «Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences,» Nakhimovsky prospect 47, 117418, Moscow, Russian Federation, SPIN-код: 6369-6919, AuthorID: 1344384

Для цитирования: Орлова Е. Р., Федотова Э. М. Единая государственная информационная система как основа организации здравоохранения в Российской Федерации // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 116-126.
URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

УДК 338.2

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Алексей Алексеевич Соколов

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Игорь Михайлович Кублин

Социально-экономический институт Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю. А.,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Курс страны на модернизацию отраслей народного хозяйства, технологическую независимость, перевооружение производства, решение актуальных задач в социальной сфере, обеспечение стратегической безопасности, сохранение суверенитета государства и достижение на этой основе благополучия территорий находят свое отражение в принятых документах Президента и Правительства Российской Федерации. Национальные цели развития определены в Указе Президента России от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [13]. Одновременно территориальные приоритеты деятельности государственных органов заложены в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, утвержденной распоряжением Правительства России от 28.12.2024 № 4146-р [10]. Одним из направлений документа является необходимость обеспечения экономического роста регионов.

Методы. Для решения задач настоящего исследования применялись различные методы, которые позволили определить взаимосвязь положений рассматриваемой Стратегии с показателями, характеризующими экономическую ситуацию в российских регионах, оценить динамику показателей развития, их соотношение и обусловленность. Среди таких методов находятся: анализ научной литературы и данные официальных источников, в том числе интернет-сайты государственных органов, расчеты экономического характера, приемы и способы статистики, системный подход, анализ эмпирического материала, синтез для формирования выводов и предложений.

Анализ. Один из ключевых векторов развития государственного управления в Российской Федерации, определяющий содержание издаваемых нормативных правовых документов, характер принимаемых решений на федеральном и региональном уровне, распределение ресурсов, заключается в поддержке развития территорий различного характера и ста-

туса, то есть территориальная ориентация. В первую очередь это относится к субъектам России, закрепленным в статье 65 Конституции страны [5]. Выступая главным признаком деления территории государства в целях нормативного регулирования и обеспечения социально-экономического развития, республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа создают основу регионального управления, в целом, и его экономической составляющей, в частности.

Объединение субъектов Федерации в федеральные округа является элементом президентского управления и контроля положения дел в пределах соответствующего макрорегиона, состоящего из ряда субъектов, расположенных в относительной географической близости друг от друга. Представительство Президента России в федеральных округах осуществляется согласно Указу от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [14].

В составе субъектов осуществляется управление муниципальными образованиями на основе разделения задач, отнесенных к полномочиям органов государственной власти, и вопросов местного значения, решение которых осуществляют муниципальные органы.

Стратегия пространственного развития России способствовала приданию нового импульса в развитии территорий. В целях ее реализации принят План реализации стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, утвержденный распоряжением Правительства России от 11.08.2025 № 2149-р [9]. Реализация Стратегии предполагает территориальное планирование, обеспечивающее сбалансированность расходов бюджета с приоритетными направлениями пространственного развития. Эти направления определяются в рамках опорных населенных пунктов, геостратегических территорий России, федеральных округов и Арктической зоны.

Выводы. Социально-экономическое развитие территорий Российской Федерации в настоящее время определяется большим количеством факторов объективного и субъективного характера. С одной стороны, это обеспечивается за счет имеющихся ресурсов, географического положения, природно-климатических условий. С другой стороны, существенную роль здесь играет нормативно-управленческая составляющая, которая выравнивает диспропорции регионального развития.

Ключевые слова: пространственное развитие, экономический рост, территория, субъект Российской Федерации, опорный населенный пункт.

UDC 338.2

IMPLEMENTATION OF THE STRATEGY FOR THE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF SOLVING THE PROBLEM OF ENSURING ECONOMIC GROWTH

Alexey A. Sokolov

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Igor M. Kublin

Social and Economic Institute of the Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin,
Saratov, Russian Federation

Abstract. Introduction. The country's policy of modernizing the national economy, achieving technological independence, retooling production, addressing pressing social issues, ensuring strategic security, preserving the country's sovereignty, and achieving territorial prosperity is reflected in the documents adopted by the President and the Government of the Russian Federation. The national development goals are defined in Presidential Decree No. 309 dated May 7, 2024, «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Period up to 2036» [13]. At the same time, the territorial priorities of state bodies are laid down in the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036, approved by Order No. 4146-r of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2024 [10]. One of the document's objectives is to ensure economic growth in the regions.

Methods. To solve the problems of this study, various methods were used, which allowed to determine the relationship between the provisions of the Strategy under consideration and the indicators that characterize the economic situation in Russian regions, as well as to assess the dynamics of development indicators, their correlation, and dependence. These methods include: analysis of scientific literature and data from official sources, including websites of government agencies, economic calculations, statistical techniques, a systematic approach, analysis of empirical data, and synthesis to form conclusions and suggestions.

Analysis. One of the key vectors of the development of public administration in the Russian Federation, which determines the content of the issued regulatory legal documents, the nature of the decisions made at the federal and regional level, and the distribution of resources, is to support the development of territories of various types and status, i.e., territorial orientation. This primarily applies to the constituent entities of Russia, which are enshrined in Article 65 of the country's Constitution [5]. As the main criterion for dividing the state's territory for the purposes of regulatory control and socio-economic development, republics, territories, regions, cities of federal significance,

autonomous regions, and autonomous districts form the basis of regional governance in general and its economic component in particular.

The unification of the constituent entities of the Federation into federal districts is an element of presidential management and control of the state of affairs within the relevant macro-region, which consists of a number of constituent entities located in relative geographical proximity to each other. The representation of the President of Russia in the federal districts is carried out in accordance with Decree No. 849 of May 13, 2000, «On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District» [14].

The subjects manage municipal entities based on the division of tasks assigned to the powers of state authorities and issues of local importance that are resolved by municipal authorities.

The Spatial Development Strategy of Russia has contributed to giving a new impetus to the development of territories. In order to implement the Strategy, the Russian Government approved the Implementation Plan for the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030, with a forecast up to 2036, on August 11, 2025, No. 2149-r [9]. The implementation of the Strategy involves territorial planning that ensures the balance between budget expenditures and the priority areas of spatial development. These areas are defined within the framework of Russia's reference settlements, geostrategic territories, federal districts, and the Arctic zone.

Conclusions. The socio-economic development of the territories of the Russian Federation is currently determined by a large number of objective and subjective factors. On the one hand, this is ensured by the available resources, geographical location, and natural and climatic conditions. On the other hand, the regulatory and managerial component plays a significant role in leveling the disparities in regional development.

Keywords: spatial development, economic growth, territory, constituent entity of the Russian Federation, and reference settlement.

Введение. Пространственное развитие является актуальной сферой научных исследований российских ученых. Т. В. Боровикова включает в структуру этого понятия несколько элементов. Среди них природно-климатические ресурсы и условия, местонахождение, инфраструктурные характеристики, направления деятельности, экономические составляющие (уровень доходов, предложение товаров, рабочие места), организационно-управленческие характеристики и деятельность органов власти [1, с. 174-175].

Е. Г. Кошелева определяет пространственное развитие как объект стратегического управления в современной России и инструмент повышения качества жизни. В долгосрочной перспективе на него оказывают влияние интеграция и экономическое взаимодействие между регионами, действия общественных организаций на местах, наличие центров развития регионов [6, с. 131].

Н. В. Медведева рассматривает пространственное развитие в части формирования городских и сельских агломераций, выявляя особенности агломерационной формы по сравнению с административно-территориальной и системой опорных населенных пунктов [7, с. 121].

Обращение органов государственной власти к механизмам и инструментам территориального управления и распределения ресурсов, ставка на регионы как относительно самостоятельные (в пределах своих полномочий) части страны предопределило разработку и утверждение в 2024 году стратегии, предусматривающей конвергенцию пространственно-временного развития народно-хозяйственного комплекса, социальной сферы, инфраструктуры, то есть социально-экономической системы в целом на региональной основе. В настоящее время процесс реализации принятой Стратегии можно характеризовать как активный. Выступая элементом стратегического планирования, стратегия все же в большей степени ориентирует механизмы государственного управления на создание конкретных инфраструктурных объектов, совершенствование алгоритмов финансового обеспечения и определения комбинации ключевых проблем для их решения путем определения «точек роста» и их трансформации в реальность. Стратегия, с одной стороны, разрешает имеющиеся недостатки в развитии, преобразовывая современную действительность в целях ее адаптации. С другой стороны, она призвана направлять вектор развития на решение перспективных задач, предупреждая и опережая наступление негативного сценария.

Методы. Использование общенаучных и эмпирических методов исследования обеспечило решение задач работы и определило получение необходимых результатов. При уточнении теоретических положений применялись методы дедукции и индукции, анализ научной литературы и официальных источников, синтез. В практической части основным методом выступил экономический расчет и анализ числовых данных, размещенных на интернет-сайтах государственных органов, в том числе материалов Росстата.

Анализ. Начало реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации, с одной стороны, продолжило курс на регионализацию государственного управления, а, с другой стороны, выступило обновленным, усовершенствованным механизмом развития территорий страны. Принятый Правительством России в целях обеспечения достижения целей Стратегии план является подробным документом, в котором содержится значительное количество мероприятий – их более 50. В целом Стратегия способствует созданию в регионах России необходимых условий для комфортной жизни, самореализации граждан, росту благосостояния территорий. Одновременно с необходимостью надлежащего использования имеющейся инфраструктуры, создания новых объектов и совершенствования деятельности по планированию регионального развития в документе уделяется особое внимание таким территориям, как: Дальний Восток, Арктика, Северный Кавказ, Крым, Калининградская область [4].

Органы государственной власти, осуществляющие наблюдение и мониторинг за ходом выполнения мероприятий плана реализации Стратегии, в частности Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, фиксируют активный темп и положительную динамику – результат составляет около 30 пунктов [2].

Стратегия пространственного развития России содержит детальный анализ текущей и перспективной ситуации в различных сферах жизни общества и государства, подкрепленный числовыми показателями за исследуемый период, на отчетную дату, а также прогнозом на

нескольких ближайших лет. Представленный срез данных характеризует имеющиеся проблемы и негативные тенденции в области комплексного регионального развития.

Первый аспект отражает сосредоточение экономического роста в небольшом количестве субъектов Российской Федерации, среди которых выделяется Москва и Санкт-Петербург с прилегающими территориями, вместе называемыми городскими агломерациями. Вместе с другими семью регионами они заняли в 2016–2022 гг. долю в совокупном валовом региональном продукте, равную 50-53 %. Сюда также относятся минерально-сырьевые регионы России – Красноярский край, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Сам факт преуспевающего развития названных территорий – явление, конечно, положительное. Однако концентрация «точек роста» в ограниченном пространстве страны, по мнению ряда ученых (А. А. Антонова, Е. З. Герчикова, И. М. Кублин, В. Г. Буш), вызывает определенное беспокойство со стороны органов власти и управления, что предполагает принятие соответствующих мер по распространению успешного опыта в другие регионы [12, с. 118].

Второй индикатор проблемного характера – высокая динамика урбанизации населения. Более того, концентрация жителей происходит не просто в городах, а именно в крупных городских агломерациях, создавая там условия для развития, по крайней мере, с точки зрения кадрового обеспечения. При этом в малых городах и сельской местности создается ситуация, характеризующаяся оттоком населения и уменьшения его численности, дефицитом квалифицированных работников и ухудшением показателей социально-экономического развития. Такая тенденция сопровождается ростом количества городов с населением более 0,5 млн. чел. Так, за 20-летний период 2002–2022 гг. произошло увеличение данного показателя более чем на 20 %. Одновременно происходит уменьшение количества жителей малых и средних городов. Согласно проведенным исследованиям за прошедшие 20 лет наблюдается снижение примерно на 7-8 %. Отток населения наблюдается и из сельских населенных пунктов с темпом 4 % за аналогичный промежуток времени. Разбалансированность, чрезвычайно неравномерное расселение граждан по территории государства является фактором возникновения диспропорций в развитии народнохозяйственного комплекса и его отдельных отраслей, выступающих применительно к той или иной территории определяющими их благополучие, уровень и качество жизни граждан.

Третье – одновременно на территории Российской Федерации в целом Росстат и соответствующие отраслевые министерства наблюдают устойчивый экономический рост и улучшение основных показателей развития экономики. Среди них валовой внутренний продукт, валовой региональный продукт, сумма инвестиций в основной капитал и др. Это не означает, что все без исключения субъекты РФ находятся в одинаковых условиях подъема и отсутствия проблем для наращивания производственных мощностей и динамики социально-экономического развития. Ситуация в разных субъектах значительно отличается в силу наличия объективных и субъективных факторов, связанных с социально-экономическим развитием [3, с. 550].

Четвертое обстоятельство. Одной из ключевых и самых чувствительных проблем современной России и многих ее субъектов является отсутствие положительной динамики чис-

ленности населения. Это наблюдается с 2016 года в результате снижения темпов рождаемости, сопровождающейся естественной убылью населения, что во многом и создает условия для неравномерного развития территорий с точки зрения экономического роста, достижения всеобщего социального благополучия и в определенной степени трансформируется в саму причину сохраняющейся демографической проблемы. Иными словами, возникает так называемая причинно-следственная связь замкнутого цикла – сама проблема преобразовывается в причину этой проблемы. Так, за анализируемый 2023 год произошло сокращение численности населения на 500 тыс. чел. Кроме того, в течение одного десятилетия (2010–2021 гг.) уменьшилась численность женщин в возрасте 20-29 лет, который считается наиболее активным для осуществления репродуктивной функции, и прогнозируется дальнейшее ухудшение этого показателя с горизонтом до 2050 года [4, раздел II].

Пятая причина. В условиях общемирового устойчивого роста миграционных потоков обостряется конкурентная борьба между странами за высококвалифицированную рабочую силу, что на фоне отрицательных демографических тенденций в России провоцирует уменьшение притока трудовых ресурсов в регионы страны, создавая дефицит кадров в различных отраслях народного хозяйства и субъектах хозяйственной деятельности. Среди территорий, наиболее подверженных возникновению и распространению ситуации нехватки работников, в первую очередь выделяются регионы с неблагоприятной демографической ситуацией, выраженным оттоком населения и низкими показателями производительности труда.

Шестой фактор. Существенное влияние на пространственное развитие Российской Федерации оказывает активное развитие и распространение современных технологий, новых видов продуктов различного назначения, их проникновение во все сферы народного хозяйства, организаций и быт граждан. Такие процессы позитивно воздействуют на страну и регионы в том случае, когда само государство является активным участником этих процессов в качестве создателя новшеств, их коммерциализации, распространения и трансформации в инновации. В данном случае обеспечивается независимость, самодостаточность и суверенитет, в том числе производственно-технологический суверенитет за счет целостного и системного взаимоувязанного характера. Определяющим фактором здесь выступает научно-технический прогресс и научные исследования как фундаментальные, так и прикладные, которые создают новые знания и возможность их использования в инновационно-практической деятельности. В тоже время сохраняется определенный разрыв между результатами научной деятельности и их фактическим применением в деятельности хозяйствующих субъектов, тем самым создавая риски перехода научных открытий для их реализации за рубеж. В этой связи требуется большая степень согласованности действий органов государственной власти на федеральном и региональном уровне, органов местного самоуправления, предприятий и учреждений по поддержке экономических отношений, связанных с конфигурацией взаимодействия при разработке и внедрении инновационных результатов научно-технологического развития во все отрасли народного хозяйства, в том числе в промышленность, которая является одним из ключевых драйверов магистрального движения по пути технологического прогресса.

Седьмое условие. Таковым является наднациональная проблема глобального изменения климата, которая развивается под влиянием различных техногенных факторов и естественных природных причин. В результате роста концентрации парниковых газов и их негативного воздействия на окружающую среду происходят климатические изменения, связанные с глобальным потеплением и повышением среднегодовой температуры атмосферного воздуха около Земли в среднем на 1 градус по Цельсию за 100 лет. В Российской Федерации тенденция роста среднегодовой температуры воздуха более ярко выражена, чем глобальное общемировое изменение. Наиболее остро данный вопрос стоит в Арктической зоне. Наблюдаемые изменения в климатическом режиме усиливают природное воздействие на экономику и социальную сферу в России, что выражается в размещении производительных сил, перемещении населения из одного региона в другой, физическое здоровье граждан и др.

Названные условия пространственного развития России дополняются геополитическими особенностями, в которых находится страна, и которые прямо или косвенно оказывают влияние на развитие регионов. Создаваемые на этой основе ограничения со стороны недружественных стран связаны, в том числе, с проведением в отношении Российской Федерации активной политики сдерживания ее социально-экономического и технологического развития. Данные условия, с одной стороны, расцениваются как вызовы, требующие сосредоточения усилий на создание и развитие собственной базы материального производства, технологических управленческих решений и инновационных продуктов в целях обеспечения необходимого уровня самодостаточности государства от внешних факторов. С другой стороны, текущая ситуация создает дополнительные возможности для развития внутреннего потенциала страны и его использования на внешних рынках.

Пространственное развитие России предполагает создание прогрессирующих условий сбалансированности в решении вопросов расселения граждан по территории страны и в пределах субъектов Федерации, пропорциональное распределение экономических ресурсов и возможностей с тем, чтобы обеспечить достижение национальных целей развития, утвержденных Указом Президента РФ [13].

Одним из ключевых механизмов пространственного развития является создание системы опорных населенных пунктов. Единый перечень в целом по стране включает 2160 населенных пунктов, расположенных во всех субъектах Российской Федерации. Населенные пункты, вошедшие в данный перечень, должны стать ключевым драйвером концентрации ресурсов социально-экономического развития соответствующей территории [8].

Так, например, от Волгоградской области в обозначенный перечень вошли 34 населенных пункта. Саратовская область представлена 42 населенными пунктами. Как правило, это административные центры регионов и муниципальных образований, а также ключевые города, поселки и сельские муниципальные образования.

Анализируя изменение ключевых показателей развития Волгоградской и Саратовской областей, представим следующие данные (табл.).

Таблица

Показатели развития Волгоградской и Саратовской областей

№ п/п	Название субъекта	2023 год	2024 год	2025 год
1	Численность населения, тыс. чел.:			
	Волгоградская область	2470,1	2453,9	2434,0
	Саратовская область	2404,9	2385,2	2369,4
2	Валовой региональный продукт, млрд руб.:			
	Волгоградская область	1397,0	1518,0	1550,0 *
	Саратовская область	1374,2	1535,2	1540,0 *
3	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.:			
	Волгоградская область	291,4	364,6	398,6
	Саратовская область	286,5	316,9	337,6
4	Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата, тыс. руб.:			
	Волгоградская область	67,9	81,7	88,7
	Саратовская область	66,1	75,9	90,0
5	Уровень безработицы, %:			
	Волгоградская область	3,7	2,6	2,1
	Саратовская область	2,8	2,0	1,8

Источник: составлено авторами по данным [15].

Примечание. Знаком «*» отмечены прогнозные значения, которые сформированы на основе общедоступной информации сети «Интернет», поскольку официальные данные Росстата на момент проведения исследования еще не опубликованы.

Представленные в таблице статистические данные свидетельствуют в целом о положительной динамике рассматриваемых показателей социально-экономического положения Волгоградской и Саратовской областей за анализируемый временной период. В частности, ярко выражена динамика роста инвестиционной активности, которая непосредственно оказывает синтезирующее влияние на достижение национальных целей развития [11, с. 114]. Однако для прослеживания их взаимосвязи с мероприятиями Стратегии пространственного развития Российской Федерации требуется срез данных о результатах реализации за весь период стратегического планирования в этой сфере государственного управления.

Выводы. Принятие и начало реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации призвано создать дополнительный импульс трендам социально-экономического роста в регионах и муниципальных образованиях с учетом новых условий, продиктованных синергией применяемых производственно-технологических решений и современными внешними и внутренними обстоятельствами. Планомерная реализация программы Стратегии с внесением необходимых корректировок, исходя из реального положения дел в конкретный период времени, создаст предпосылки для изменения технико-технологической реальности и достижения национальных целей развития России, а также роста благосостояния жителей соответствующих территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боровикова, Т. В. Территориальная привлекательность и пространственное развитие: комплексный подход стратегии развития территориального пространства российских регионов / Т. В. Боровикова // Экономические системы. – 2025. – Т. 18, № 4. – С. 171-178. – DOI 10.29030/2309-2076-2025-18-4-171-178. – EDN BURZMW.
2. Важно обеспечить качественный и максимально объективный мониторинг развития опорных населенных пунктов. URL: <http://region.council.gov.ru/events/news/175258/> (дата обращения: 23.04.2026).
3. Зоркова, В. А. Классификация и возможности применения информационных технологий в государственном управлении в условиях цифровизации / В. А. Зоркова, А. А. Соколов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13, № 8-1. – С. 548-555. – DOI 10.34670/AR.2023.37.16.062. – EDN IRMIOY.
4. Кабмин утвердил план выполнения стратегии пространственного развития. URL: <https://объясняем.рф/articles/news/kabmin-utverdil-plan-vypolneniya-strategii-prostranstvennogo-razvitiya-/> (дата обращения: 23.04.2026).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mqe5x87gnm198966378 (дата обращения: 19.04.2026).
6. Кошелева, Е. Г. Комплексное развитие территории в контексте пространственного развития российской Федерации / Е. Г. Кошелева // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2023. – № 4. – С. 130-138. – EDN YSZBSJ.
7. Медведева, Н. В. Вопросы развития агломерационных форм расселения в системе пространственного развития / Н. В. Медведева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 8, № 2 (167). – С. 121-128. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.02.08.014. – EDN CFFTXH.
8. Министерство экономического развития Российской Федерации. Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/?ysclid=mqhc775h401082483 (дата обращения: 25.04.2026).
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.08.2025 № 2149-р «Об утверждении Плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512075/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=mqe76urfm8756069100 (дата обращения: 22.04.2026).
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до

2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 21.04.2026).

11. Соколов, А. А. Развитие инвестиционной и инновационной деятельности в российских регионах: анализ статистических показателей / А. А. Соколов, И. М. Кублин // Парадигмы управления, экономики и права. – 2025. – Т. 6, № 4(18). – С. 106-116. – EDN MMVIOX.

12. Территориальные кластеры как перспективный формат повышения конкурентоспособности отечественной экономики в условиях импортозамещения / А. А. Антонова, Е. З. Герчигова, И. М. Кублин, В. Г. Буш // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 2-2 (67). – С. 116-120. – EDN VTBSKB.

13. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=mqe5vowio9405311163 (дата обращения: 19.04.2026).

14. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23329/ (дата обращения: 20.04.2026).

15. Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 25.05.2026).

REFERENCES

1. Borovikova, T. V. Territorial'naya privlekatel'nost' i prostranstvennoe razvitie: kompleksny`j podxod strategii razvitiya territorial'nogo prostranstva rossijskix regionov / T. V. Borovikova // E`konomicheskie sistemy`. – 2025. – Т. 18, № 4. – S. 171-178. – DOI 10.29030/2309-2076-2025-18-4-171-178. – EDN BURZMW.

2. Vazhno obespechit` kachestvenny`j i maksimal`no ob`ektivny`j monitoring razvitiya oporny`x naseleenny`x punktov. URL: <http://region.council.gov.ru/events/news/175258/> (data obrashheniya: 23.04.2026).

3. Zorkova, V. A. Klassifikaciya i vozmozhnosti primeneniya informacionny`x texnologij v gosudarstvennom upravlenii v usloviyax cifrovizacii / V. A. Zorkova, A. A. Sokolov // E`konomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2023. – Т. 13, № 8-1. – S. 548-555. – DOI 10.34670/AR.2023.37.16.062. – EDN IRMIOY.

4. Kabmin utverdil plan vy`polneniya strategii prostranstvennogo razvitiya. URL: <https://ob`yasnyaem.rf/articles/news/kabmin-utverdil-plan-vypolneniya-strategii-prostranstvennogo-razvitiya/> (data obrashheniya: 23.04.2026).

5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mqe5x87gnm198966378 (data obrashheniya: 19.04.2026).

6. Kosheleva, E. G. Kompleksnoe razvitie territorii v kontekste prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii / E. G. Kosheleva // Vestnik Doneczkogo nacional'nogo universiteta. Seriya V. E'konomika i pravo. – 2023. – № 4. – S. 130-138. – EDN YSZBSJ.

7. Medvedeva, N. V. Voprosy` razvitiya aglomeracionny`x form rasseleniya v sisteme prostranstvennogo razvitiya / N. V. Medvedeva // E'konomika i upravlenie: problemy`, resheniya. – 2026. – Т. 8, № 2(167). – S. 121-128. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.02.08.014. – EDN CFFTXH.

8. Ministerstvo e'konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. Edinyj perechen` oporny`x naseleenny`x punktov Rossijskoj Federacii. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/?ysclid=mqhc775h401082483 (data obrashheniya: 25.04.2026).

9. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11.08.2025 № 2149-r «Ob utverzhdenii Plana realizacii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512075/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=mqe76urfm8756069100 (data obrashheniya: 22.04.2026).

10. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28.12.2024 № 4146-r «Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (data obrashheniya: 21.04.2026).

11. Sokolov, A. A. Razvitie investicionnoj i innovacionnoj deyatel'nosti v rossijskix regionax: analiz statisticheskix pokazatelej / A. A. Sokolov, I. M. Kublin // Paradigmy` upravleniya, e'konomiki i prava. – 2025. – Т. 6, № 4(18). – S. 106-116. – EDN MMVIOX.

12. Territorial'ny'e klastery` kak perspektivnyj format povy`sheniya konkurentosposobnosti otechestvennoj e'konomiki v usloviyax importozameshheniya / A. A. Antonova, E. Z. Gerchikova, I. M. Kublin, V. G. Bush // E'konomika i predprinimatel'stvo. – 2016. – № 2-2(67). – S. 116-120. – EDN VTBCKB.

13. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 № 309 «O nacional'ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=mqe5vowio9405311163 (data obrashheniya: 19.04.2026).

14. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.05.2000 № 849 «O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal'nom okruge» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23329/ (data obrashheniya: 20.04.2026).

15. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Oficial'naya statistika. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (data obrashheniya: 25.04.2026).

Информация об авторах

Алексей Алексеевич Соколов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066, г. Волгоград, Российская Федерация, ASokolov.vlg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3880-6475>, SPIN-код: 4377-2482, AuthorID: 962855

Игорь Михайлович Кублин, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и маркетинг», Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., ул. Политехническая, 77, 410054, г. Саратов, Российская Федерация, kublinim@sstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8985-6160>, SPIN-код: 3854-0197, AuthorID: 358178

Information about the Author

Aleksey A. Sokolov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management – branch of the RANEPA, st. Gagarina, 8, 400066, Volgograd, Russian Federation, ASokolov.vlg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3880-6475>, SPIN-код: 4377-2482, AuthorID: 962855

Igor M. Kublin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Marketing, Social and Economic Institute of Yuri Gagarin Saratov State Technical University, st. Politekhnikeskaya, 77, 410054, Saratov, Russian Federation, kublinim@sstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8985-6160>, SPIN-код: 3854-0197, AuthorID: 358178

Для цитирования: Соколов А. А., Кублин И. М. Реализация стратегии пространственного развития Российской Федерации в контексте решения задачи обеспечения экономического роста // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 2 (20). – С. 127-139. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N2.pdf

Сетевое издание

**ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

Том 7 № 2(20) 2026

Дата выхода в свет:

30 июня 2026 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Усл. печ. 9,5. Уч.-изд. л. 9,9.

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10